

Родная ДАДОГА

№ 1' 2008

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

издается ежеквартально
при участии:

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России;

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга;

ЗАО «Утро»

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Зам. главного редактора
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Шеф-редактор
электронной версии журнала
Николай СТАНКЕВИЧ

Зарегистрировано УФС
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного
наследия по Северо-Западному
Федеральному округу ПИ № ФС-2-8531

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Иеромонах РОМАН
*Светлые часы пред
Рождеством*

Чеслав КИРВЕЛЬ
Наступление «Века толп»

Борис ПОДОПРИГОРА
*Уверенность
в автомате Калашникова*

Протоиерей
Борис НИКОЛАЕВСКИЙ
Духовные беседы

Олег ОХАПКИН
*Лист слова ждал,
а тишь — евангелиста*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АГАФОНОВ Николай, протоиерей — член Союза писателей России.
ГРОМОВ Александр Витальевич (Самара) — председатель Самарской писательской организации, член правления Союза писателей России, главный редактор журнала «Русское эхо».

ДЕНИСОВ Николай Васильевич (Тюмень) — председатель Тюменской областной писательской организации, секретарь правления Союза писателей России, главный редактор газеты «Тюмень литературная».

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — главный редактор газеты «Российский писатель», секретарь правления Союза писателей России.

ДУНАЕВ Михаил Михайлович (Москва) — профессор Московской Духовной Академии, доктор богословия, доктор филологических наук.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, генеральный директор и руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

КАЗИН Александр Леонидович (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, член Союза писателей России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КОНЯЕВ Николай Михайлович (Санкт-Петербург) — секретарь правления Союза писателей России, главный редактор журнала «Аврора».

КОРОЛЬКОВ Александр Аркадьевич (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, академик Российской Академии Образования, член Союза писателей России.

КОРЫТИН Сергей Николаевич (Санкт-Петербург) — генеральный директор ЗАО «Утро».

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — депутат Законодательного Собрания СПб, председатель постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат литературной премии Александра Солженицына, заведующий отделом поэзии журнала «Новый мир».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь правления Союза писателей России, лауреат Государственной премии, герой Кубани, главный редактор журнала «Родная Кубань».

ОРЛОВ Борис Александрович (Санкт-Петербург) — председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, член правления СП России.

ПОПОВ Геннадий Андреевич (Орел) — сопредседатель правления Союза писателей России, руководитель Орловской писательской организации.

СДОБНЯКОВ Валерий Викторович (Нижний Новгород) — главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век», заместитель председателя Нижегородской писательской организации, член Союза писателей России.

СЕМЕНОВ Валентин Евгеньевич (Санкт-Петербург) — директор НИИ социологических исследований СПбГУ, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России.

СМОЛЬКИН Игорь Александрович (Псков) — председатель Псковской писательской организации, член правления Союза писателей России.

ШВЕЧИКОВ Алексей Николаевич (Санкт-Петербург) — председатель совета Собора православной интеллигенции, кандидат философских наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Родная Речка

Валентин Распутин. Откуда пошли мои книги.....	5
--	---

ПОЭЗИЯ

Иеромонах Роман.....	11
Священник Сергей Григорянц.....	53
Олег Охапкин.....	98
Диана Кан.....	104
Геннадий Верещагин.....	130
Анатолий Аврутин.....	132
Николай Денисов.....	175
Владимир Чобанзаде.....	178
Виктор Петров.....	189
Вадим Терёхин.....	192

ЛЕСТВИЦА

Андрей Ребров. Радость навещает душу. Из дневника поэта	16
Сергей Корытин, Наталья Егорова. Духовный наставник. <i>Жизненный путь протоиерея Бориса Николаевского</i>	36

Северная Столица

Виктория Гусакова. Святыни невской земли.....	29
---	----

НАСЛЕДИЕ

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы	43
--	----

Великая Провинция

Николай Коняев. Ангелы Старой Ладogi	56
--	----

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Чеслав Кирвель. Наступление «Века толп». Глобализирующееся общество: от полного торжества рыночного обмена к антропологическому мегакризису.....	107
Борис Подпригора. Уверенность в автомате Калашникова	181

ПРОЗА

Борис Краснов. Время внутри нас. Рассказы	135
--	-----

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Татьяна Батурина. Мистические тайны истории. О произведениях Николая Коняева	153
---	-----

Наша ИДЕОЛОГИЯ

Сергей Перевезенцев. Смысл истории.....	158
Владимир Варава. Святость слова	204

ПАМЯТОСЛОВ

Владимир Поветкин. Украсный мир Балашова. К 80-летию со дня рождения Д.М. Балашова (1927-2007)	166
---	-----

ЛИРОВОЗРЕНИЕ

Алексей Швечиков. Преодоление противостояния	195
---	-----

Родная Речь

Валентин РАСПУТИН

ОТКУДА ПОШЛИ МОИ КНИГИ

Валентин Григорьевич Распутин родился 15 марта 1937 года в поселке Усть-Уди Усть-Удинского района Иркутской области. Окончил историко-филологический факультет ИГУ. Автор многих книг, вышедших в России и за рубежом и неоднократно переизданных. Лауреат Государственной премии СССР в области литературы, искусства и архитектуры, лауреат премии Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного «За Веру и Верность» и др. Живет в Иркутске.

Известно, что писателем человека делает не столько внешняя, сколько внутренняя жизнь. Но внутреннее — это переливание и переживание внешнего, своего рода духовный отстой. Не знаю, размышляли ли кто-нибудь над тем, какая судьба больше подходит для рождения писателя — бурная или, напротив, спокойная и созерцательная, колесная или оседлая; это, быть может, впоследствии не так и важно, если давать «бурям» передышку и если оседлость дает глубокие переживания... но сосредоточенность писательского труда требует сосредоточенной жизни, и уверен: писатель начинается в детстве от впечатлений, которыми напитывается именно тогда. Он может затем долго не знать себя как писателя, а может быть, и никогда не узнать, однако душа засеяна, вздобрена, и она при направленном обращении к ней в любой момент способна дать урожай...

Мое детство прошло в глухой ангарской деревне, в 400 километрах от Иркутска. Она и теперь, ставши поселком, переехав на новое место и переменив образ жизни, осталась глухой, моя Аталанка, но не потому, что так и не сумела выдраться из таежных зарослей, а потому, что слишком их вычистила и оказалась никому не нужна. На двух сокровищах стояла Аталанка — на Ангаре и на тайге, — и ни того, ни другого не осталось. Ангара, Ангара! — изумрудная наша красавица, еще и теперь протекающая по моему сердцу, — сколь многим она меня

напоила и накормила! Жили мы бедно, и не мы одни, вся деревня жила бедно, земли для хлебов были худородные, мошка (мелкий гнус) заедала скотину, которая днями во все лето спасалась только под дымокурном и только на короткие ночные часы выбегала на выгон. Да и сами мы ходили в сетках из конского волоса, натягиваемых на голову, мазались дегтем. Колхоз наш не вылезал из долгов, они время от времени списывались и снова нарастали, и жила деревня огородами. Да еще тайгой и Ангарой. Первые мои впечатления связаны с Ангарой, потом с матерью и бабушкой. Я понимаю, что должно быть наоборот, ведь не Ангара же вспоила меня грудным молоком, но, сколько ни веду я в себе раскопки, ничего прежде Ангары не нахожу. Вероятно, присутствие матери было настолько естественным и необходимым, сращенность была настолько полной, что я не отделял себя от нее. Ангара же поразила меня волшебной красотой и силой, я не понимал, что это природа, существующая самостоятельно от человека миллионы лет, мне представлялось, что это она принесла нас сюда, расставила в определенном порядке избы и заселила их семьями. Это представление могло связаться с картиной разлившейся Ангары, затопившей деревню, по которой мы, ребятня, плавали на плотиках, и пронесенной на стремнине на каком-то помосте коровы; слышу и сейчас чей-то голос: «Это матушка — Ангара бедным детушкам понесла». Наши места были заселены в самом начале 18-го столетия выходцами с Русского Севера. Самые распространенные фамилии — Вологжины и Пинегины, бабушка тоже из Вологжиных. Моя фамилия пришла из мурманских краев (другой ветвью из архангельских) и разрослась по Ангаре густо, назвав собою две деревни на порядочном расстоянии одна от другой. Теперь не осталось ни одной. В дедушке по отцу (по матери я деда не знал) просматривалась примесь коренной сибирской породы, этакая тунгуссковатость, а у бабушки было чисто русское, ликовое лицо, суховатое и удлиненное, глядящее издалека, точно помнящее века; и он, и она были людьми сильных характеров, долго притиравшихся, народивших кучу детей, но так в конце концов и не притершихся. Это о них рассказ «Василий и Василиса», один из первых. С него я начал, а бабушку писал постоянно, с нее слеплены старуха Анна в «Последнем сроке» и старуха Дарья в «Прощании с Матёрой». Судьба моих односельчан и моей деревни почти во всех книгах, и их, этих судеб, хватило бы еще на многие. Я не люблю фантазировать, право писателя на вымысел я использую только для поправок, прочищающих нравственные токи реальности при перенесении ее в книгу. Сначала я «ходил» «по нижней» своей Аталанке, пока она оставалась подле Ангары, затем «прощался» с нею, когда она принуждена была перебираться на новое место, туда, где я прежде собирал ягоды и грибы, наблюдал ее, оторванную от векового днища, когда она сделалась «верхней» и пыталась пустить новые корни — и это оттуда «Пожар», а сейчас, в редкие наезды со страхом смотрю уже и не на медленное сползание, а

обрывистое падение в пропасть с изуродованным существованием. Я немало за свою писательскую жизнь наслушался об узости, замкнутости, обедненности «деревенской» литературы, не умеющей смотреть масштабно. Вот вам и «узость», не вмещающаяся в страницы. Приближение роковых времен чувствовалось заранее, и отчетливей всего оно замечалось на «малой» родине. Не стало Ангары, молодой, быстрой и завораживающей, в которую я беспрестанно заглядывался в детстве. Теперь она, обузданная плотинами, изъезженная, распушшая, гнилая, лежит в беспамятстве, теряя свое имя. Надо ли гордиться, что я, кажется, последним пропел ей сыновью песню со словами, которые она в меня наплескала?! И, быть может, в вечное утешение за благодарную мою память стало так, что бабушка и дедушка, а также отец лежат вместе в сухой земле, а не под водой, как их бабушки и дедушки. Мать моя год назад легла отдельно и похоронена в Братске, тоже в ангарских владениях, где она доживала у моей сестры. Лет десять мы с сестрой на лето привозили ее в деревню, о которой она вздыхала всю зиму, а под весну в изнеможении и тоске умолкала, уставившись глазами туда, в родные пределы и в родной дом. Она была по рождению не аталанской, отец привез ее с Ангары же, но верхней, — и вот как: мимо Аталанки и легла. Не было у моей Нины Ивановны других заслуг, кроме доброго сердца, но это так много! И жизнь она прожила невеселую, пригорбленную еще и послевоенной судьбой отца.

Вернувшись с фронта в орденах и медалях, отец не пошел в колхоз, а заступил на должность начальника почты. Деревня наша хоть и была небольшой, но считалась центральной среди полудюжины еще меньших, раскиданных по Ангаре. В ней располагались сельсовет, почта, сберкасса, медпункт, сельпо. По почте пересылались денежные переводы, велись иные мелкие расчеты. И когда у заснувшего на пароходе отца во время его служебного отъезда срезали сумку, денег в ней много находиться не могло. Но в те времена в расправе не мелочились. После четырех лет фронта, всего только два года и пробыв дома, на семь лет он загремел в магаданские рудники и вышел только по амнистии после смерти Сталина, совсем «доходягой», как он с грустью говорил о себе. И, вероятнее всего, не вышел бы вовсе, если бы не фантастическое везение: в тот же лагерь попал взятый в армию в конвойные отряды его младший брат, мой дядя. Пока разобрались, что они братья, прошло более полугода, в которые отец успел «подкормиться». Многим ты богата, великая Русь, в том числе и такими сюжетами! Будь у меня три жизни и пиши я в десять раз быстрее (а я всегда писал медленно), то и тогда мне вполсилы не выбрать судеб, которые складывались только в одной нашей деревне, тихой, незаметной до переезда, полусонной. Но в этой неказистой деревне жила часть русского народа, пусть очень малая часть, но той же кости, того же духа, сохранившегося еще и лучше, чем в людных местах, на семи ветрах. Да и что такое «полусонная» деревня, если

этот народ жил в беспрестанных трудах, играл свадьбы, рожал детей и воспитывал их, хранил традиции и держался вместе?! И когда говорят о природной лени русского человека, уверяют, что он работать способен только из-под палки, — не к ним, не к клеветникам, хочется обратиться, а к небу, которому они поклоняются: вразуми ты их, бесчестных, — разве знают они русского человека? Кто кормил их, кто защищал от гибели, пока они напивались ядом? Должен признаться и я в грехе: было время, когда я, смущенный университетом, образованием, стал стыдиться своего деревенского языка, считать его несовременным. О, эта «современность», скольким она закружила головы! Позже я прочитал у Шукшина, что и он, попав в Москву, прикусывал свое простонародное слово, стараясь говорить на городской манер. То же самое было и со мной в Иркутском университете. Как же — ведь я изучал теперь Гомера и Шекспира! Надо было соответствовать филологической выправке, не показывать себя лаптем. Вынесенный из деревни язык, конечно, нуждался в обогащении... Но в обогащении, а не замене. Я и не подозревал, каким владел богатством, заталкивая его поглубже и с удовольствием названивая всякими «эквивалентами» и «экзистенциализмами». И даже когда начал писать — начал вычурно, неестественно. О самых первых своих опытах я стараюсь не вспоминать, там были и Хемингуэй, и Ремарк, и Борхерт. Выручила опять бабушка, моя незабвенная Марья Герасимовна. Когда я задумал рассказ о ней, тот самый, где она Василиса, эта самая Василиса решительно отказалась говорить на чужом языке. Я и так, и этак, послащивая городским, давал для утешения погорчить во рту деревенским — ничего не выходило. Пришлось подчиниться. Мне с самого начала следовало догадаться, что их «в одну телегу впрячь неможно». Получив свое слово, Василиса сразу заговорила легко и заставила освободиться от книжной оригинальности и автора. У нас деревня была суховатая на песню и сказку. Почему так получилось, не пойму — может быть, от надсадного житья. Водились, конечно, и песня, и сказка — где они не водились? — но как-то без поклонения, в припомин. Не собирались по привычке в долгие зимние вечера, как в иных местах, которые я встречал, чтобы под треск камина присластить свою жизнь напевной стариной. Но за прялками, за вязанием, за починкой под треск того же камина любили рассказывать былички — всякие страшные истории с домовыми, лешими, водяными. Послушаешь — все их видели, все водили с ними дружбу. Одна история была жутче другой. На подстеленной на полу соломе в углу вздрагивал теленок, спасающийся от лютых морозов, сонно вскидывались и вскудахтывали в курятнике курицы, стреляло из камина, по стенам ходили огромные жуткие тени. Мы, ребятишки, сидели не шелохнувшись и потом по дороге домой жались к матерям и бабкам. Я так и уехал из деревни, не встретив ни домового, ни лешего, ни баннушки, ни русалки, но, когда писал «Прощание с Матёрой», не мог обойтись без хозяина

острова. Это не дань язычеству, а дань поэзии, без которой не жил народ. Да и, признаться, я продолжаю верить, что, вопреки полной просвеченности мира, должны существовать следующие из глубокой древности земные наши хранители. Но как говорили у нас в деревне, как говорили! Баско баяли — метко, точно, с залубом в язык, не растекаясь мыслью по древу. Все знали уйму пословиц, без них речь не лепилась. Все имели прозвища, пристававшие намертво. Одним словом умели сказать многое, словесная мелочь была не в ходу. Болтливость высмеивалась. По русскому языку, да позволено будет так выразиться, ходили пешком, по-рабочему, а не разъезжали в лимузинах.

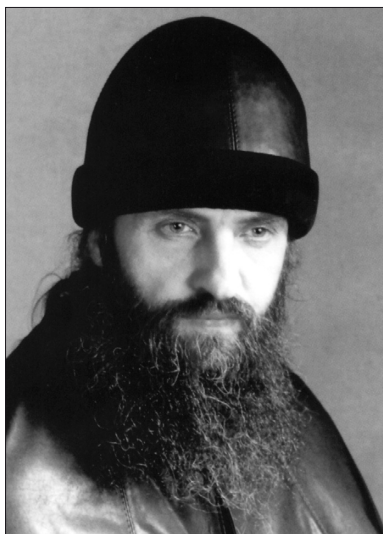
Нередко приходится слышать благодарное: «Мне повезло на хороших людей». Но в нашей жизни это не являлось редкостью — такое везение, хорошие люди были основным населением России, сердца не черствели так быстро, будто налетел холодный тайфун. Происходящее сегодня почти повсюду в мире называют «цивилизованным варварством». Это не мои слова, их произносят признанные авторитеты, испуганные переменами в человеке. Будем надеяться, что окончательного крушения человека не произойдет, однако для исполнения надежд не надо бы по-страусиному прятать голову под крыло и «подчиняться обстоятельствам». Еще и теперь много добрых людей, но это «много» — меньше, и ему приходится держать трудную оборону от наступающего зла, к которому прибывает и прибывает. В послевоенную пору, когда я полностью вошел в память, вся деревня жила одним миром. Слово «колхоз» было понятием не хозяйственным, а семейственным, так и говорили: колхозом спасаемся. Колхозничко был бедный, надсаженный войной, истрепанный нуждой; горе гуляло почти по всем избам. Но умудрялся как-то колхоз самым бедным помогать, и с голоду у нас, слава Богу, не помирали. Ели и лебеду, и крапиву, бедствуя, как и вся Россия, но если приходилось кому с осиротевшими ребятишками хуже всех — несли последнее. Это было в «заведенье» — как закон: не хочешь, а подчиняйся, иначе «мир» на веки вечные вырубит о тебе в людской памяти заслуженную славу. Я рано пристрастился к книгам, в ученье показывал усердие, и меня после четырех классов деревенской школы, по общему мнению, следовало учить дальше. Непросто было матери решиться на это, мы уже снова куковали без отца. В необходимых случаях мать умела быть твердой, однако нас у нее было трое, я самый старший, начинавший помогать, и на ее окончательное решение повлияло обещание не только родных: не дадим пропасть парню. Дядя Ваня, шофер единственной в колхозе полуторки, привез меня в Усть-Уду, в райцентр, и, выгружая мое барахлишко, так и сказал, это я запомнил: «Мы тебе, парень, не дадим пропасть». Приходится и так размышлять: а может, это свойство старости — идеализировать свою молодость по известному правилу: «Да, были люди в наше время!..» Ведь и в моих книгах — и в «Деньгах для Марии», и в «Живи и помни» — всякий народ, и как художник я чес-

тнее, чем как воспоминатель, делающий сравнения. Может быть. Но надо иметь в виду, что «Деньги для Марии» писались спустя двадцать лет, а «Живи и помни» и того позже от сладостной для памяти поры детства. К тому времени человек стал заметно меняться, и это нельзя было не заметить. Литература, повторю, чувствительна к будущему, она как животное, загодя охваченное тревогой от приближающихся подземных толчков. Достоевский за полвека до коммунизма предсказал его в таких подробностях, какие коммунизм и сам в себе не подозревал. Отказ от собственной цивилизации и вековых национальных ценностей предвещал для России неизбежные потрясения, но что они будут такими, какие случились, мы боялись додумать. А следовало. Человек, в нравственном и духовном понятиях теряющий свою теплокровность, опасен. Ослабление родственных связей, равнодушие, эгоизм, при все нарастающей кучности все большая отдаленность друг от друга замечались литературой давно. Нет, это не идеализация: пятьдесят лет назад люди, пережив великое бедствие войны, в горе обнялись вместе, чтобы выстоять. Это был недолгий, но воодушевленный, психически радостный своим выздоровлением период подъема. Его не удалось подхватить. Но литература — тоже теплокровное понятие, у нее одна цель — помочь человеку, дохнуть на него при чтении книги теплом и добром. Что теперь предупреждать читателя о бедах! — он ударился так, что на него больно смотреть. Ему нужно помочь верой в Россию и народ. Я смею надеяться, что и герои моих книг еще не настолько ослабли, чтобы не сказать слов в поддержку. Для сострадания и любви, для сладких слез, утешающих скорбь, прошедшего времени не существует.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

ПОЭЗИЯ

Иеромонах РОМАН

СВЕТЛЫЕ ЧАСЫ ПРЕД РОЖДЕСТВОМ

Иеромонах Роман (Матюшин) родился в 1954 году в селе Рябчевске. Учился в университете, преподавал в школе. В 1983 году принял монашеский постриг. В 1985 году рукоположен в иеромонахи. Автор многих книг стихотворений и песен. **Живет в скиту Ветрово, недалеко от Пскова.**

С молитвой песне удалось сродниться...

Иеромонах Роман — выдающееся явление русской духовной культуры. Недостаточно сказать, что он поэт, исполнитель собственных песнопений, мыслитель и проповедник. Думаю, что пройдет совсем немного лет, и имя иеромонаха Романа, скит Ветрово будет звучать для православного человека как символы возрождения нашего Отечества.

Не требуется дистанция будущего времени, чтобы сказать определенно: отец Роман сполна служит делу, к которому призван Господом. Каждому из нас задана задача — верно и вовремя распознать свое предназначение на Земле, свое служение, свое призвание.

О песнопениях иеромонаха Романа емко говорил Валентин Распутин: «Всего себя выпевающий их голос отдает себя во имя желанного преображения и всего себя обретает заново. На меньшее он не согласен. Так и с Россией: он не удовлетворится частью ее посреди бушующего срама, ему нужно, чтобы она восславила и восстала вся».

Песнопения и стихи иеромонаха Романа выводят русский народ из летаргического сна безбожия. Возвращается бесспорный для сотен лет постулат: быть русским — значит быть православным.

Иеромонах Роман — поэт редкостный, его стихи принял народ как голос Православия, голос глубинной памяти и высо-

чайшей любви к России, голос исповедальной молитвы и вдохновенной проповеди.

Иеромонах Роман — восприемник, певец и звонарь Святой Руси, того Православного Царства, которое не крошилось на кусочки, искало путь к общему и личному спасению, не прельщалось чужими идолами и идеалами. Не однажды рассыпался наш целостный организм на части, и сразу воронье набрасывалось на поживу, пока не находился объединитель Руси, князь или монах, слово которого было услышано воинством, народом, и спасалась Русская Земля. Услышьте и в этот час беды, в час пагубных соблазнов слово горькой правды с болью и любовью сказанное иеромонахом Романом.

Отец Роман пишет сейчас еще и иконы для иконостаса скитского храма, каждодневно трудится физически, поддерживая храм, келии, хозяйство в порядке, издревле принятом в скитской и монастырской жизни.

Самое сокровенное, самое возвышенное и самое горькое высказываются в таинстве моления. У иеромонаха Романа грань между стихом и молением становится почти неуловимой. Уединение, молитва, благоговейное отношение к слову позволили ему верно определить свое поэтическое служение:

*Скажу еще, по Милости Творца,
С молитвой песне удалось сродниться.*

Нужно низко поклониться Русской Православной Церкви, давшей России такого поэта. Ибо без нее, без святого Православия не было бы и отца Романа. И он прекрасно понимает это сам, затворяясь от людской молвы и мирских почестей в безлюдных местах, наполняя молитвенным звучанием рождающиеся строки.

*Александр Корольков, доктор философских наук,
профессор, академик Российской Академии образования*

* * *

Святая ночь! Блаженство и покой!
Стою один под куполом бездонным.
И Млечный Путь надмирною рекой
Несет себя к туманам отдаленным.

Величие мертво без тишины,
Она таит пути Богопознания.
Созвездия застыли у сосны,
Снежинки озаря ликованием.

Ни ветерка, ни звука, ни души,
Снега, снега повсюду под луною.
Забытый скит. Свеча в окне дрожит.
Следы зверей, еще незримых мною.

Из этих мест до Вечности — рукой.
Ее дыханье за ближайшим стогом...
Святая ночь! Блаженство и покой.
Стою один. И сердце знает Бога.

* * *

Сне́га — чуть, но ветер позатих.
Ночь, мороз, луна — кругом искрится,
И душа рождает сразу стих,
Забывая, что должна молиться.

Лунная струится синева,
Превращаясь на кустах в сережки.
Долы, в ожиданье Рождества,
Брызжут огоньками понарошку.

После Храма почему не встать
Под такой Красой нерукотворной?
В Божьем мире — всюду благодать,
Радоваться Небу — не зазорно.

Ничего не нужно представлять,
Кто не видит Красоты — несчастлив.
И душе ли слово не рождать,
Если сердце не пустые ясли?

* * *

Луна и снег. И шорохи вдали,
Искрят покойно липы вековые.
Окошки от мороза поросли
Невиданною, сказочной ковылью.

И необъятен, и безмерно прост
Подлунный мир в полночном просветленье.

Обилие и полногласность звезд.
Мерцание, созвучное хваленью.

Во всем — отображение Красоты,
Свечение Немеркнущего Света.
И сердце тает, тает в эту стынью
Благодареньем Первому Поэту.

* * *

Поэтов ныне целая орда.
Кто словеса, кто рифмы заостряет.
Труды похвальны, но одна беда:
Немногие Небесному внимают.

О Боге пел. И только потому
Мой тихий голос Родина узнала.

А мы пошли совсем другим путем —
Воображенье ум не горячило.
Я выбрал Бога. Размышлял о Нем.
И предстоял, пока перо строчило.

Писал не ради красного словца.
И, не хвалясь, — что не своим хвалиться?
Скажу еще — по Милости Творца,
С молитвой песне удалось сродниться.

Честным Крестом отгородясь от муз,
Душа лампадой слово загоряла.

Лукавый мир вниманьем обойдет.
По правде говоря, сие не ранит:
Покуда Православие живет,
И нас пред Богом кто-нибудь помянет.

РОДНАЯ РЕЧЬ

Родная речь — Отечеству основа.
Не замути Божественный родник,

Храни себя: душа рождает слово —
Великий Святорусский наш язык!

* * *

Если множество рек, то,
как правило, все неглубоки.
Если падает снег,
то его в городах не видать.
И большая вода,
и большие снега одиноки,
И большая душа,
словно эти снега и вода.

Нет, и малых речушек
никто никогда не охает,
И они отражают,
у каждой своя бирюза.
Но большая вода
в Небеса, как обычно, впадает,
И большая душа,
как обычно, глядит в Небеса.

* * *

Жить у воды, вдали от городов,
И провожать закаты на причале,
Глядеть на проплывающих бобров
И слушать журавлиные печали.

Где облака сыреют на лугах
И небо достает любая кочка,

Где Красота и Вечность в двух шагах,
И купола в рождественских платочках.

Где упадают звезды на снега,
Чета берез искрится у колодца,
Синица причитает по слогам,
Что Русский дух вот-вот переведется.

РОССИЯ!

О, сколько ты в себя вместила!
И грусть немереных равнин,
И причитанья у могилки,
И сирый журавлиный клин.

И почернелые избушки,
И тихие разливы вод,
И деревенские церквушки,
И многостраждущий народ.

И нерастраченную совесть,
И тайну Млечного моста.

Но главная твоя особенность —
Тебе не выжить без Христа.

Другим довольно зрелищ, хлеба:
Душа — рабыня кошелька.
Но ты не надышалась Небом
И потому так велика!

И если вдруг тебя погубят,
То и самим врагам не жить:
Вселенная могилой будет —
Иначе не похоронить.

* * *

А я уже стою над перевалом.
Среди людей — душой всегда один.
Молю, чтоб суета не закрывала
Сияние Божественных вершин.

К чему слова? Уже ль они вмещают
И поясняют сокровенный чин?
Ведь горные потоки заглушают
Небесное молчание вершин.

* * *

Луна. Мороз. И никого вокруг.
Блаженная пора уединенья.
Благословляю воздеянье рук
В молитвенном полночном обновленье.

Мне больше не осталось ничего.
Но эта малость — зримая подмога:
Быть одному. Размолвиться с молвой,
И понимать, что не отринут Богом.

Потрескиванье слабое свечи,
Лампады голубое угасанье.

Я постою, я помолчу в ночи,
Благодаря за светлое молчанье.

В моем окне, в единственном окне
Вовсю искрит студеное цветенье.
Как мало нужно и тебе, и мне:
Молчать пред Богом, опустив прошенья.

О чем просить? О чем еще жалеть?
Что умножать безумные глаголы?
...Несет упокоение земле
Дрожащая лампада за Престолом.

* * *

Нам зримо подается чистота
Таинственным призывом к обновленью.
И чистый снег, и чистая вода
Любой душе несут благословенье.

Как праздничны обычные кусты!
Еще вечер ютились жалкой тенью.
Так и душа, коснется Чистоты —
И входит в Праздник, радуясь вхожденью.

И неспроста так хочется смотреть
На чудо белоснежных облачений.
Когда бы деревья умели петь,
Исполнили б моления из Вечерни.

Лежат снега, искрят, миротворят,
Свидетельствуя неопровержимо,
Что мир стоит, пока его хранят
Потоки Чистоты Непостижимой.

* * *

Полночью, лунной полночью
Шорохи в саду, старом саду.
Речка застыла беспомощно,
В прорубь глядит на звезду.

И отражает деревце
Светлые часы пред Рождеством.
Ветка со мной поделится
Белым своим торжеством.

Руки дерева подняли
В праздничных кружевах.
Служится служба Господняя,
Слышите эти слова?

Светом исполнясь внутренним,
Светится Млечный мост.
Правит Святую Утреню
Хор православных звезд.

«Христос рождается, славите,
Христос с небес, сращите,
Христос на земли, возноситеся,
Пойте Господеви вся земля!»

«Христос рождается, славите,
Христос с небес, сращите,
Христос на земли, возноситеся,
Пойте Господеви вся земля!»

Р О Ж Д Е С Т В О М Х Р И С Т О В Ы М !

Андрей РЕБРОВ

РАДОСТЬ НАВЕЩАЕТ ДУШУ

из дневника поэта

Андрей Борисович Ребров родился в 1961 году в Ленинграде. В 1993 году стал одним из основателей Православного общества Санкт-Петербургских писателей, созданного по благословению митрополита Иоанна (Снычева). Секретарь правления Союза писателей России, член-корреспондент ПАНИ и совета собора православной интеллигенции. Печатался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Север», «Родная Кубань», «Поэзия», «Аврора», «Волга», «Дальний Восток» и многих других. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Выпал густой, чистый снег. И в церковном саду сейчас безлюдно и тихо. Только откуда-то издали, порой доносится гул большого города — мира сего, с трудом продирающийся сквозь заметенные кроны деревьев и вязнущий в приземистых снежных барханах, чем-то схожих с песчаными сугробами Палестины, хранящими в себе песчинки времени — неуловимые мгновенья Новой эры. Взошедшее дневное светило длит свой не по-зимнему сочный свет, дивно преображая святочное пространство сада. И чудится, что и ты, и купины, и деревья окрест прикровенно запорошены пресветлым рождественским временем и объаты неопалимо этим мощным высоким сиянием, о снега преломляющимся и исходящим уже отовсюду. На кустах жемчужно-льדיстые, переливчатые, причудливо осыпавшиеся по краям клочки снега — цветы диковинные. Таинственно... Тихо... Но вздохнет земля, подует легкий ветерок, взметнет снега, и в голубоватой дымке, пронизанной солнечными лучами, заискрится над этими цветами рой снежинок, будто золотистые пчелы мед собирают... на Рождество. В искрящихся сферах небольших кленов — снегири, будто созревшие плоды. И древняя, генная память на миг высветляет образ Сада иного, нездешнего. Утерянного. Или — нет — по милосердию Божьему?.. Смотрю на тайнопись птичьих следов, уходящих по снегу, словно строка из Книги

Творенья. О чем она? Быть может о том, что мы сами, сами бываем неоправданно жестокосердны, что мы, писатели, пишем книги без любви к своим литературным героям. Лишаем их «света разума» и обрекаем даже на злодеяния. Изгоняем их из околоцерковного сада словесности русской. Оттого они, не несущие новозаветных ценностей, и не близки современному читателю, еще по-прежнему ищущему свой духовный идеал и традиционно отзывчивому на любовь и милосердие... Рядом купина, приклонившая долу ветви, опущенные нелегким снежным опереньем. Ангельскому крылу подобная. Встаю под крыло, и недолгая, но пронзительная грусть о том утерянном Саде, исчезает, яко дым. И душевные язвы, некогда полученные от мира сего, врачуются тихованьем, заживляются. Как раны на теле разбойника. «...Яко разбойник исповедую Тя...» Подхожу к размашистым, сверкающим, словно выквантованным в пространстве, ныне особенно торжественным, таинственным елям, движущимся, как и все сущее, сквозь время. И в снеговых блистанных шапках, напоминающих волхвов, как и они, несущие свои таинственные дары. И вспоминается вещее слово святителя Николая Сербского: «Вся красота природы исходит из таинственности Таинственного. Без этой таинственности Таинственного природа ни на миг не могла бы сохранить ту тихую целомудренную красоту, которая светится сквозь нее. Сотворенная природа — облако, укрывающее ослепительное сияние Божественного огня. Прозрачность или непроницаемость этого облака зависит от нашего духовного зрения...» И верно, сама упругая ткань Творенья, истончившись, являет проникновенные видения мира иного и Священной Истории. Ибо сегодня «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума...»

2.

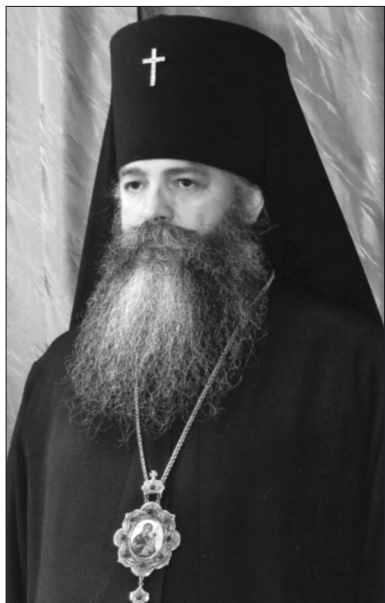
По мере сил...

*Пройдет гроза над русскою землею,
Народу русскому Господь грехи простит...*

Прп. Серафим Вырицкий, 1939 г.

В вагоне электрички холодно. Разговариваем — пар изо рта. Словесный пар — куда он возносится? Проходящий: «Вагон не натоплен, перейдите в другой!» Переходим... За окном: лес, дома — какие-то маленькие, кособокие: «Эти бедные селенья...» Россия оскудевшая, фаворски-сверкающими снегами преображенная.

Сусанино. Выходим. Гуськом по белой мягкой тропе. Боязно. Вспоминается посещение Нилусом Паши Саровской, в «Сказании» о которой говорится: «...все спешили увидеть ее и услышать от нее мудрое слово назидания, утешения, совета духовного, или обличения и укора, смотря по тому, что кому потребно. И юродивая, имея дар прозорливости, говорила всякому, что для него было нужно и душеспасительно, — с иным ласково, а с иным грозно; иных же

*Архиепископ
Тихвинский Константин*

вовсе отгоняла от себя и бросала в них камнями, других жестоко обличала».

Небольшая обыкновенная изба. Топчешься у калитки. Снежный хруст и наше молчание — покаянное. Быть может, из-за него уже нужно было приехать. Наконец — решаемся, идем. У крыльца — собака, большая, с человеческими глазами, ласкается. В горнице — сразу — две иконы Богородицы: в красном углу, на буфете — именные, много; у стула Любушка в белом платочке, в очках, — светится. На стуле — женщина, спрашивает что-то, просит ее молитв. Еще две женщины, мы — все несут сюда свои печали, горести. Беды. Тяжелый груз свой оставляют, уезжают на легке. В тишине женский голос: «Отец Мелхисидек просил молитв ваших...»

Народная любовь к блаженным и довольно большое количество их в сонме святых Русской Православной Церкви указывает на особую национальную русскую принадлежность этого чина святости. Часто юродство выражается в безумии пред миром и оскорблениями и гонениями от него, и, вместе с тем, посмеянием над ним для выявления противоречия между мирским здравым смыслом и евангельской сердечно-умной правдой. И дар прозорливости, которым обладают блаженные, — духовная награда за поправление этой земной рассудочности; блаженные, стяжавшие благодать, внутренне отрешаются от мира сего, и, «безумствуя», молятся о нем, и в высшем молитвенном наитии даруют людям, чьи души чувствуют-знают их праведность, духовную помощь и провидческое советование... Впрочем, все подобные толкования юродства русского так же ограничены ресурсом здравого смысла, разума мирского... в меру его сил... Стою, жду. Рядом — молодой человек, спрашивает, будет ли он монахом или священником? Любушка Блаженная, наклонив голову, слушает Кого-то, отвечает: «Монахом — нет, священником будешь». Он, волнуясь: «Когда?» Любушка: «По мере сил». Как будто мне... Отошел к двери. Состояние необычное: яко душа моя грешная силится вместить что-то и не может — невместимо...

Спросили — порасточили наболевшее. Уходим проясневшие, ставшие чуть добрее...

Снова — поезд. В оконном стекле отражаются шестеро, полдюжины: поэты и прозаики.

Преломили хлеб, едим крохами, как птицы...

На соседних сиденьях — стайка молодежи. Ведут себя шумно, иногда даже грубовато. Из динамика их магнитолы несутся блатные

песни, выдаваемые радиоведущим за русские, чуть ли не за народные...

— Да, не на чем воспитывать нынешнее поколение. — говорит один из наших писателей, — Включишь телевизор — оттуда, как из пулемета — по русской культуре...

Говорим о том, что литература второй половины XX века утратила своего героя. Мы хорошо помним героев русской и советской классики. За последние двадцать-тридцать лет литература не дала положительного образа такой силы и величины. В нынешней светской словесности нет созидательных примеров, на которых можно было бы воспитать молодежь. Но не прав будет тот, кто скажет, что в современной жизни России нет подвижников. Непросто складывались судьбы нашего монашества и в «безгеройные» 70-80-е годы прошлого столетия. Показательна в этом отношении и биография архиепископа Тихвинского Константина (Горянова Олега Александровича). По окончании Винницкого медицинского института шесть лет он работал врачом, в том числе и на «скорой помощи», три года преподавал в институте, защитил кандидатскую диссертацию. Полгода будущий архиепископ сколачивал ящики на железной дороге, работал на лесозаготовках, и только после этого митрополит Филарет разрешил принять его сторожем в Жировицкий монастырь, чтоб уже от монастыря получить направление в семинарию. Владыка Константин закончил Московскую Духовную Семинарию и Академию, стал кандидатом богословия, архимандритом. Шесть с половиной лет был ректором Минской Духовной Семинарии. За труды по возрождению семинарии и епархии награжден Святейшим Патриархом Алексием II орденом прп. князя Даниила Московского. И сейчас является ректором Санкт-Петербургских Духовных Академии и Семинарии, викарием Санкт-Петербургской епархии и профессором. Владыка Константин собирает вокруг себя поэтов, ученых, писателей православного Петербурга и России для служения на благо нашего Отечества и Церкви... Мое стихотворение, посвящено архиепископу Тихвинскому Константину:

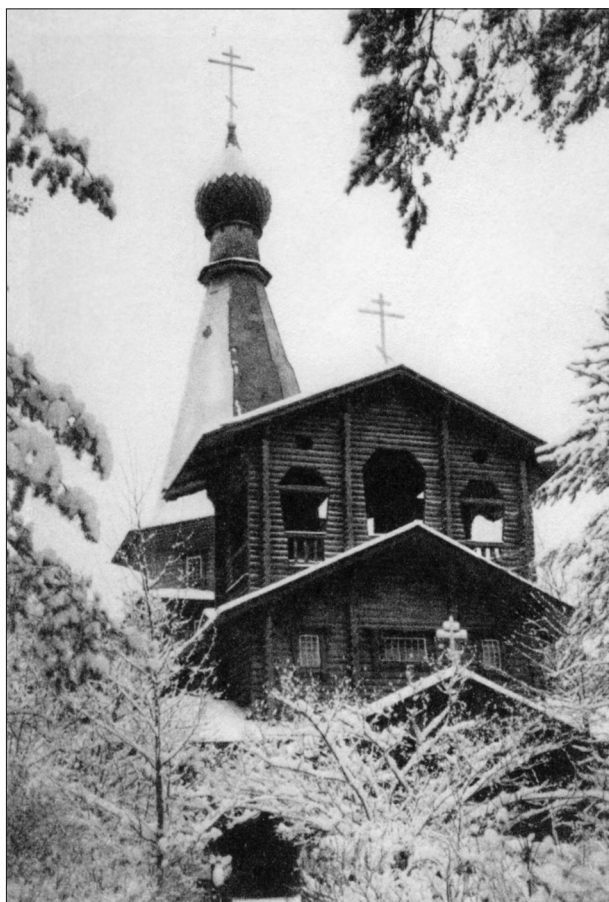
*Золотилось небо спелой рожью,
А в полях синели васильки.
Шел монах сумняшися ничтоже
Вековой тропой, и кулики
Щебетали в долах васильковых
Под ржаную вязью облаков.
И лучилась к полю Куликову
Тропка летописною строкой...*

*Шел чернец строкой незавершенной,
Посох предержа в руке своей,
Мимо новорусских вавилонов,
Мимо стойких дедовых церквей.*

*А издалека, сквозь птичье пенье,
Сквозь халдейский ропот городов,
Доносился грозный гул сраженья:
Гром гранат, глухой, как стук щитов,
Посвист пуль, звучащий, словно эхо
Впившихся в простор ордынских стрел,
Лязг пропятых танковых доспехов,
Трубный гуд страстных монастырей.*

*Шел монах без устали и страха
На армагеддонское жнивье...
И служило посохом монаху
Пересвета древнее копье.*

Герои нашего времени — священник и воин. Многие священники до принятия сана воевали в Афганистане, Чечне и других «горячих точках». Можно привести множество примеров, когда стараниями наших батюшек в глубинке не только строились новые храмы, но и

Вырицкий Казанский храм

налаживалась жизнь окрест них: открывались детские дома, школы, библиотеки... Одного священника даже выбрали руководителем полуразрушенного бывшего совхоза, который он, затем, и обустроил. А как же крестьянство? Стираются с изможденного невзгодами лица нашей Родины тысячи деревень... И все-же, именно оно крестьянство-хрестьянство, во многом, по-прежнему, кормит города, и из его среды выходит большинство воинов и монахов.

Далеко за оконным стеклом виднеются порывевшие стога, припорошенные снегом. Золотые в солнечных лучах, как купола. В древности полагали, что золото — это «оплотненный» свет.

И так и ждешь, что величаво, вдруг, взойдет из-под снегов древний белокаменный, златоглавый град... Подымется в своей былинной славе, как символ воскресения Святой Руси и коренных ее насельников — крестьянства...

Вырица светоблистанная. Солнце великое, снег — душа высветляется, радуется благодатной зимней чистоте... «Бог устроил этот мир, как некое отображение надмирного мира, — пишет св. Григорий Палама, — Чтобы нам через духовное созерцание его как бы по некоей лестнице достигнуть онго мира». И Образ Божий в человеке св. Григорий видит в даре человеческого творчества, «творчество вещей из ничего... не из совершенного небытия, ибо это уже дело Божие, — но все остальное дано людям...». И исход человеческой души из-под гнета своего эго возможен лишь в творческом богостремительном прорыве. Но и человек, которому дан талант, не может сам, без молитвенного усилия и помощи Божией, совершить свой «малый акт творения», творческий подвиг. «К некоторым из подвизавшихся благодать приходит навстречу немедленно и подает им полноту обучения, дает отвесть от обещанных наград и как бы протягивает человеколюбивую руку, — глаголит архиепископ Солунский, — поощряя их и укрепляя к дальнейшим подвигам, а у других благодать ожидает конца подвигов, приготавливая во всяком случае венцы за их терпение». Наивысшее проявление человеческого творчества жертвенно и «синергийно», когда происходит соединение, взаимодействие свободной воли человека и божественной благодати. Люди отличаются лишь силой дара и возможностью вместиť благодать. И смысл творчества в нахождении и преображении образов мира сего силой своего таланта, дарованного Господом. В нахождении прикровенных «райских» образов, путем синергийного подвижнического прорыва к божественной энергии, чтобы в симфоническом очищенном от греховной самости произведении слышалось молитвенное звучание первородной речи. Человеческое творчество призвано, в исихастском сосредоточении, преобразить и через себя привести этот отягченный нашими грехами мир ко Творцу. И в этом смысле, по мере сил, мы можем сподобиться стать соучастниками спасения нашего падшего мира. «Красно украсить» и искупить его своим творчеством... На кустах-купинах — красноватый иней. Идем лесом. Кондовым. Чудится: за поворотом тропы — вдруг — келья рубленая, замеченная...

Время спрессовано, пространство сокращено электричками, машинами. И нет кельи — она в ином времени. К ней путь долгий, может быть, и жизни не хватит... Между верхушек елей — крест на луковке, барабан деревянный, солнечный, под ним — высокий многоскатный шатер. Высокий — углубленный духовно в небеса молитвами старца Серафима. Глядь — церковь — бревенчатая со звонницей. Стенные бревнышки калиброванные, на них снег, причудливый, будто лепнина. Лепота. Врата двухстворчатые, крытые, сказоч-

Прп. Серафим Вырицкий

ные — как на картине Константина Васильева. Войдешь — не воротишься...

Крестимся. Входим. Вдали — лампадка теплится, зовет на погост. Глянешь ввысь — сугробы облаков. Внизу — клубистые снежные сугробы, под ними могилы подвижников. Верится, именно они, как живые корни, удерживают, собирают Русскую Землю, культуру, общество, не дают им расточиться, растечься по миру... И эта горящая лампадка на могильном холмике: в ее маленьком, трепетном огоньке сосредоточена связующая сила между землей и небом. Кровная, корневая связь между Святой Русью и нынешней Россией, между нами и нашими предками; мы молимся о них, они — о нас... Гори, огонек,

и никогда не угасай в душах наших! Молитвенно прорастай в них своими лучиками-корнями... Лещадки снежных горок — елочек запыленных. На свету — кресты темные, осьмиконечные. Могила прп. Серафима Вырицкого. Подходим, целуем надмогильный, отчего-то теплый крест. Под ним на холмике — свечи погасшие. Для нас? Ставим, зажигаем. Сняли шапки. С большой ели ссыпается в них снег, золотой от солнца и невесомый, как частицы времени... Ель встряхивается от высокого ветра. Снега золотистого с ее ветвей — целый сугроб насыпался — горка снежинок-песчинок времени — золотого?.. Подле, на сугробе, — углубленные высоким светом следы крыл: ангельских сверкающих или птичьих? Крошим хлеб... У дома батюшка Алексей — строгий, молитвенный. Рассказывает об отце Серафиме...

Благословенна весь Вырицкая, вместившая подвижника. Его непрестанная молитва сохраняла и ныне хранит землю нашу.

Пророчествами и молитвами Подвижника жили люди и в страшное время. Во время войны жители Вырицы спрашивали отца Се-

рафима, покидать ли им дома свои? Старец отвечал: «Дома ваши будут целы. И вообще вся Вырица будет цела». Все сбывалось. Однажды восьмилетняя девочка пришла с мамой к отцу Серафиму за благословением, перед их уходом Старец говорит: «Если вам на пути покажется злая собака, то прочитайте молитвы «Отче наш» и «Богородице Дево, радуйся», и она убежит». Так и случилось. В дороге на них напала собака, зло лаявшая, но как только молитвы были прочитаны, собака убежала. Так был преподан урок отгонять зло молитвами.

Прп. Серафим жил в Вырице до самой своей кончины. Волею Господа он оказался в ней в 1938 году после закрытия Александро-Невской лавры, где был духовником. Иеросхимонах Серафим, в миру Василий Николаевич Муравьев, родился в 1865 году под Рыбинском в селе Черемушки. Еще с детства Василий решил стать монахом, лишь семейный долг удерживал его в миру, но как только узы сии разрешились, он, раздав имущество свое, ушел в Лавру...

Идут к отцу Серафиму паломники, страждущие, правды взыскующие. Уходя в мир иной, Старец просил приходить к нему на могилу, исповедовать души свои — он услышит и поможет. «Помните, что я всегда с вами...»

Преподобный Серафим Вырицкий был и духовным поэтом (многие его стихотворения теперь напечатаны и стали известными и любимыми православными читателями, находящими в них сердечный отзыв старца на сокровенные вопросы своей души) и великим молитвенником о победе Православной России над оккультным рейхом.

В годы фашистского нашествия непрестанно молился Старец о Воинстве русском. И посему прп. Серафим является небесным покровителем и воинов и писателей; современной литературы русской, на языковом и смысловом поле которой идет ныне

Могила прп. Серафима

жесточайшая битва. Ибо нашествие инородных, чуждых нам по духу и сути слов пытается порушить новую отечественную словесность и губительно влияет на мировосприятие и миросознание нынешнего «раскованного» и одурманенного демонической свободой — очарованного вавилонской блудницей — отошедшего от Церкви, не знающего ее жизни, Таинств и устоев (а значит, не понимающего своей культуры и истории) человека. Подобные исторически небывалые враждебные действия иной цивилизационной системы, так называемых «постхристианских» и «латинствующих» ценностей, подтачивают многовековые священные основы нашего общества, сердцем которого всегда была Русская Православная Церковь и самодержавная государственность; исподволь стирают из родовой памяти народа первородно-корневые звуко-символы и мысле-образы родной речи. Так же, как наши отцы и деды, мы обязаны, по мере сил, противостоять врагам, исподволь пытающимся оккупировать нашу литературу; вспомним прп. Сергия Радонежского, благословившего на битву Святого Благоверного Великого Князя Дмитрия Донского, иноков-воинов Пересвета и Ослябю. Если недруг личный — прости его и помолись о спасении души его, а, если враг Вере и Отечеству — дай отпор. И задача современных писателей — войти наконец в утесные церковные двери и припасть к живоносному источнику Православия, обести силы...

Отец Алексей открывает двери во храм во имя иконы Казанской Божией Матери. Входим. В притворе темно (место для грешников — думается: идти ли дальше?). Пахнет ладаном и — с Рождества — елями. Свод промывает зарный свет из желтых стрельчатых окон. Иконостас в золотистом покрове. Душа торжествует. Прикладываемся к святыням, ставим свечи у храмовой иконы. Батюшка показывает приделы, предивный резной иконостас — высокий — дух захватывает! — из приюта бр. Брусницыных. Рассказывает о храме, возведенном всем миром на пожертвования... Пересказывать не буду, приезжайте — сами увидите...

Спешим завьюженной дорогой, за редкими машинами — не угомишься! Да и не хочется. Где-то поблизости — на Майском и на Пильном — два дома, в которых жил Старец. И камень молитвенника сохранился.

Вырицкое братство хотело выкупить дома — куда там! Не отдали. Раскатят громно, по бревнышку нынешние хозяева, низведут домики типовые — целую тучу. Купно, миром спасать надо...

Возвращаемся в холодном вагоне электрички — это теперь неважно: на сердце — тепло, на душе — светло. Высоко в темнеющих небесах крупные звезды, большие, как глаза. Небеса — многоочитые, библейской глубины, пронзительно смотрящие на зазвездившееся огоньками окон Сусанино... и в наши сердца?.. Далеко на вечернем небе над Питером туча смога. Не здесь ли тот, лишь сердцем зримый, духовный рубеж, молитвенно сохраняющий сусанинско-вы-

рицкие земли? Здесь... или в душах наших? Вспоминается рассказ Любушкиной келейницы, которая знала и прп. Серафима. Как-то Любушка прозрела «темную тучу» (келейница говорила, что «туча» обозначала грядущий взрыв на ЛАЭС) и особенно долго и пламенно молилась. И беда миновала...

За окнами электрички — лукаво подмигивающий тусклыми глазами качающихся фонарей, обеснеженный город. Выходим на вокзальную платформу. Идем. Гомон людей, топот ног, злой собачий лай — множатся эхом под холодным сводом Витебского... Отче Серафиме, Любушка, молитесь Бога о нас!

3.

Свет незакатный

Великий пост. Над Михайловским собором, что в Псково-Печерском монастыре, клубятся пышные облака: чудится — купола дышат владычно. Сквозь облака — солнечные лучи. На сухих, беленых стенах собора — большие капли света. Церковь светоточивая. И в душе наявляется что-то неизреченно светлое. Быть может, и из таких просветленных мгновений, запечатленных памятью, стяжается в душе вечная благодать, питающая творчество.

Вхожу во храм. После еще по-зимнему яркого солнца взгляд постепенно привыкает к прикровенному храмовому свечению и вдруг — тонет, как в снегу, в седине множества склоненных голов. Идет великопостное богослужение. Великий Пост — один из главнейших и самых древних постов, напоминающих нам о сорокадневном посте Спасителя в пустыне, он вводит нас в Страстную седмицу и затем к радостям Светлого Христова Воскресения.

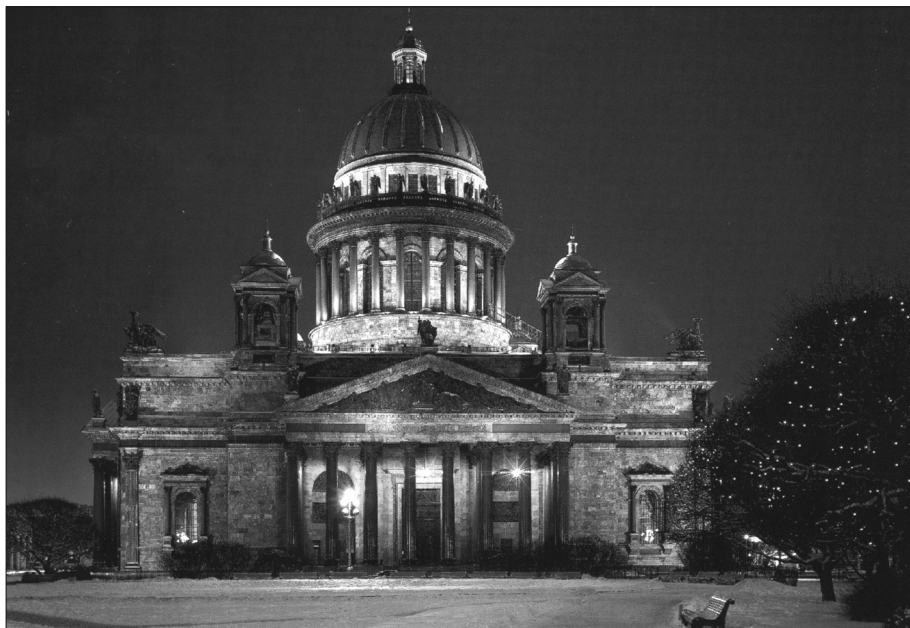
Молодой иеромонах читает Евангелие на церковно-славянском языке. И думается — отчего же остается не востребованным писателями нашими язык этот? Ведь живой, нынешний великорусский язык, подобно иконе из запасника, потемневшей от времени, нуждается в поновлении древним, церковно-славянским; и далее, через это, наполнением одухотворенностью, великопостной намоленностью.

И Великий Пост — время трудной молитвы и покаяния. Когда человек должен испросить у Господа прощения своих грехов и достойно причастится св. Христовых Таин.

Подхожу к солее. Рядом, затворив уста, молится седой монах. Молчание — сокровище монаха. Молчание беседует с Вечностью. После службы беседую с летописцем, духовником братии игуменом Таврионом. Отец Таврион говорит просто и глубоко. Благословляет на творчество... Думается, каждый из серьезно пишущих людей рано или поздно ставит перед собой вопрос: зачем и для чего я пишу (реже — во имя Кого), пишет ли он для самоутверждения только или же ради какой-либо идеи. Путь самоутверждения в творчестве ведет в духовное небытие, и в наивысшем своем проявлении становится

«искусством ради искусства», что чревато оскудением мысле-образов и истощением их энергетической наполненности. В самом наихудшем случае такой сочинитель находит отрицательный «источник» (или этот «источник» сам находит его) для подпитки своих произведений, и они уже несут разрушительный (и саморазрушительный) импульс ментальной энергии, порождающей распад личности автора и представляющий опасность для читающего общества и государства как организующей, концентрирующей, сакральной структуры. Другой писатель, проводящий через свое творчество идею, должен наконец задуматься, к какому же источнику он припадает, и здесь уместно напомнить об ответственности за свое творчество, ведь «что написано пером», потом уже не «вырубишь топором». Обычно талантливые произведения читаются и после смерти их авторов... Что же мы оставляем читателю, пользу — «библейский заряд вечности» или сатанинский нигилизм? Ответственность за свое творчество побуждало подлинно больших мастеров художественного слова задавать себе вышеприведенные вопросы и по большей части отвечать на них в своих лаконичных, точных по образному строю и словарному составу (казалось, Кем-то продиктованных им) произведениях. Произведения, самобытные по содержанию, художественной наполненности, несут в себе весть о православном возрождении России нового тысячелетия. Внешне неброские, они в апогее своего лирического звучания достигают порой столь трудной для поэтов, емкой, исполненной глубинного смысла простоты, родственной лишь тихости уединенного молитвенного делания. Той трудной простоты, которая свидетельствует о высоком профессионализме автора и об искренности его духовных переживаний, поверенных читателю доступным поэтическим языком, поэтому читатель любого возраста находит нужное для себя в них и даже открывает что-то новое. Русский человек раньше перед началом любого дела молился «Господи, благослови...», тем самым прося благословение у Творца на свое творение и тем определяя сакральный симфонический смысл им содеянного. Такие произведения уходят своими корнями в прошлое, в мир Святой Руси с ее живоносными святынями, небесными приоритетами и духовным космизмом и, как бы связуя времена в обратной перспективе, являют нам преображающие образы мира иного, вечного, а неприходящее в нашей жизни и есть та соединяющая пушкинская «златая цепь» истории и культуры. И значит, это всегда современно и перспективно, ведь по словам иеромонаха Романа «поэт всегда хоругвеносец на крестном ходе бытия». Ибо отточенный до глубинной простоты (где просто — там ангелов со ста) словарный ряд обретает звукопись, свойственную в наивысших своих проявлениях молитве, и уподобляется праязыку, на котором, быть может, сокровенно глаголили праотцы, Адам и Ева. Языку первочеловека, давшего священные имена (по благодати «образа и подобия») всему сущему. И посему «малый акт» творения писателя — суть нахождения преподобных символов иного, подлин-

ного мира; воспоминания райских имен — феофаническое писание красотой, свидетельство внутреннего заповеданного света и бытийного смысла тварей и вещей, ради всеобщего спасения и воскресения мира сего. Смысл творчества — правдование души человека пред Господом, служение Ему. И мир, служащий для спасения души человеческой, преобразается через служение человека, в симфонии с ним сослужа Творцу. Напротив, художник, обладающий истощенным словарным запасом, употребляющий слова—«дырки», изъязвляющие плоть текста, доходит до эгоистической «кофейной» лирики. За каждое слово, сказанное всуе, взыщется с нас, что же говорить о написанном.

Исаакиевский собор

Св. Апостолы установили пользы нашей ради десятую часть года, то есть время Великого Поста, посвящать Богу, чтобы и благословлены были во всех делах наших, ежегодно очищая себя от грехов. И еще в Ветхом Завете Господь повелел сынам Своим каждый год давать десятину из всего, что они приобретали, и, поступая так, они имели благословение во всех делах своих. И в творчестве тоже.

Отец Таврион наставляет — не нужно выдумывать миров своих. Гляжу вдаль, за монастырские стены: глубинно раскрываются солнечные поля. И верно, как Свет Божий, что округ нас, заземлить в высокое слово земное? Что еще можно выдумать? Порой, сокровенное и святое, не видимое для глаз, не обвыкших еще к храмовому полумраку, «сквозит и тайно светит» в знакомых нам с издетства, привычных местах. И град святого Петра, где я родился, в сердце своем, в основании Петропавловской крепости, покоит частицу

мощей Святого Всехвального Апостола Андрея Первозванного. И, единствуя един, самый «нерусский» из всех городов русских несет в своем названии слово *СВЯТОЙ*.

*Охватила заря скальный город,
И возглись над варяжской Невой
Леденистые главы собора —
Светоч русской любви огневой.*

*В этот каменный огненный вечер
К мостовой пристывает мой взор,
Но — в душе, как пасхальные свечи,
Многолаво пылает собор.*

*И взглянув на Исаакий, прохожий
Мне красно улыбнулся на миг,
И — как зарный румянец сквозь кожу —
На лице его,
 с нищенским схожим,
Прояснил,
 Петербург,
 твой погожий,
Прикровенный молитвенный лик!*

Мир небесный и мир земной единятся в молитве; православная Россия обладает неоценимым сокровищем — даром молитвенной общности, соборности. Особенно велика сила соборной молитвы пасхальной. И радость ее просветляет таинственно наши сердца и вдохновенно питает наши творческие силы. Литература русская — соборна. Иерохранотопия текста, в наивысших своих проявлениях, сродни молитве, литургическому времени и пространству, в глубоком сердце которого — пасхальная радость. Пасхальная радость — святая радость, которой нет и не может быть равной во всем мире земном, это нескончаемая радость вечной жизни и блаженства во Христе, именно та радость, о которой сказал Сам Господь: «Возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас» (Ин. 16. 22).

Сейчас в Петербурге морозно по-зимнему. И купола Исаакиевского собора, осиянного лучами заходящего светила, источают иней, и хоть времена ныне еще по-прежнему смутные, мертвящие, душа предчувствует: скоро — град огласит пасхальный, звонкий ледоход, и встречное солнышко похристосуетя со всезлатыми куполами собора. И радость навещает душу. В ней прикровенно восходит Свет Незакатный.

Северная СТОЛИЦА

Виктория ГУСАКОВА

СВЯТЫНИ НЕВСКОЙ ЗЕМЛИ

Виктория Олеговна Гусакова кандидат искусствоведения, начальник цикла «Культура и искусство» в Санкт-Петербургском кадетском ракетно-артиллерийском корпусе, старший преподаватель РГПУ имени А.И. Герцена, автор книг «Православный словарь церковного искусства», «Словарь русского религиозного искусства», «Храм Воскресения Словущего в Санкт-Петербургском кадетском ракетно-артиллерийском корпусе», программ, учебных пособий, статей и докладов по истории русской культуры и искусства, духовно-патриотическому воспитанию и образованию юного поколения. Лауреат премии М.В. Ломоносова. Живет в Санкт-Петербурге.

НЕВСКАЯ «СКОРОПОСЛУШНИЦА»

Образ Пречистой Девы «Скоропослушница» появился в Петербурге в 1878 году, когда всей России была нужна помощь Пречистой Девы.

Обуреваемые страстями и противоречиями, мятежные духом и помраченные разумом некоторые представители интеллигенции готовили великое злодеяние — убийство императора Александра II. Движимые лжеидеей спасения народа от монархического гнета, они не ведали, что творят, и были слепы. Их взор затуманили европейские учения о свободе, и они забыли, что нет свободы вне Бога. Желая освободить народ от якобы рабства, они ввергали его в пучину греха.

Но русский народ еще не искусился западными теориями о мнимых свободах и правах и потому хранил в своих по-детски чистых душах православную веру, боготворил царя, не мыслил себя без его благоволения и попечения.

Царь на Руси — не просто властитель, а помазанник Божий, «ибо как власть помазанника Божия она святыня перед церковью, а потому и перед людьми, всеми и каждым, и прежде всех перед самим царем. Святыня же неприкосновенна...»¹ Злодеяние против царя — есть преступление перед народом и великий грех перед Богом.

¹ П. Голохвостов. Письмо к К.П. Победоносцеву от 31 декабря 1879 г. // Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты. Т.1. Мн., 2003. С.10.

*Икона Божией Матери
«Скоропослушница» Невская*

Вот как описывает А.Ф. Аксакова, жена известного писателя и публициста, славянофила И.С. Аксакова, переживания двух купцов Павловского Посада после трагического события 1 марта 1881 г.: «Смерть царя, стыд и грех на нас, но ему Бог, любя его, послал такую смерть. Бог хотел уравнять его небесный чин с его земным чином. Здесь сподобил его быть царем-освободителем, там сподобил его венца великомученического. Его великомученическая кровь покрывает его слабости и наши грехи»².

Во имя спасения России и её народа от приближающейся беды была ниспослана в столицу икона Богоматери «Скоропослушница». Именно к ней должен был обратиться русский люд с горячей молитвой о скором заступлении и помиловании.

Афонские старцы хранят предание о первом чудотворении от «Скоропослушницы».

Образ Божией Матери был написан в Святогорском монастыре Дохиар при жизни его основателя преподобного Неофита в начале XI в. Икона находилась в нише наружной стены перед входом в монастырскую трапезную.

В 1664 г. от образа произошло чудо. Как-то раз некий монах Нил, проходя мимо святыни с зажженной лучиной, слегка закоптил лик Божией Матери. Тот час он услышал голос, повелевавший ему не ходить здесь более с горящей свечой. Испугавшись, Нил удалился в келью, но предостережению не внял. После второго предупреждения инок ослеп. Он горько раскаялся, и после молитв обрел зрение.

Богородица простила нерадивого монаха и сказала ему, что отныне не оставит в беде и печали никого, кто вознесет к Ней молитвы. Свою икону Она повелела именовать Скоропослушницей за скорое ниспослание милости всем прибегающим к Ее Пречистому образу.

В честь прославленной иконы афонские монахи построили храм справа от ниши со святыней. Проход в трапезную был закрыт и преобразован в часовню, чтобы никто более не мог нарушать повеления Богородицы.

² П. Голохвостов. Письмо к К.П. Победоносцеву от 5 марта 1881 г. С. 180.

На протяжении столетий Русь поддерживала связи со Святой Горой. Как свидетельствуют Акты Великой Лавры, первые русские инокы появились на Афоне в XI в., а после распространения ислама Россия стала достойной восприемницей духовного опыта святогорцев.

В конце XVII в. в результате обострения русско-турецких отношений связи с Афоном прервались. Они возобновились только в 1829 г. после поражения Турции и заключения Адрианопольского мирного договора.

Во второй половине XIX в. члены императорской фамилии начали оказывать покровительство русским инокам на Афоне. В благодарность им святогорцы привозили в Россию списки с прославленных икон. Так, в 1878 г. список с иконы «Скоропослушница» был доставлен в Санкт-Петербург иеромонахами Афанасием и Варсонофием из Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне.

Инокы прибыли в Россию по инициативе русского посла в Стамбуле (Константинополе) графа Н.П. Игнатьева, который в 1873 г. купил участок земли в Малой Азии с руинами храма святителя Николая Чудотворца в Мирах Ликийских. Помня старую традицию, по которой афонские монахи приезжали в Россию для сбора пожертвований в пользу православных храмов, граф отправил Афанасия и Варсонофия собирать средства на восстановление разрушенного храма.

В Петербурге монахи поселились в Александро-Невской лавре. Неподалеку на пересечении Калашниковского проспекта (ныне улица Бакунина) и 2-ой Рождественской (ныне 2-ая Советская) и Мытининской улиц велось строительство часовни в честь святых Александра Невского и Николая Чудотворца в память о спасении императора Александра II в 1867 г. во время покушения на него в Париже. Афонские инокы попросили организовать в строящейся часовне подворье Сионского Никольского храма в Мирах, чтобы использовать её средства на восстановление древней церкви.

6/19 декабря 1879 г. в день памяти святителя Николая митрополит Санкт-Петербургский Исидор освятил Александро-Николаевскую часовню. Настоятелем был назначен иеромонах Афанасий.

Образ Божией Матери «Скоропослушница» и другие афонские святыни: крест с частицей Животворящего Древа и частицы мощей святых Николая и Пантелеймона, были перенесены из лавры в часовню.

1 марта 1881 г. на канале Грибоедова, где ныне стоит храм Воскресения или «Спас на крови», прогремел роковой взрыв. Император Александр II был смертельно ранен и вскоре скончался.

В начале 1885 г. в часовне произошел пожар. Здание сгорело дотла, но икона Богородицы чудом уцелела. Ее нашли на пепелище со следами опаления.

Это событие произвело большое впечатление на верующих. Люди стали стекаться к святыне. Они искали избавления от личных недугов, и, вероятно, мало кто возносил молитвы о спасении России и

русского царя. Может пожар, вспыхнувшей в часовне с чудотворной иконой, напоминал о трагической гибели императора и предупреждал о грядущей катастрофе, которой предшествовал еще ряд террористических актов?

Часовню быстро отстроили. В 1888 г. на месте сгоревшей постройки была воздвигнута новая каменная часовня, значительно превосходящая по размерам предыдущую. Проект здания в русском стиле исполнил гражданский инженер П.Д. Мегорский.

По окончании Русско-турецкой войны возникли сложности с восстановлением храма в Мирах Ликийских, потому что эти территории остались под властью Турции. Собранные средства были переданы Императорскому Православному Палестинскому обществу во главе с Августейшим Председателем Великим князем Сергеем Александровичем. В связи с невозможностью возродить Сионский храм в Мирах члены общества приняли решение построить русский храм в итальянском городе Бари, где находились мощи святителя Николая и организовать туда паломническую миссию.

В 1888 г. в ведомство Палестинского общества была отдана новая Александро-Николаевская часовня с чудотворной иконой Божией Матери. Ее почетным ктиторм стал Великий князь Сергей Александрович.

Он и его супруга, великая княгиня Елизавета Федоровна глубоко почитали образ Богородицы Скоропослушницы. Эта икона имела промыслительное значение на их жизненном пути.

В 1884 г. принцесса Гессен-Дармштадская, Элиза, тогда еще лютеранка, стала супругой великого князя Сергея Александровича, брата царствующего императора Александра III. Их венчание происходило вначале по православному обряду, а затем — по лютеранскому. После свадьбы с 1884 по 1888 г. великокняжеская чета паломничала по Святой Земле, где Елизавета окончательно решила принять православие.

Путь супругов лежал через Стамбул, в прошлом Константинополь. На литургии в местной русской посольской церкви архимандрит Арсений преподнес каждому гостю икону. Великой княгине Елизавете владыка подарил список с чудотворного образа Божией Матери «Скоропослушница», написанный афонскими мастерами.

Промыслительно, что должность ктитора великий князь Сергей Александрович получил сразу по возвращению из паломничества.

В 1891 г. Великая княгиня Елизавета крестилась в православие, в этом же году Великий князь стал генерал-губернатором Москвы.

В 1894 г. на Российский престол вззошел император Николай II. Начало его царствования омрачили печальные события на Ходынском поле, унесшие множество человеческих жизней. В трагедии обвинили великого князя Сергея Александровича, одного из организаторов праздника на Ходынке.

В 1902 г. на этом месте в присутствии Сергея Александровича и Елизаветы Федоровны был освящен храм в честь иконы Богородицы «Скоропослушница», а через три года, 5/18 февраля 1905 г. в

Москве великий князь был убит террористом Каляевым. Вскоре ближайший сподвижник князя, граф Н.Ф. Гейден, при поддержке Великой княгини Елизаветы Федоровны, предложил преобразовать часовню в церковь в память об убиенном Почетном ктиторе.

Освящение нового храма в честь святых Александра Невского и Николая Мирликийского было совершено епископом Нарвским Антонием 30 ноября / 13 декабря 1905 г. Почетным ктитorem церкви стал Великий князь Михаил Александрович, брат Государя императора.

По прошествии времени, ввиду большого количества людей, стекавшихся к чудотворной иконе, члены Императорского Палестинского общества во главе с Великой княгиней Елизаветой Федоровной решили возвести на

месте Александро-Николаевской церкви новый большой храм.

8/21 сентября 1913 г., в празднование Рождества Пресвятой Богородицы, был заложен новый храм по проекту гражданского инженера С.С. Кричинского. Его освящение состоялось 15/28 декабря 1915 г.

С этого времени икона Богородицы «Скорopослушница» стала главной святыней Николо-Александровского храма, почитаемой верующими со всей России.

Образ «Скорopослушницы» глубоко почитала семья последнего русского императора Николая II. В дневниках и переписке императрицы Александры Федоровны часто встречаются упоминания об этой иконе, особенно в последние годы жизни.

После революции 1917 г. храм некоторое время был одновременно музеем и домовою церковью, в которой служил один священник.

С началом большевистской компании по упразднению домовых церквей и подворий в Николо-Александровском храме учредили приход, чтобы спасти церковь от ликвидации.

В 1922 г., в связи с изъятием церковных ценностей, будущий священномученик митрополит Вениамин заключил с Петроградским советом соглашение о сохранении для верующих, наряду с нетленными мощами и некоторыми святынями, образа Богородицы «Скорopослушница», но с условием, что с иконы будут сняты драгоценный оклад и украшения и переданы советской власти.

Преподобномученица великая княгиня Елизавета Феодоровна

В эти суровые годы количество людей, приходящих помолиться Пречистой Деве, возросло. Чтобы исполнять все требы вовремя, в храме постоянно дежурил священник. Старожилы рассказывали, что икону возили на извозчике по домам к больным и немощным. Перемещаясь по Санкт-Петербургу, образ Богородицы освящал невские земли, которым в 1924 г. грозило лишение исконного святого имени и замена его на новое название — Ленинград.

7 марта 1932 г. Николо-Александровский храм закрыли, а чудотворную икону передали в фонд музея. Настоятель храма, Владимир Шамонин обратился в Москву к М.И. Калинину, председателю ЦИК СССР, с просьбой вернуть святыню верующим. К всеобщему удивлению Калинин разрешил перенести икону Богородицы в Борисоглебскую церковь на Синопской набережной, где отец Владимир продолжил свое пастырское служение.

20 мая 1932 г. Николо-Александровский храм был взорван. В документах отдела народного хозяйства говорилось, что его разрушение обусловлено нехваткой кирпича для строительства жилого дома неподалеку.

После закрытия в 1924 г. Борисоглебской церкви икона Божией Матери «Скоропослушница» кочевала из одного храма в другой. До 1938 г. образ пребывал в церкви Святого Духа в Александро-Невской лавре, затем его перенесли в Князь-Владимирский собор, где в годы блокады, наряду с Казанской иконой, он проливал свет надежды в души молящихся, уповающих на милость Пречистой Девы, ленинградцев.

22 ноября 1941 г. в день празднования иконы Богородицы «Скоропослушница» была открыта «дорога жизни» по льду Ладожского озера и первые машины доставили продовольствие в осажденный город.

В 1956 г. Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры был возвращен Православной церкви, а в 1958 г. в него перенесли чудотворную икону Божией Матери, именуемую «Скоропослушницей». В нем

*Свято-Троицкий собор
Александро-Невской лавры*

она начала свою много-страдальную историю, сюда вернулась после долгих гонений, здесь находится до сих пор.

Под Покровом Пречистой Девы велось возрождение обители. Постепенно главный Свято-Троицкий храм отреставрировали, и в 1989 г. в него перенесли мощи св. благоверного князя Александра Невского, находившиеся до этого в Казанском соборе.

В 1996 г. монастырь возобновил свою деятельность.

Сегодня, как и в дореволюционную эпоху, его главными святыми являются мощи святого князя Александра Невского и чудотворная икона Богородицы, именуемая по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира «Невскою Скоропослушницей».

Образ относится к иконографическому типу «Одигитрии», что в переводе с греческого обозначает «Путеводительница». На таких иконах Пресвятая Дева правой рукой указывает на Младенца Христа, веруя в Которого люди становятся на путь к спасению.

Невская «Скоропослушница» изображена без Младенца. Афонские иноксы доставили в Санкт-Петербург список, написанный с некоторыми изменениями. Композиция иконы была сокращена. Этот прием использовался иконописцами с древности при копировании особо почитаемых и чудотворных образов.

На иконе из Троицкого собора Александро-Невской лавры представлен лик Пресвятой Богородицы, обрамленный вишневым мафорием и нимбом, украшенным золоченым венцом и фигурками двух ангелов. Они венчают Богородицу короной. Внизу изображена правая кисть руки Пресвятой Девы, а справа от Нее золотыми буквами написаны слова молитвы.

Пречистая Дева ласково взирает на верующих. Ее удивительно живые глаза наполнены такой сердечной теплотой и трогательным сопереживанием, что, кажется, будто образ на иконе оживает, словно Царица Небесная Сама присутствует здесь в храме и участливо внимает всем молящимся Ей.

Перед Невскою «Скоропослушницей» происходило и происходит много чудес. За этот неиссякаемый и вечно живой источник милости люди именуют Пресвятую Богородицу: «Море являвшаяся божественным дарований и чудес приснотекущая река»³.

³ Молитвы ко Пресвятой Богородице пред чудотворными иконами Ея. М., 2002. С. 178.

ДЕЯТЕЛИ

**Сергей КОРЫТИН
Наталья ЕГОРОВА**

ДУХОВНЫЙ НАСТАВНИК

*жизненный путь
протоиерея
Бориса Николаевского*

Протоиерей Борис Николаевский родился 24 апреля 1884 года в селе Борисово Старорусского района Новгородской области, где священником служил его отец. Примечательно, что батюшка был четырнадцатым священником в роду.

В 1899 году он закончил Старорусское духовное училище, а в январе 1906 года — Новгородскую духовную семинарию. В сентябре того же года Бориса Николаевского назначили учителем в двухклассную церковно-приходскую школу на станции Бологое. Но душой он стремился к другому. «Всю свою молодость, до 25 лет, мечтал, добивался, стремился стать врачом, — впоследствии рассказывал батюшка. — Учился тому, что могло мне пригодиться в этом деле». В сентябре 1907 года Бориса Николаевского приняли в число студентов медицинского факультета Императорского Юрьевского университета. Плату за обучение, за квартиру и питание вносил профессор, наставник Бориса Николаевского, который видел в ученике своего будущего помощника. Но внезапно благодетель скончался, и Бориса Николаевского отчислили за невзнос платы. «Много горьких часов я провел, — вспоминал батюшка, — когда всю ночь бродил по улицам города в отчаянии, считая, что все потеряно. И только Господь и моя милая мамочка поддержали меня, направили меня, и в 25 лет стал я священником».

8 апреля 1909 года состоялось венчание Бориса Николаевского с Анной Михайловной Лесковой,

1878 года рождения. 26 апреля архиепископ Варшавский Николай рукоположил Бориса Николаевского во иерея и назначил его помощником настоятеля одного из храмов Варшавской губернии. 30 марта 1910 года отца Бориса перевели на должность настоятеля Островской городской Свято-Николаевской церкви Ломжинской губернии Варшавской епархии. Одновременно он состоял заведующим и законоучителем Островской церковно-приходской школы, а затем еще и законоучителем двух городских гимназий.

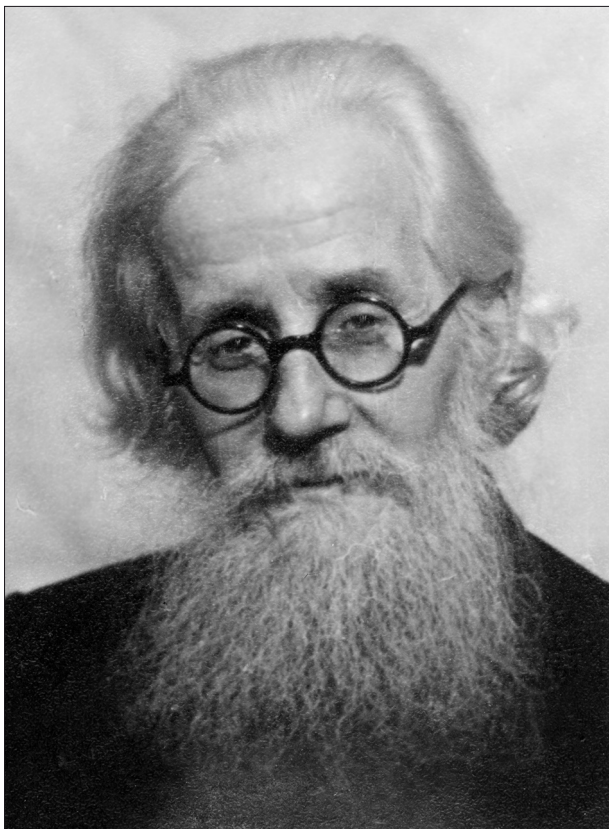
Батюшка служил ревностно, о чем свидетельствуют полученные им награды. В период с

1910 по 1914 годы его наградили медалью в память 300-летия Царствования Дома Романовых, набедренником и скуфьей.

Во время Первой Мировой войны отец Борис служил полковым священником и был ранен в шею, после чего голова у него стала слегка наклоненной набок. За усердную службу «на пользу христолюбивых воинств» 31 марта 1916 года преосвященнейшим Иоасафом, епископом Новогеоргиевским, он был награжден камилавкой. К сожалению, более подробных сведений о военном периоде его служения не сохранилось.

20 января 1916 года отец Борис выдержал Государственный экзамен и удостоился звания учителя русского языка высшего начального училища. 11 сентября 1917 года митрополитом Петроградским Вениамином отец Борис был назначен настоятелем храма во имя святителя Иоасафа Белгородского в поселке Парголово (Михайловка) Петроградского уезда.

Храм был построен в 1912 году крестьянином Константином Тимофеевичем Рыжовым на его земле и на его собственные средства, им же был построен двухэтажный дом для причта. Здание храма было деревянным, на каменном фундаменте, с колокольной и боль-

*Протоиерей Борис Константинович
Николаевский (1884-1954)*

шим церковным садом. При храме был организован хор, в котором пели и дети батюшки. По воскресеньям читали акафист пред иконой Божией Матери «Отрадо и Утешение», после акафиста проводились беседы. Именно отсюда началась традиция духовных бесед, о которых так тепло вспоминают духовные чада отца Бориса по Свято-Троицкому храму в Лесном.

У отца Бориса и Анны Михайловны было четверо детей: сыновья Павел и Михаил и дочери Александра и Ольга. После революции семьи священников считались лишенцами, многие их чуждались, и детям непросто было получить образование. Здесь пригодились знания и опыт, приобретенные отцом Борисом за годы преподавания в учебных заведениях. Он много занимался со своими детьми. В семье Николаевских издавался домашний рукописный журнал, для которого писали прозу и стихи все дети. Своих сыновей он подготовил сразу в 8-й класс. Несмотря на то, что дети отца Бориса учились очень хорошо, их с большим трудом принимали в среднюю школу. Младшей дочери Ольге пришлось обойти чуть ли не все школы города, пока директор одной школы не пожалела и не приняла ее. Старший сын окончил институт после демобилизации заочно, будучи уже взрослым человеком.

В храме во имя святителя Иоасафа Белгородского батюшка прослужил 16 лет. В 1933 году отец Борис вступил на тернистый путь исповедничества: 8 октября он был арестован и сослан в город Алма-Ату, где работал старшим счетоводом и бухгалтером на Особом строительстве Совнаркома КАССР. В конце 1936 года ему было разрешено переехать в Новгород. Здесь он преподавал русский язык. Затем его перевели в город Боровичи Новгородской области, где он также работал учителем.

С началом войны отец Борис был эвакуирован на Урал, в город Богдановичи Свердловской области. Все военное время он работал на заводе по производству огнеупоров на разных должностях: мастером и заведующим столярным цехом, нормировщиком и плановиком-экономистом. После войны, в 1946 году, к отцу Борису на Урал приехала дочь Ольга, и они вместе вернулись в Ленинград. В общей сложности отец Борис пробыл в ссылке 13 лет. По свидетельству духовной дочери отца Бориса, ныне схимонахини Пюхтицкого монастыря матери Евстафий, батюшка сказал следующее: «Только 13 лет ссылки меня окончательно смирили».

В Ленинграде, до получения разрешения служить, отец Борис ходил в Преображенский собор как простой мирянин, а затем, получив разрешение, стал служить в Свято-Троицком храме в Лесном.

Храм Пресвятой Троицы бывшего подворья Лютикова Свято-Троицкого мужского монастыря Калужской епархии располагался на углу Гражданского проспекта и Большой Спасской улицы (ныне проспект Непокоренных). Подворье с деревянным храмом Святой Троицы было заложено 4 августа 1897 года по благословению свя-

того праведного Иоанна Кронштадтского и освящено игуменом Герасимом 12 февраля 1898 года. Возвращаясь с маневров, 4 августа 1898 года подворье посетил Царь-страстотерпец Николай II. В октябре 1905 года началось строительство каменного пятиглавого храма во имя Тихвинской иконы Божией Матери, посвященного коронованию

Государя. Тихвинский храм в 1934 году был закрыт и занят промышленным предприятием, а в 1982 году — разрушен. В храме Пресвятой Троицы отец Борис прослужил до конца своей жизни.

Батюшка всего себя отдавал священническому служению и в трудное послевоенное время зажигал и поддерживал в сердцах людей огонек веры. Одна прихожанка вспоминала: «Зашла случайно в раскрытые двери храма, в это время батюшка вел исповедь. Встала, как вкопанная, не могла сдвинуться с места... И вышла из храма верующей».

А вот как вспоминает о службах отца Бориса схимонахиня Евстафия: «Проникновенное служение, причем слезное; проповеди, воскресные духовные беседы, исповедь, вызывающая глубокое покаяние, — все это меня захватило. Бывает, человек одарен каким-то одним талантом. Господь так щедро одарил Батюшку столькими талантами! И дар молитвы, и дар слез, и дар слова, и дар вызывать покаяние. Все это он имел и нам давал, что ценно. С ним мы молились, с ним мы плакали, с ним мы калялись. Так, как было с ним, уже после него не было».

Отец Борис много помогал бедным, причем учил духовных чад искать таких, которые сами просить не смеют, стыдятся. И учил оказывать милостыню не только деньгами, но и добрым, ласковым словом, вниманием. Отец Борис рассказывал, что однажды у него не было денег и он протянул бедному старику руку и попросил у него

Свято-Троицкая церковь в Лесном, где отец Борис служил в 1947-1954 годах

Современное здание на фундаменте церкви во имя святителя Иоасафа Белгородского на территории ЗАО «Утро»

прощения, а тот заплакал от умиления и сказал: «Батюшка! Ты больше всех мне дал: ты меня за человека сосчитал, другие мне в шапку кидают и не посмотрят на меня».

*Современный храм
святителя
Иоасафа Белгородского*

Батюшка особенно много и усердно молился за усопших. Их имена он записывал в свои помянники и во время богослужения, в алтаре, прочитывал их полностью. По воспоминаниям схимонахини Евстафии, когда она навестила больного отца Бориса незадолго до его кончины, он сказал ей: «Катенька, вот я сижу, а покойнички идут, идут... кланяются и благодарят меня за молитвы...»

В числе духовных чад отца Бориса был русский духовный писатель Евгений Николаевич Поселянин, прославленный Русской Православной Церковью Заграницей в 1981 году как новомученик Российский. Евгений Николаевич бывал в гостях у батюшки в Парголово. В декабре 1930 года Е.Н. Поселянин был схвачен чекистами по «делу Преображенского собора» и 12 февраля 1931 года расстрелян в подвале тюрьмы на Шпалерной улице. Сестра писателя была неверующей и не стала его отпевать. Через какое-то время отец Борис во время службы в храме вышел покадить и вдруг увидел, что на клиросе стоит Евгений Николаевич. Когда батюшка подошел ближе, тот распахнул свой пиджак, и отец Борис увидел у него на груди рану от пули... «Когда это случилось?» В ответ Е.Н. Поселянин показал на икону Трех Святителей.

Крепкая духовная дружба связывала отца Бориса со многими священнослужителями, в том числе и с известным петербургским батюшкой отцом Владимиром Шамониным, служившим в Спасо-Парголовском храме. Отец Борис и отец Владимир исповедовались друг у друга.

Отец Борис знал и схимонаха Серафима Вырицкого, бывал у него в Вырице. По воспоминаниям схимонахини Евстафии, «отец Серафим перед своей кончиной говорил, что теперь будете ходить к отцу Борису».

21 августа 1954 года отец Борис отошел ко Господу. Вот как вспоминает об этом его духовная дочь:

«21 августа проснулась в 5 утра с такой тревогой на сердце, что решила ехать к батюшке, только ждала, когда будет удобно приехать. Часов в 10 утра приехала. Батюшка завтракал на балконе, погода была прекрасная. За батюшкой ухаживала тетя подруги, так

как дочери работали. И захотелось нам с подругой пойти за грибами. Батюшке не хотелось нас отпускать, но, видя такое наше желание, он нас благословил. Когда мы вернулись, то поняли, что что-то случилось. Все обитатели дома встревоженные, встречали нас во дворе. Мы вошли в комнату и увидели батюшку скончавшегося, лежащего на кровати, а у виска виднелось кровоизлияние.

Хоронили батюшку на девятый день, так как ждали сына с Дальнего Востока, но он так и не смог приехать. Отпевал батюшку епископ Роман. Помню, как он обратился к батюшке и сказал: “Дорогой друг, ты уже дома, а мы еще в пути”.

Какое мы все пережили тогда горе, трудно даже представить. Многие из духовных детей батюшки поехали за утешением в Псково-Печерский монастырь к иеросхимонаху Симеону. Он нас ласково принял, назвал своими духовными детьми и помог пережить такую большую скорбь»¹.

Отец Борис в кругу семьи в день своего Ангела 15 мая 1952 года

Духовные чада все эти годы бережно хранят память о своем духовном наставнике. Ежегодно в день памяти они посещают могилку отца Бориса на Богословском кладбище. Дороги им и места священнического служения отца Бориса. Но, к сожалению, Свято-Троицкий и Свято-Иоасафовский храмы до нашего времени не сохранились. Свято-Троицкий храм в Лесном был снесен в 1967 году.

В храме во имя святителя Иоасафа Белгородского в Парголово богослужения были прекращены в январе 1938 года, а 24 июня

¹ Иеросхимонах Симеон (Желнин) почил о Господе 18 января 1960 года. 1 апреля 2003 года состоялось его прославление в лике святых.

1941 года Парголовским поселковым советом было принято решение «о ликвидации Свято-Иоасафовской церкви и использовании здания храма под клуб». 24 июля 1941 года на заседании Леноблисполкома это решение было утверждено. Поразительно, что даже начало войны не вразумило атеистов-богоборцев.

После войны на церковной земле был построен завод. Храм разрушили, а на сохранившемся фундаменте было построено новое производственное здание.

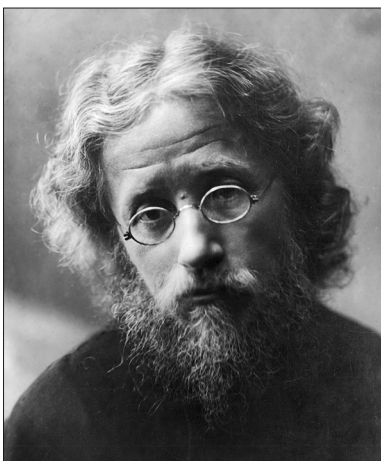
Сегодня на месте дома, в котором жила семья отца Бориса, построен новый храм во имя святителя Иоасафа Белгородского. 19 мая 1994 года состоялось освящение закладного камня, а 7 августа 1999 года в новом храме была отслужена первая Божественная литургия. В храме находится святыня — икона святителя Иоасафа с частицей его мощей, привезенная из Белгорода в феврале 2003 года.

В январе 1999 года владельцем завода стало акционерное общество «Утро». Стараниями сотрудников в здании, построенном на месте разрушенного храма, устроен иконный уголок. Великим постом 1999 года замироточили иконы Креста Господня, святого пророка Иоанна Предтечи, преподобных Сергия и Германа Валаамских чудотворцев и Всех Святых. В последующие годы мироточили и многие другие иконы: Спасителя, Божией Матери, святителя Иоасафа Белгородского. В 2000 году иконный уголок украсила старинная икона святителя Иоасафа. Икона была совсем темной, но за последующие два года она почти полностью обновилась. Некоторые места иконы имеют такие насыщенные, яркие краски, что кажется, час назад здесь работала кисть иконописца.

Самое удивительное, что мироточили не только иконы, но и фотография отца Бориса. Это несказанно порадовало духовных чад и почитателей батюшки и было воспринято всеми как свидетельство прославления отца Бориса в мире Горнем и вселило надежду, что отец Борис будет прославлен как исповедник и в церкви земной, в свое время, когда это будет угодно Богу.

НАСЛЕДИЕ

**Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ**

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ

Протоиерей Борис Николаевский (1884-1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Лесном, который до разрушения стоял на углу Гражданского проспекта и проспекта Непокоренных в Ленинграде. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед». Слова отца Бориса исполнены искренней веры, легко проникают в душу читателя, просто и убедительно объясняют проблемы духовной жизни.

Господь одарил отца Бориса дарами, которые он щедро передавал своим прихожанам и духовным чадам, среди них был известный православный писатель Е.Н. Поселянин. Глубокое уважение и крепкая духовная дружба связывала отца Бориса с известным подвижником иеросхимонахом Серафимом Вырицким (ныне причисленным к лику святых) и протоиереем Владимиром Шамониным.

«Духовные беседы» будут интересны, доставят радость и людям верующим, и тем, для кого путь к спасению души только начинается. Мы предлагаем публикацию глав из книги, которая относится к тем творениям, после общения с которыми автор становится близким человеком для каждого читателя.

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С.Н. Ко-

рытиным и Н.Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Предисловие¹

Есть такой рассказ (он здесь приведен в сокращении). Напечатан он в сочинениях епископа Николая Японского.

Двое японцев — муж и жена — проходили по берегу моря. На море несколько дней бушевал яростный шторм. Много судов было выброшено на берег и разбито. Обломки разбитых судов заполнили берег.

Японец увидел среди обломков какой-то блестящий предмет и указал на него жене. Они с трудом достали его среди обломков и других вещей. Оказалось, это металлическая коробка запаянная. Они взяли коробку эту, принесли домой и вскрыли. Там оказалось на английском языке Евангелие. Такой книги они никогда не видели и не слышали о христианстве. Были они буддисты.

Принялись с интересом читать Священную Книгу. Чем больше читали, тем больше увлекала их эта Книга.

Оба они были людьми образованными, умели не только читать слова и рассказы (как мы читаем), а и объединять прочитанное, обобщать, так что получалось что-то целое, а не просто сборник отдельных повествований. Прочитанное они вместе обсуждали.

Прежде всего, их поразило нравственное учение Господа Иисуса Христа. Какая высота учения! Какая чистота его! Нельзя ни одной черты в учении признать плохой, негодной. «Что было бы, если бы действительно так жили на земле люди? — говорили они. — Ведь было бы на земле всеобщее счастье!..»

Их поразили и те прещения, какие были указаны Господом не исполняющим и отвергающим это учение: *Идут они в муку вечную...*

А кто же это такой, Который осмеливается так говорить?

И начали они подбирать и объединять факты из жизни Спасителя.

— Смотри! Смотри! — говорили они друг другу. — Ведь Он все-все знает. Ведь Он все может, всё Ему подчиняется. И Сам Он говорит: *Дана Мне всякая власть на небе и на земле.* Удивительное дело!..

И все, что Он говорил, все свое учение Он же полностью выполнил. У Него слово никак не расходится с делом!

И как спокойно Он говорит о Себе, о тех ужасах, какие Его ждут... Он вперед их видит и знает, и удивительно то, что все это совершенно точно исполнилось. Он сознательно идет на позорную смерть, и как удивительно Он ведет Себя на Суде и на Кресте!.. В момент тяжких страданий молится о Своих мучителях!..

¹ Беседы составлены на материале, взятом из книги «Православное учение о спасении» архиепископа Финляндского и Выборгского Сергия (Страгородского), будущего Святейшего Патриарха.

— Кто же это такой? — задавали японцы вопрос сами себе... И опять искали в Евангелии, что же Он говорит о Себе: *Я Сын Божий, сшедший с Неба.*

— Слушай! — говорили они друг другу, — мы погибли! Ведь мы ничего не выполняли из того, что Он говорил...

— Подожди, — говорила жена, — А может быть, это все выдуманно? Может быть, это придумали писавшие эти книги?..

— Да так и выдумать невозможно!... Какая простота! Какая свежесть рассказов!.. И как заботились об истинности своих повествований те, что писали эту Книгу!

Ты смотри, они и себя не щадят, совсем невыгодно говорят о себе: они не понимали Его, противоречили Ему, не верили Его словам. Наконец, разбежались, оставили Его в горькие минуты Его жизни.

Да еще смотри вот это место. Он Сам указывает, как проверять, выдуманно ли это все или нет: *Мое учение — не Мое, но пославшего Меня* (Ин. 7, 16). *Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении: от Бога ли оно или Я Сам от Себя говорю* (7, 17).

Вот тебе и способ узнать правду. Если мы не исполняли Его учения, не слушали такого совета Его — то как мы можем сказать, выдуманно это или не выдуманно?

Посмотри, как отзывались Его слушатели, искренние простые люди: «Ни один человек не говорил так, как этот Человек...» Да! Это — удивительный человек, если это только Человек... Он говорит о Себе: Сын Божий, сшедший с Небес...

А зачем Он сошел с Небес? Не судить, не губить людей, а спасти их...

А кто же Его заставил сойти с Небес?.. Никто не мог заставить, принудить всемогущего Бога... Он Сам добровольно это сделал... сделал это только потому, что любил и любит людей...

Ты читала: Бог так любит людей, что Сына Своего не пожалел и послал в мир на смерть, на страдания... только бы спасти людей...

Ты слышишь: Сын Божий сошел с Небес, пострадал, умер ужасною смертью, — все потому, что Он любил и любит людей, а следовательно, и нас с тобой...

Значит, мы еще не погибли, мы еще можем быть спасены. Ищи, что нам делать надо? И скорее, скорее надо сделать все, и вот слова Его: *Кто поверит и крестится, спасен будет.*

А как это — крестится?.. Кто это делает?

Созижду Церковь Мою.

А что такое Церковь? По всему видно, что это общество какое-то? А где оно?.. Как к нему присоединиться? Все это надо спешно узнать, разыскать, сделать...

Епископ Николай — так называемый Апостол Японии — в своем соборе в Токио вскоре крестил их обоих. И как глубоко и как искренне они исповедовали веру свою в Иисуса Христа, Сына Божия!.. Все это потому, что они глубоким изучением Евангелия были

серьезно подготовлены к тому. Вера их была основана на «твердом камне»...

Вот как эти люди — язычники — дошли до Христа!..

И все так доходят!.. Это Заповедь Самого Господа, причем Заповедь начальная, с которой Он начал проповедь Свою: *Покайтесь и веруйте в Евангелие.*

Читайте Евангелие с открытым сердцем, с открытым умом. Разберитесь в том, что там написано... Читайте и думайте серьезно, объединяйте, обобщайте однородные события, как делали это японцы, — и дивный Образ Господа Иисуса Христа предстанет перед вами во всем Своем Величии, во всей Своей Красоте!..

Посильный пример такого изучения Евангельских повествований представлен на этих страницах...

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помоги нам!..

Любовь Христова (примеры и пояснения)

Откройте любую книгу святоотеческих творений, и везде вы найдете в различных, быть может, выражениях, одну и ту же мысль: «Милосердие Божие — неизреченное, несказанное...».

Нет слов на языке человеческом, чтобы ясно выразить безграничное милосердие Божие. И такие речи святых мы уже не один раз приводили.

Как приблизить к сердцу эту великую истину? Что есть в нашей жизни, что нам помогло бы в этом отношении?..

Еду я в трамвае — и люблю беседовать с детьми, сидящими в вагоне.

— Как тебя зовут?

Малыш убежденно отвечает:

— Мама жнает...

— А где ты живешь?

— Мама жнает...

— А где же мама твоя?

А тут... А тут... — и ручкой показывает в сторону мамы.

— А как тебя мама зовет?

— Миленький...

Такие и подобные разговоры у меня часто бывают, и как они характерны...

Вы вдумайтесь: для ребенка мама — все. Мама знает, что ему нужно. Мама все вовремя сделает. Мама и даст все, когда нужно. К маме можно всегда обратиться — и там отказу не будет. А главное дело: она всегда тут. Доказывать эти вещи ребенку совсем и не требуются, для него все ясно, да он и не поймет ваших доказательств. Но он чувствует всю непреложную истину благодетельного присутствия мамы.

— Мама, бо-бо!.. — тянет ушибленный пальчик... А мама уже целует его...

Обидели:

— Мама!.. — В этом слове и защита, и утешение...

Устал — «на ручки», и мама несет его на груди своей.

Нашалил — мама сердитое лицо сделает, смотрит на шалуна, а как только скажет: «прости» и блеснет слезка на глазах малышки — мама уже все забыла, и ласкает, и целует дитя. А глаза-то у нее как сияют!.. Какая нежность струится из этих милых глаз!

Зачем я это вам говорю?.. А затем, что это слабое, но совершенно точное подобие отношений Господа Бога к человеку на земле.

Поставьте вместо слова «мама» слово «Господь Бог» и вместо слова «дитя» — человек в земной жизни, и будет полное сходство отношений.

— Мама знает, — говорит ребенок.

Господу все известно, Он все знает, говорит истинный христианин.

— Мама тут.

Господь близ... Недалеко от каждого из нас, говорит Апостол Христов. *Се Аз с вами до скончания века.*

Мама за руку ведет. «Не упади», — говорит.

Учение о Промысле Божьем, которым Господь руководит миром.

— Мама, бо-бо!

Наши слезы в молитве, в скорбях и печалях — «Всех скорбящих радость».

Нашалил — не послушался.

Согрешил — своевольничал.

Непослушен остался — мама и розгу взяла, а то и ремень.

Скорби, болезни, тревоги. Как говорили: «удары судьбы», «крест жизни».

— Не ходи к собаке — укусит...

Блюдайте себя, како опасно ходите... Яко враг ваш диавол, яко лев рыкающий ходит, иский кого поглотити, — учит Апостол Христов.

— Укусила! — крик и плач.

Соблазнился на грех — совершенный грех.

— Мама, прости!

Покаяние... Слезки, тревога — боль... Господи, помилуй! Пощади! Пожалей!

Мама бежит, обнимает, целует...

«...Властию Его, мне данной, прощаю и разрешаю!»

Устал — «на ручки», и мама на груди несет.

Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные (уставшие, измученные), и Аз упокою вы, — говорит Христос Господь.

— Кто тебе купил пальто, сапожки?

— Мама.

А мама добавляет: «Все куплю, только послушным будь».

Говорю вам, не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить (Мф. 6, 25-34). *Ищите же... Царствия Божия* (то есть будьте послушны Господу, доверьтесь Ему...)

Важнее всего то, что «мама всегда тут», грудью своей питает младенца. — Наш Господь всегда с нами до скончания века. Питает нас Своею Кровию и Своим Телом.

Мама всегда готова жизнь отдать за дитя свое. — А Господь уже отдал жизнь Свою за всех послушных и непослушных рабов Своих. *«Распятого же за ны при Понтийском Пилате и страдавши и погребенна».*

Эти параллели, эти сравнения можно еще продолжать.

Думайте, думайте над тем, что нас окружает!.. Ведь то, что я сейчас рассказал, — это самая повседневная жизнь наша. Здесь ничего нет выдуманного.

Братья!.. Как любит нас Господь наш, наш Небесный Отец, дорогой, милый, наша «мама», к Которой можно всегда прийти, все-все сказать, всем поделиться, принести все горя и тревоги!

Господь примет, поймет, пожалеет — отказу не будет... Ласки, любви всем, всем хватит...

Только иди, не бойся, не смущайся!.. Всякую глупость нашу, всякую «шалость» — всякий грех готов простить. И как простить!.. не по-нашему, как мы прощаем, мы говорим: я тебя прощаю, только видеть тебя не хочу.

Нет, там не так: прощено — значит, забыто все и навсегда. *Радость бывает на небеси о едином грешнике кающемся.*

Истинный христианин это так ясно чувствует, переживает всем существом своим, что и искать ничего не хочет... Он отдался в руки Господни и покоится, как дитя в объятиях матери.

Знакомый нам подвижник мне говорил: «Если бы я просил здоровья, мне Господь дал бы его; если бы я просил смерти, Господь послал бы мне смерть... А я не прошу ни того, ни другого, а говорю: *Да будет воля Твоя!*»

Это — Серафим Вырицкий, а сам почти 19 лет лежал больной. Вот как истинный христианин чувствует, думает, живет... И какой покой у них на сердце!..

Родные мои! Почувствуйте сердцем великую истину: безграничной любви Божией умом нашим не объять!.. Если Ангелы Божии изумляются милосердию Божию, то мы-то что скажем?..

Часто слышишь вопрос: «А как получить Милость Божию?» Ответить на этот вопрос очень легко. Меня поражают слова святых подвижников, когда я у них читаю, что мы Милостью Божией можем воспользоваться всегда, когда только захотим. Стоит, говорят, протянуть только руку, и мы уже получаем ее.

Как же это? А в этом случае указывают на слова самого Господа Иисуса Христа в Евангелии от Марка: *Потому говорю вам: все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите,*

и будет вам. (Мк. 11, 24). (Эти слова я так люблю читать вам на молебнах.)

И еще: *Просите и дано будет вам, ищите и найдете; стучите и отворят вам, ибо всякий просящий получает, ищущий находит и стучащему отворят* (Мф. 7, 7-8).

Как еще можно сказать яснее и проще этих слов Господа? Притом, ведь это слова Самого Бога нашего; сомневаться в истине их есть преступление...

В другом месте святые подвижники говорят определенно, что протянутая рука, в которую Господь вкладывает Свои дары, есть молитва. Вот что значат слова: «Протяни руку и получишь». Иначе говоря: молись с твердой верой и полной надеждой на Милосердие Божие — и все.

Вот как можно получить Милость Божию, вот ответ на ваши вопросы.

Ну, и тяните руку: ведь без Милости Божией, как без воздуха, жить человеку невозможно. Это так и есть!.. Верьте в безграничную силу молитвы, верьте, что она крайне нужна для вас, — верьте и стойте на молитве, как на Страшном Суде пред Лицом Всемогущего Владыки земли и неба...

Не шутите с молитвой! Это страшное дело — читать или петь молитву, беседовать с Господом Богом и улыбаться, или разглядывать соседей и судить их за костюм, за прическу, за поведение... Читать молитву и думать не знаю что...

Епископ Феофан говорит, что такая молитва — вовсе не молитва, а оскорбление Господу: «Пусть не думает такой, что может получить что-то от Господа».

Вот слова святого апостола Иакова в его Соборном послании: *Если у кого из вас не достанет мудрости, да просит у Бога, дающего всем просто и без упреков, — и дастся ему. Но да просит с верою, нимало не сомневаясь, потому что сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой: да не думает такой человек получить что-нибудь от Господа* (Иак. 1, 5-7).

Лучше и проще этого никто не скажет. Мне особенно нравятся здесь слова: *дает просто, без упреков.*

Не будет Господь говорить, как человек скажет: а где же ты раньше был? почему не просил о том ранее? а как ты жил раньше? думал ли об этом?.. Упрекать за старое Господь не будет...

И в этом случае чувствуете величие Безграничной Любви Божией!.. Даже больше того!.. Господь льет на нас свои милости, льет часто и тогда, когда мы не просим, даже не думаем об этом, — точно хочет обрадовать любимого неожиданным подарком.

А если мы просить станем, ужели Отец Небесный отвернется от нас?..

Но ведь Он же Сам сказал: *Грядущего ко Мне не прогоню вон... Не хочу смерти грешника, но чтобы он обратился и жив был...*

И снова скажу, и не устану всегда говорить:

Родные мои!.. Думайте об этом, думайте не сейчас только, а чаще, углубленнее, и сердце заставьте чувствовать, и эта великая истина Неизреченной Любви Божией оживит ваше сердце, станет пред ним во всей своей красоте... Да!.. Как хорошо, как сладко сознавать и чувствовать эту великую истину!..

Пророк Давид с восторгом восклицает:

Щедр и милостив Господь, Долготерпелив и Многомилостив! Не до конца прогневается! Ниже во век враждует! Не по беззакониям нашим сотворил нам и не по грехам нашим воздал есть нам. Якоже щедрит отец сына, ущедрит Господь боящихся Его. Благослови, душе моя, Господа и не забывай всех воздаяний Его! Он прощает все беззакония твои, исцеляет все недуги твои... (Пс. 102).

Вот как почувствовал всем сердцем своим человек Безграничное Милосердие Господа!

Грешники! Блудные сыны Господа! Восклоните ваши головы! Есть и нам выход из нашего горестного положения!.. Пойдем и мы к Отцу Небесному и скажем Ему:

— Мы глупые, неразумные, но мы дети твои, Господи! Пожалей нас! Приласкай нас!

— Мы грешники, но мы и когда грешники — не отрекались от Тебя и сейчас же после греха тосковали, мучились, места не находили себе — все за то, что Тебя оскорбили!..

— Господи! Господи! Пощади нас, пожалей нас, помилуй нас, глупых, непослушных детей Твоих!

— Мы вернулись с опустошенной душою, с больным страдающим телом и стоим пред Тобою, Господи!

— Мы недостойны; не называй нас детьми Твоими, возьми нас в число самых последних рабов Твоих, только не прогони нас, Господи!

И твердо веруйте, что так и будет, потому что *Щедр и Милостив Господь, Долготерпелив и Многомилостив. Не до конца гневается и не во век негодует! И нас пожалеет, пощадит, помилует!..*

Но вы же опять сомневаться станете, опять скажете:

— А стою ли я того? А чем же заслужил милость Божию?

А ничем! Это — милость, а не зарплата. А на милость, говорят, образца нет... Чем заслужил блудный сын, что отец выбежал к нему навстречу, обнимал, целовал его? А ничем... Только и всего, что сознал свою вину и пришел прощения просить... Больше ничего не говорит Евангелие. Да и прощения просить не успел, как уже был прощен...

Чем это объяснить?

А объясняется одним словом — «Отец».

Мы здесь в большинстве отцы и матери. Скажите, вы, у которых сердце страдает за детей непослушных, непокорных, ушедших от семьи, от Бога... Разве вы не ждете? С трепетом не ждете минуты, ког-

да они вернутся? Разве не замирает сердце при мысли: «Господи!.. А вдруг придет?.. А вдруг вернется?.. Господи! Как бы хорошо!..» И если придет, разве вы отвернетесь? Разве не броситесь навстречу милому сыну или дочери? Разве не зальетесь слезами радости? Разве не забудете все, все, все...

И если мы, люди, не можем иначе поступить, ибо мы любим, то как же мы смеем сомневаться в безграничном милосердии Божиим? Господи! Господи! И нас помилуй, и нас пожалей, и нас пощади!

И опять недоуменный вопрос: «Почему же так тяжело жить нам? Почему у нас все беспокойства, тревоги, болезни, скорби? Вы говорите, что у христианина этого нет — он покоен и радостен всегда. Почему?»

А очевидно, потому, что мы не христиане истинные, только ярлык такой носим, а на деле мы не со Христом.

Вы вдумайтесь в такое положение... С одной стороны, у нас Господь Всемогущий, Всеведущий, Любвеобильный, Сама Любовь. Он нам обещает и действительно дает все: и покой, и радость, и мир о Духе Святом. За нашу радость, за наше вечное счастье жизнь Свою отдал...

С другой стороны: сатана — враг Божий и наш, который искренне желает нас погубить и действительно губит, мучает, оскорбляет, угнетает, со всей злобой над нами издевается. Наши боли, наши страдания для него — величайшая радость.

А мы идем за сатаной, как полоумные, идем сознательно на погибель; знаем, что острые наслаждения греха — это только ложь грубая, неприкрытая ложь, знаем, что после греха будем страдать, стонать, кричать от боли, — и все же бросаем Господа, идем за сатаной, как осел, которого за поводок ведут...

Дивное дело!..

Чего же удивляться, что тяжка жизнь наша?.. Больно и тяжело на сердце всегда, даже в тот момент, когда мы, одураченные врагом, грех совершаем, ворует, злимся, сплетничаем, ругаемся, блудничаем и т.п.

Ведь совесть-то никуда не денешь... Совесть — это когтистый зверь, скребущий сердце, как говорит русский поэт. И это верно.

Не вам это доказывать: все мы от этого тяжело страдаем и впредь, видимо, страдать будем... — и все сознательно, добровольно... И еще терпит нас Господь!..

Да! Посмотрите со стороны на нашу жизнь: мечемся мы, бедные, в сетях сатаны, бьемся, волнуемся от несбыточных желаний, все чего-то ищем, чего-то хотим, суедемся, ссоримся, миримся, опять ссоримся, опять миримся, ругаемся, проклинаям и жизнь свою, и друг друга, тянем жизнь свою в безвыходном горе, получаем неприятности, а ждем все приятного, и т. д., и т.п.

А Он — наш дорогой, бесконечно добрый Отец, с грустью смотрит на эту сутолоку нашу, на суету земную — смотрит и ждет, и зовет к Себе человека.

А запутавшемуся в бесконечных делах человеку не слышно голоса Господа, ему, бедному, некогда думать о Боге. Забота на заботу набегают, тревога тревогу погоняет — и все о пище, об одежде и т. п. Так ловко опутал нас сатана! Надо торопиться, надо бежать в очередь за хлебом, за сахаром — а у самой два килограмма сахара на комодке стоит...

И слышится нежный, ласковый голос Небесного Отца нашего: «Чего вы суетитесь? Чего вы волнуетесь? Куда вы торопитесь? *Взгляните на птиц небесных...*» (Мф. 6, 25-34).

Услышит нынешний человек эти слова, махнет рукой — и опять побежал. Мало ли что там пишется! Это не для нас...

«Пусть пост держат те, у кого деньги есть!» — и такую речь я слышал, и притом вот здесь, у нас, в нашем храме.

Между тем эти полные любви слова Отца Небесного слышатся, как целебный бальзам для больной души...

Иногда она вздохнет, спохватится... Точно солнышко из-за тучки, блеснет мысль о Боге и слезы польются, но это только на миг один, снова тревога, и опять побежал...

Такие просветы говорят, что любвеобильный Отец Небесный потихоньку — незаметно для нас — исправляет наши ошибки, направляет нас, отводит беды и горести, как мать от дитяти... *Се стою при дверех* (сердца) *и стучу* (быть может, и отворят мне, как бы говорит Господь).

Да об этом можно говорить и говорить. Ведь радостно говорить о Любви Божией! Но услышит ли сердце человека эти слова?! Если Слов Господа не слышит оно, то что значат наши слова? Безграничная Любовь Господа остается без ответа. Нет ответной любви! Не идет человек на зов Господа, и надо только изумляться, что эта беспредельная Любовь все еще не устает звать и ждать...

А мы, здесь собравшиеся, любим Господа?

Или только говорим об этом?

Продолжение следует

ПОЭЗИЯ

Священник
Сергей ГРИГОРЬЯНЦ

Я В ХРАМЕ ТРУЖУСЬ...

Священник Сергей Григорьянц родился в 1968 году в Ленинграде. Служил в ВМФ, работал в котельной. Окончил Духовную семинарию. В настоящее время служит в церкви св. Иоанна Предтечи (Чесменская церковь) и в храме святителя Николая (Николай-на-Путьях). Автор книг стихотворений: «Пояс», «Ко святой Елене», «Благословенье», «письмо». Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

* * *

Почему к моему изголовью
Прилетает Твоя благодать?
Все великое пишется кровью
В позабытую кем-то тетрадь.
Но к стихам о печали в тетради
Я прибавлю сиянье в раю,
Если Ты, уходящий, — во аде
Не оставиши душу мою.

* * *

В Церкви снова крестный ход.
В Церкви службы круглый год.
Красота и высота
Над иконою Христа.
Забывается обида.
Забывается страданье.
Завтра утром отпеванье.
Завтра в полдень панихида.

* * *

Путь известен, но заранее не задан. —
По Писанию и вопреки ему...
Дьякон вышел, и афонский ладан
Сам собой рассеивает тьму.

Гроб из досок. Из бумаги — венчик.
Голова в раю, ступни — в золе...
Я смотрю на бронзовый подсвечник
Со свечами,

гнувшимся к земле.

* * *

Патриарху Тихону поклон.
Патриарху Сергию поклон.
И давно уже со всех сторон
Разноцветный православный звон.
«Господи, грехи мои прости!..»

Нашим детям есть куда прийти.

* * *

В радости вселенской
Вышел из Чесменской,
Еле жив от счастья
После со-Причастья.
Знаешь, Отче мой,
Труден путь домой,
Солона истома...
Смешан снег с песком.
А ключи от дома —
Под половиком.

Ты поверишь, я в храме тружусь
И с молитвой христовой ложусь,
И желаю счастья во сне
Маме, дочери и жене.

Где бы я ни был, мы всегда вдвоем... Сколько их вокруг, что поют псалмы!..
Я тебе говорил, что в краю моем Исповедайся, причащайся, но..
Ближе к Богу люди, а не холмы. Если мира нет, то в душе темно.

Прошное перебираю,
Для Любви себя храня.
Верую, что Бог един —
Дух Святой, Отец и Сын.

Молитва исцелит сердца,
Но о спасенье думать рано.
И ангел встанет у крыльца
Над тенью твоего лица.

У тебе вчора болела голова.
Я искал и находил не те слова.

Се, стою при дверех и толку;
Аще кто услышит глас Мой,
и отверзет двери, вниду к нему.
Откр. 3, 20

Я Господу верю, который за дверью,
Который стучится о камень капелью...
Господь... Он — всегда над моею
постелью.
Теперь Он — всегда над твоей
колыбелью.
Услышан, вошел в твою душу
с весельем...
Я радостно славлю Его новоселье.

* * *

На исповедь пришла.
Впервые причастилась.
В лице переменилась,
По-ангельски мила. —

Светла была слеза,
Свеча согрела руки. —
И помолилась за...
Грядущие разлуки.

* * *

Ты ходишь в скромном платье
Не в современном ритме...
Свет Божьей благодати
Приоткрывает лица.

Нам всем приносят птицы —
По утренней молитве —
На каждый день седмицы.

СЧАСТЛИВЫЕ ВРЕМЕНА

В Царствие Божие узок путь,
Стелятся тернии и волчцы.
Без молитвы вечером — не заснуть,
Помогают Святые отцы...
Отче Сергей, заступник мой!
Богородица, Спасителя Мать!
В царствие Божие путь — домой —
Мне приходится вспоминать.

Утром — правило.
Вечером — правило
Милости Божья ошибки исправила,
Одного меня не оставила. —
Разогнала в душе ненастье,
Допустила меня до Причастья.
Стало больше моей Любви:
Владыко, благослови...

ИНОК

Звезды глядят без тепла
С небушка из-за стекла.
Ради Креста в изголовье
Жертвует сном и любовью. —

Нет ни детей, ни жены...
Снятся небесные сны.
Надо с молитвой проснуться,
Чтобы на мир оглянуться.

СВЕТ

*Памяти протоиерея
Николая Гурьянова*

К свету далеких мест
Юностью был влеком...
Праздничный благовест
Слышится за окном.

В руки Господь дает
Чашу, кропило, крест...
Божией Правды мед —
В святости русских мест.

* * *

Тонут лодки, тонут корабли
Где-то на другом краю земли
В безразличном измеренье зыбком...

В сердце безразличия с избытком,
Лишь твои глаза всегда полны
Детским ожиданием весны.

ВЕЧЕРНЯ

Почнет январская природа
Со мной осмысливать союз...
Душой стремясь к лучам восхода,
Я молча Господу молюсь.
Господь покажет отраженье...

Последних дней огонь и гарь.
Рождение. Преображенье.
Голгофу...
Улицу...
Фонарь...

Великая ПРОВИНЦИЯ

Николай КОНЯЕВ

АНГЕЛЫ СТАРОЙ ЛАДОГИ*

Николай Михайлович Коняев родился в 1949 году в поселке Вознесенье Ленинградской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал сварщиком, грузчиком, корреспондентом, редактором. Секретарь правления Союза писателей России. Романы и повести отмечены многочисленными литературными премиями. Живет в Санкт-Петербурге.

* Печатается в сокращении.

Два художника

Открываешь книгу, будто распахиваешь окно в ясный и светлый мир, который вроде и знаком тебе, но таким непривычно-ласковым и добрым светом озарены знакомые предметы и лица, что смотришь на них с удивлением, словно впервые видишь...

«Любил я нашу деревню Лапино, отсюда далеко было видно во все стороны. Особенно с высокого с тремя сопками поля, которое виднелось из бокового окна избы. На этом поле снег таял скорее всех мест и мы, малыши, любили бегать туда собирать «пупки»... С средней, самой высокой сопки вид был чудесный на противоположный берег реки Волхов с белой оградой Николаевского монастыря, а дальше вниз по течению — Георгиевская церковь с бесчисленными домиками селения Старой Ладogi, Успенским девичьим монастырем, садами усадьбы помещика Томилова, последним высоким зданием упраздненного древнего Ивановского монастыря, одиноко стоящего на фоне лесной дали, на крутом берегу Волхова. С ранней весны в пятидесятых годах прошлого века очень много плыло по реке груженных хлебом судов, множество рабочих сидело на веслах и очень стройно пели протяжные песни, замолкая при виде монастырей и церквей».

Это из воспоминаний художника Василия Максимовича Максимова...

А вот другая книга... И словно совсем в другое окно смотришь, и хотя тот же пейзаж открывается твоим глазам.

Все в нем другое...

И храм Рождества Иоанна Предтечи, прочно вписанный в древний пейзаж, встает здесь на знобящем ветру из далеких веков.

Волхов. Храм Иоанна Предтечи. Фото А. Пантелеева

«Из-за бугра выглянули три кургана — волховские сопки... Взбираемся на бугор — и перед нами **один из лучших русских пейзажей**. Широко развернулся серо-бурый Волхов с водоворотами и светлыми хвостами течения посередине; по высоким берегам сторожами встали курганы, и стали не как-нибудь зря, а стройным рядом, один красивее другого. Из-за кургана, наполовину скрытая пахотным черным бугром, торчит белая Ивановская церковь с пятью зелеными главами. Подле самой воды — типичная монастырская ограда с белыми башенками по углам... Далеко блеснула какая-то главка, опять подобие ограды, что-то белеет, а за всем этим густо зеленеет бор — все больше хвоя; через силуэты елей и сосен опять выглядывают вершины курганов. Везде что-то было, каждое место полно минувшего»...

Это описание сделано Н.К. Рерихом...

Разница описаний весьма существенна и определяется не столько различиями в художественной манере и стиле двух художников, сколько отношением к пейзажу.

Один — здесь вырос, здесь живет, другой — приехал в Старую Ладугу на этюды и смотрит на пейзаж как бы со стороны, отыскивая наиболее эффектный ракурс, наиболее впечатляющую панораму.

Для Максимова открывающийся ему пейзаж — его Родина, место, где проходило его детство.

Для Рериха в этом же пейзаже открываются истоки нашей истории...

Художник не столько разглядывает открывающуюся даль, сколько стремится проникнуть взглядом в минувшее. «Везде что-то было, каждое место полно минувшего»...

Рерих стремится увидеть и видит историю.

Максимов живет внутри этой истории, не сознавая, что это и есть история...

I. «Откуда... пошла русская земля»

Для нас, живущих в последние годы второго тысячелетия от Рождества Христова, историей стали и эти художники. И окна, прорезанные ими, каждым из своего времени, тоже уже принадлежат истории.

Поднимаешься по крутому переулку, к храму Рождества Иоанна Предтечи, что уже стряхнул со своих зеленых куполов десятилетия атеистического лихолетья, и вспоминаешь, что вот здесь, должно быть, делал Николай Константинович Рерих наброски к картине «Заморские гости», а по этому склону, наверное, катались на санках крестьянские мальчишки, среди которых был тогда и Василий Максимович Максимов...

А вот здесь, на самой вершине Малышевской горы, возле храма Иоанна Предтечи, стоял, как утверждает предание, святой Нестор-летописец, размышляя: «откуда есть пошла русская земля»...

И так же, как Нестор, смотришь на Волхов, и замирает сердце — такой былинной мощью веет от прибрежных курганов, от крутой речной излуки.

Дымкой далеких веков и легенд окутана даль, и не удивился бы, если бы возникли сейчас на стрежне варяжские ладьи.

Знобким холодком истории тянет от чарующей дали, но чуть отступаешь к церковной стене, и как-то теплее становится на сердце, рассеивается холодное очарование...

Высоко над головой возносятся бирюзовые купола собора.

В зависимости от цвета неба они становятся то темно-зелеными, то ослепительно синими...

1.

Дымкою далеких веков и легенд окутаны курганы Старой Ладоги.

Считается, что в глубокой древности на Малышевой горе было языческое капище. На нем молились Перуну и Макруше...

Сюда пришел в 862 году легендарный Рюрик.

Два года он правил Русью из Ладоги, а потом перенес свою резиденцию в «городок на Волхове», будущий Новгород.

Местная легенда утверждает, что здесь в одной из пещер под Волховом и похоронен этот родоначальник династии русских царей...

Другое предание заимствовано из летописи...

«Иде Олег к Новгороду и оттуда в Ладогу... и уклони его змея в ногу, и с того умре; есть могила его в Ладоге»...

В ладожском кургане, где Волхов делает крутой поворот, посреди широкого простора неба, воды и земли, и погребено тело вещего Олега — второго после Рюрика правителя Руси.

Всю Старую Ладогу видно с этого древнего кургана...

Вон и сама крепость, расположенная на мысу, при впадении в Волхов темноводной речки Ладожки. Как древние предания звучат названия ее башен...

Раскатная... Тайничная... Стрелочная... Воротная... Клементовская...

И, конечно же, с этих курганов дохристианской истории на высоком берегу Волхова открывается такая православная даль нашей истории, что захватывает дух.

Предание утверждает, что здесь проплыл апостол Андрей Первозванный...

А вот уже не предание, а самый настоящий факт — археологическая находка, сделанная на раскопках в Старой Ладоге профессором АН. Кирпичниковым. На одной стороне печати изображена Богоматерь с младенцем, а на другой — надпись о том, что печать принадлежит митрополиту Лаодикейскому Леону.

«Матери Божия, Богородица, помоги рабу твоему Леону, митрополиту Лаодикеи!» — звучит дошедший к нам через тысячелетие голос.

Печать митрополита относится к концу XI века, а уже в начале XII века в Старой Ладоге было построено шесть каменных храмов.

На северном краю города возвышалась Успенская церковь, на южном — Никольская. Рядом с крепостью стоял главный собор Ладоги, церковь святого Климента.

В 1164 году на Ладогу напали шведы, но ладожане отогнали врага в устье реки Воронеги и вместе с новгородцами разгромили шведов. В память об этой победе под защитой крепостных стен был поставлен храм во имя Георгия-Победоносца. Чудом сохранилась там фреска XII века, на которой Георгий Победоносец не пронзает копьём змия, а укрощает его силой молитвы.

2.

Считается, что именно в Георгиевской церкви, поставленной в память победы над шведами в 1164 году, и отслужил благоверный

князь Александр Невский в 1240 году молебен перед *своей* битвой со шведами...

И вот ведь дивно, столько великих побед одержано было святым князем, но главное дело, благодаря которому на много столетий вперед оказался определен путь Руси, как и на древней фреске, перед которой благословили его, совершенно молитвенным подвигом святого князя, а не его оружием.

*Старо-Ладожская крепость.
Храм Георгия Победоносца. Фото А. Пантелеева*

И, так получилось, но и первый в Старой Ладогe Иоанно-Предтечев монастырь был основан именно святым князем Александром Невским¹, когда возвращался он с Невской битвы.

По благословению Новгородского и Псковского архиепископа Климента в 1276 году был воздвигнут и храм Иоанна Предтечи.

Строился он на иждивение «рабов Божиих Ивана и Марьи».

Как чудесны эти предания!

Сколько сокровенного смысла русской истории скрыто в них!

Вдумайтесь, **кого** называют предания основателем монастыря...

¹ Некоторые исследователи связывают это предание с другим староладожским монастырем — Никольским, но это едва ли справедливо. Никольский монастырь — моложе Иоанно-Предтечевского.

Путаница же объясняется тем, что в восемнадцатом веке Иоанно-Предтечевский монастырь был уже упразднен, а храм Рождества Иоанна Предтечи приписан к Никольскому монастырю. Это и дало возможность приписать вместе с храмом и историю упраздненного монастыря монастырю действующему...

Святого князя Александра Невского, остановившего своим мечом крестовый поход на Русь, возведенный римским папой Григорием IX в том самом, страшном, 1237 году, когда обрушились на Русь орды хана Батыея...

Благоверного князя, на много столетий вперед определившего путь Руси, повенчав ее со степью...

Святого князя, который, и завершив земной путь, не оставил нас своим небесным заступничеством, и всегда являлся в години тяжелых испытаний.

Вспомним, что святые мощи Александра Невского были обреты как раз накануне Куликовской битвы... Тогда августовской ночью 1380 года в храме Богородицы во Владимире вдруг сами вспыхнули свечи, и когда в церковь вбежал испуганный пономарь, то увидел двух старцев, вышедших из алтаря. Они подошли к гробнице Александра Невского.

— Александре! — сказал один из старцев. — Восстани и спаси правнука твоего Димитрия.

И пораженный страхом и трепетом пономарь увидел, как открылась гробница и поднялся из гроба святой князь Александр Невский и скрылся со старцами.

На следующий день мощи святого князя были открыты и поставлены в раке посреди собора. Начались чудеса исцеления — от них. Главное же чудо произошло восьмого сентября на поле Куликовом.

Вот этого святого благоверного князя и называет предание основателем Иоанно-Предтеченского монастыря.

И вместе с ним — безвестных рабов Божиих Ивана и Марью.

В самом сочетании имен — название, может быть, самого распространенного в России цветка, что нежно и скромно распускается на наших лугах.

И это — прикрытые крепким щитом святого князя скромные синие и желтые огоньки Ивана-да-Марьи — не просто поэтическая метафора, это самая сокровенная правда, запечатленная в истории Святой Руси.

3.

Сознанию, исковерканному атеизмом советской школы и зараженному духом западного общества потребления, не всегда удастся различить в истории того или иного памятника истории и культуры, каковыми являются наши православные храмы, корневой смысл нашей истории...

Очевидно, этим и объясняется почти полное отсутствие сведений об истории Иоанно-Предтеченского монастыря в работах, посвященных Старой Ладогге.

Фактов тут, действительно, небогато.

Сведения о пяти веках истории монастыря обрывочны и невняты. Монастырь основан в тринадцатом веке...

В 1764 году упразднен...

В 1811 году восстановлен монастырский храм Иоанна Предтечи...

Вот, кажется, и все...

И можно ставить точку, как и делают авторы путеводителей.

Но если мы вспомним, что речь идет не просто об архитектурном сооружении, а о монастыре и храме, история которого не может быть отделена от истории русского православия, круг фактов, которые нам необходимо осмыслить, чрезвычайно расширяется...

Сокровенный, мистический смысл создания обители в честь Пророка, давшего самое распространенное русское имя, являющегося предыстоком христианства, очевиден.

На Малышевской горе в Старой Ладоге, в том месте, «откуда есть пошла русская земля», слилась предыстория христианства с языческой предысторией Святой Руси. И монастырь пророка Иоанна Предтечи, основанный здесь, был не просто монастырем, а мистическим знаком, обозначавшим это великое преображение.

Уместно вспомнить, что Православие на русском севере распространилось задолго до официального крещения Руси в 988 году.

Как пишет митрополит Макарий в своей фундаментальной «Истории Русской Церкви», иночество на Валааме возникло еще до крещения равноапостольной княгини Ольги. Тогда на острове трудились преподобные Сергей и Герман, которые и считаются основателями обители. В их монастыре принял постриг юноша Иверк, получивший в монашестве имя Авраамия. Потом, уже во времена святого князя Владимира, Авраамий удалился из Валаамской обители и «по усмотрению Божию пришел к граду Ростову», где поселился на озере Неро, основав Богоявленский монастырь, ставший центром духовного просвещения всей ростовской земли.

Житие преподобного Авраамия и является встречей христианства, вводимого равноапостольным князем Владимиром, с христианством, которое само по себе, независимо и задолго до равноапостольного князя, распространялось по Руси.

Ручеек, по которому текло это православие с Валаамских островов, — Волхов.

И, может быть, именно поэтому мощи основателей Валаамской обители преподобных Сергия и Германа длительное время, после разорения шведами Валаамского монастыря, находились в Старой Ладоге. До 1718 года, пока не восстановлена была их обитель на Валааме, обретались они в Иоанно-Предтечевском монастыре.

И совершенно не важно, насколько глубоко постигали мистическую суть своего деяния «рабы Божьи Иван и Марья», когда жертвовали свои сбережения на строительство Иоанновского храма. Открывающаяся в молитвенном сосредоточении Божия воля не может быть предметом психологического анализа. Не мысли и желания конкрет-

ных исторических лиц содержат в себе Божественное предопределение, а сам монастырь, поднявшийся благодаря их трудам на высоком берегу Волхова...

Об истории этого монастыря и истории возрождения храма рассказ впереди, а пока отметим, что сама скудость фактологического материала, невнятная скороговорка свидетельств и документов, относящихся непосредственно к монастырю, тоже исполнены высокого значения.

Какие бы яркие и значительные события не происходили здесь, они отступают на второй план перед тем событием, во имя которого и была основана обитель!

4.

«Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море; и все ели одну и ту же духовную пищу»...

Эти слова Апостола Павла имеют самое непосредственное отношение и к истории нашей Святой Руси.

«А это были образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы... Все это происходило с ними, как образы; а описано в наставление нам, достигшим последних веков»...

Сколько таких образов явлено в нашей истории?

Многие из них затуманены стараниями людей, стремившихся скрыть подлинный смысл событий в угоду политической конъюнктуры. Порою и сами мы, в силу человеческой слабости и личных пристрастий, боимся непредвзято посмотреть на эти события...

Многие полагают, будто гонение на Православие началось в 1917 году.

Это не совсем верно.

Инициированные царем Алексеем Михайловичем Соборы 1656 и 1657 годов, которые по сути дела объявили всех русских святых не вполне православными, вызвали раскол, в который, по оценкам некоторых историков, ушло три четверти великорусского населения.

Страшный вред русскому православию нанесли и реформы Петра I и главное, позорнейший указ от 17 мая 1722 года об отмене тайны исповеди.

Подобные удары, без сомнения, сокрушили бы любую другую конфессию, но Русская Православная Церковь и тут выстояла.

Униженная и оскорбленная, она сумела перенести и те страшные гонения, которые были обрушены на нее в правления Анны Иоанновны и Екатерины II.

И уже в девятнадцатом веке, дезавуировав решения Церковных Соборов 1656 и 1657 годов и приняв Единоверие, снова засияла она, как и в прежние века, дивными молитвенниками и святыми.

Серафим Саровский и Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник и Иоанн Кронштадтский... Оптиные старцы и целый сонм но-

вомучеников российских, которыми украсилась наша Церковь, когда в 1922 году, по примеру Петра I, решили большевики подчинить ее себе. Великие подвиги были совершены тогда Русской Православной Церковью в борьбе с мерзостью обновленчества, великие принесла она жертвы, и устояла и в этой, такой неравной борьбе...

Без этого экскурса в историю невозможно различить мистический смысл, что скрыт в скороговорке дат, относящихся непосредственно к Иоанно-Предтеченскому монастырю...

1500 год. К Ивановскому монастырю приписано четырнадцать деревень, всего семнадцать дворов. Между прочим, тогда впервые упоминается и Монастырь Николы Чудотворца в Ладогe.

1570 год. Во время карательного похода Ивана Грозного население Старой ЛадогИ, по преданию, пряталось в пещерах Малышевой горы под Иоанновским монастырем.

1604 год. Царем Борисом Годуновым присланы в Иоанновский монастырь колокола и даны льготы на рыбную ловлю и беспопшлинный проезд в Москву.

1628 год. Рядом с Предтеченским храмом воздвигнута Вознесенская церковь, где находилась особо чтимая икона Вознесения Господня. Строятся новые кельи, возводится монастырская стена. А вот Никольский монастырь стал отстраиваться не сразу. «Монастырь Николы Чудотворца в Ладогe на посаде, — сказано в записи 1628

года, — от немецких людей стоит разорен до основания».

1685-1687 годы. Упадок монастыря. Здания, давно не ремонтированные, быстро ветшают. Из насельников остается всего трое монахов. Монастырь приписывается к Зеленецкому монастырю.

1695 год. Игумен Зеленецкого монастыря Лаврентий строит на Малышевой горе каменный храм Рождества Иоанна Предтечи на старом фундаменте. Храм значительно расширен за счет придела святой мученицы Параскевы. Ветхий Вознесенский храм разобран.

1699 год. Монастырь приписан к Новгородскому архиерейскому дому.

1704 год. Правление Петра I. Перевод здоровых монахов из Иоанновского монастыря в Новую Ла-

Храм Рождества Иоанна Предтечи. Фото Е. Лозновской

догу и вселение на их место немощных монахов из упраздненного Николо-Медвецкого монастыря.

Тут надо сказать, что в петровскую эпоху первая столица Руси Старая Ладога едва не приобрела статус тюремного города. С 1718 по 1725 годы в Успенском монастыре здесь была заточена Евдокия Лопухина, первая жена Петра I.

В былинном пейзаже зазвучала тогда дергающаяся по петровскому артикулу речь:

«Приехав в Ладогу, пребывающую в состоящем девичьем монастыре, бывшую царицу у присланного при ней из Москвы от гвардии офицера принять и во всем ее содержании поступать не оплошно, — гласила инструкция, данная капитану Семену Маслову. — Ради караулу при ней и около всего монастыря, употреблять данных шлюсбургского гарнизона капрала, и преображенских солдат, которые оттуда дадутся, а именно двенадцать человек.

1. Потребные ей припасы, без которых пребыть невозможно, без излишества, брать от ладожского ландрата Подчерткова, о чем к нему указ послан.

2. В монастырь не токмо мужеска, ни женска пола, никакого состояния и чина людей, також из монастыря, как ее бывшую царицу, так и прочих пребывающих в том монастыре монахинь и определенных для отправления Божией службы священников отнюдь не впускать.

3. Иметь доброе око, чтобы каким потаенным образом ей царице и сущим в монастыре монахиням, так же и она к монахиням никаких, ни к кому, ни о чем писем отнюдь не имели, чего опасаясь под потеряннем живота, смотреть неусыпно и для лучшей в той осторожности велеть днем и ночью вокруг всего монастыря солдатам, скольким человекам возможно, ходить непрестанно, и того, чтобы кто тайне не учинил, смотреть накрепко».

Лающая, переиначенная на чужеземный лад речь заполнила молитвенную тишину келий...

Ну, а в 1764 году, во времена правления второй нашей великой императрицы — Екатерины II, Староладожский Иоанновский монастырь, основанный святым благоверным князем Александром Невским, был вообще упразднен.

При церкви остались лишь самые немощные монахи. По описи в монастыре было тогда четыре кельи, погреб, поварня, амбар. На церкви — пять колоколов.

В 1811 году упраздненный монастырь открыли вновь и приписали к Никольскому монастырю...

Список событий истории Иоанновского монастыря можно было бы расширить событиями частного значения.

Так, например, в 1823 году купол храма разбил молнией...

В 1829 году из-за оползня усиливали фундамент, а заодно подрастили колокольню...

Но все эти события, перечисление которых можно вести довольно долго, не оказывают никакого влияния на общий рисунок судьбы монастыря.

*И выходят из обители,
Ризы древние отдав,
Чудотворцы и святители,
Опираясь на клюки.
Серафим — в леса Саровские
Стадо сельское пасты.
Анна — в Кашин, уж не княжити,
Лен колючий теребить.
Провожает Богородица,
Сына кутает в платок
Старой нищенкой оброненный
У Господнего крыльца.*

Только через полтора столетия после упразднения Иоанно-Предтеченского монастыря будут написаны Анной Ахматовой эти стихи.

Но так, как в страшном 1922 году, было всегда во времена гонений на Православие. В сокровенную глубину народной души прятались наши святыни, чтобы в дивном сиянии и славе вернуться к нам, когда мы будем готовы к этому.

5.

В Божием мире, в Истории, которая дана нам, как образы, «чтобы мы не были похотливы на злое», не существует ничего случайного.

И неважно, о какой истории тут идет речь.

О той, где генералиссимус Суворов и императрица Екатерина Великая, или о той, где подрастает в крестьянской семье оставшийся без отца мальчик...

История одна.

И вся она — только образы, данные в поучение нам.

«Крепко осталось в памяти впечатление наших сборов к заутрене. Отец и мать были очень набожные люди, жили между собой душа в душу. Отец был невысокого роста, светло-русые, кудрявые волосы, большие серые глаза, лицо доброе, голос ясный, ласковый, речь неторопливая. Как сейчас вижу матушку, охорашивающую его: она завязывает ему кушак, обдергивает сзади сборки синего решетского сукна армяка, мажет ему и мне голову деревянным маслом и отпускает, перекрестясь.

До нашей приходской церкви от дома около 3/4 версты. К концу заутрени я начинал дремать, отец брал меня на руки и относил в теплую избушку своего приятеля пономаря, нашего дальнего родственника, где я в ожидании обедни крепко спал. Нередко слышал я отца, читающим «часы» и «апостол».

В своих замечательных воспоминаниях, к сожалению, так и оставшихся на журнальных страницах², В.М. Максимов рассказывает и о храме Рождества Иоанна Предтечи, и о Никольском монастыре, к которому храм был приписан, и в стенах которого вырос художник.

И разве только о своем отце пишет В.М. Максимов, вспоминая о соборах к заутрене в Иоанно-Предтечевом храме?

Лицо доброе...

Голос ясный, ласковый...

Речь неторопливая...

Так это же и есть портрет православного русского человека, черты которого открылись мальчику в лице отца!

«Из раннего детства ни одно событие не осталось так ярко в памяти, как болезнь и смерть моего отца. Лето 1850 года было жаркое. Крестьяне не успели кончить сенокос, как поспела рожь, мои старшие братья Алексей и Федор уходили в дальние пожни, а матушка жала в поле. Я, шестилетний ребенок, оставался дома с больным отцом, не отлучаясь ни на минуту, пока не возвращалась матушка... Больной лежал на полу... На лавке над изголовьем стояла глиняная чашка с водой, покрытая накрест лучинками, за ней — небольшой образ Спасителя. Дизентерия изнурила отца, он уже много дней находился при смерти, хотя в памяти. Изредка соберется с силами, едва слышно подзовет меня к себе, слабой рукой погладит по голове, а сам морщится, словно плакать хочет».

Перед смертью отец благословил сына иконой.

Учился мальчик в школе при Никольском монастыре.

Здесь и начал рисовать.

Отсюда отправился в Петербург, вначале работал в иконописных мастерских, потом учился в Академии художеств, потом вернулся на родину в Старую Ладугу. Большинство его картин создано тут, и героями их стали здешние крестьяне.

Завершая рассказ о В.М. Максимове, хочется процитировать еще один отрывок из его воспоминаний, относящихся к учебе в иконописной мастерской.

«Однажды пришли в мастерскую хорошо одетые средних лет муж и жена заказать семейный образ св. Гурия, Семииона и Аввива. Первый угодник почитается хранителем супружеской чистоты, вто-

² «Голос минувшего», 1913 г., № 4; 1914 г., № 6

рой — помогает от хмельного буйства, третий — от безумной расточительности и сварливости жен.

Конон (хозяин мастерской — Н.К.) пригласил их в свою комнату, договорился с ними в цене и сроке, на вопрос заказчиков, кто будет писать образ, указал на меня, причем похвалил мое поведение до такого преувеличения, что образ, написанный мной, может творить чудеса. Заказчики, проходя мимо меня, остановились и с каким-то непонятным мне благоговением обратились с просьбой не пожалеть усердия, написать им образ, а они станут молиться о здравии мастера Василия и поблагодарят за работу, как следует.

Когда Конон рассказал о выгодном заказе и о способе, употребленном для более высокой цены, — меня зло взяло за кощунственное одурачивание моей мнимой святостью этих верующих людей. Но его трудно было привести в сознание, когда десятирублевый задаток был у него в кармане.

Заказчики всегда порознь заходили в мастерскую смотреть на работу.

Усядется около меня увесистый купчина — сопит тут, глядя на работу, не в силах сообразить с чего я списываю и как это выходит зеленый цвет из двух красок. «Премудрость, — со вздохом и благоговением скажет, а иногда: — Дарование свыше дано. А что, любезный мастер, ты по средам и пятницам скоромного не употребляешь?» На отрицательный ответ купчина истово крестится, сует в руку полтинник и уходит.

Когда приходила купчиха, она, раздеваясь, входила в хозяйскую комнату, поболтает там о чем-то с хозяйкой, а затем подсаживаясь ко мне с вопросом: «Который из трех угодников унимает мужей пьянства и буйства?» Я указал на среднего — Самиона. «Так вот этого среднего, Христом Богом прошу, напиши построже, чтобы Его, угодника Божия, муж мой боялся. А того угодника, который для усмирения жен, нельзя ли сделать подобнее, поласковее?»

«Нет, — говорю, — он тоже строг будет у меня».

Купчиха смекнула в чем дело, достала из кошелька рублевку, сунула мне в жилетный карман и прошептала на ухо: «После еще подарю, мужу не сказывай».

«Не знаю, — говорю, как мне быть, но для вас постараюсь».

Образ написан. Конон сам понес к заказчикам. Какую чепуху от там городил — не знаю, а мне он принес рублевку, посланную благодарным купчиной в благодарность за исполнение».

Василий Максимович вспоминал эту историю в компании невесты и своих товарищей по Академии художеств, и отчасти адаптировал ее к модному в молодежной среде нигилистическому ерничанию. Но хотя и рассказано все в подчеркнуто ироничных тонах, доброе лицо, ясный ласковый голос русского православия, которые открылись Василию Максимовичу еще в детские годы, и который он сохранял и

в иконописной мастерской В.М. Пошехонова, и в стенах Академии художеств, проступают вполне отчетливо.

Удивительная теплота православия присуща всем воспоминаниям Максимова, и в этом, очевидно, и нужно искать ответ на вопрос, почему воспоминания «кремня передвижничества, несокрушимого камня его основания» — так называл Василия Максимовича И.Е. Репин — ни разу не выпускались отдельным изданием...

Кремень кремнем, но кто же решился бы в советские годы так писать о православии?

6.

Настоятель Никольского монастыря иеромонах Антоний, о котором с такой теплотой пишет в своих воспоминаниях В.М. Максимов, был человеком весьма образованным и до того, как ушел в монастырь после смерти своей молодой жены, активно занимался литературной деятельностью — писал исторические повести. Он был знаком с Н.В. Гоголем и А.С. Пушкиным.

Не чуждался занятий литературой и другой насельник Никольского монастыря, в прошлом — статс-секретарь Государственного совета, действительный тайный советник, автор многочисленных рассказов, повестей, стихов и статей, публиковавшихся в петербургских журналах, Александр Павлович Башуцкий.

Народ тогда приезжал в монастырь разный.

Ездили из Санкт-Петербурга в Старую Ладугу писатели и художники.

Бывали здесь и святые.

Сохранилось письмо святителя Игнатия (Брянчанинова), в котором он упоминает о своей жизни в Никольском монастыре³.

«При личном свидании нашем, Вы мне сказали, что многие упрекают Вас за милосердие Ваше к ближним, находят его излишним, чрезмерным. Вы желали слышать мое мнение об этом предмете... — пишет Святитель. — В то время душа моя была омрачена пагубным развлечением; сердце огрубело в ожесточении и нечувствии неизбежных свойств сердца, при отсутствии покаяния. От покаяния рождается умиление; умиление освещает клеть духовную, внося в нее свет духовный от Света Христа. Не было этого света в душе моей, — нет его и теперь. Уединение дает, по крайней мере, возможность вспомнить о его существовании. Одно воспоминание о Свете уже просвещает!.. Хочу исполнить теперь мое обещание! А тогда зачем было

³ Собрание писем Святителя Игнатия (Брянчанинова) епископа Кавказского и Черноморского, Москва-СПб, Издание Центра изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского, 1995, Письмо № 106 «К некоему настоятелю о милосердии», стр. 178-186.

двигать бесплодно устами и языком из одних соображений ума? — в душе не было ответа»...

Вот такое признание.

Признание святого, просиявшего в Русской Православной Церкви в девятнадцатом столетии.

«Кажусь я людям милосердным, но с точностию проверив себя, исследовав себя, нахожу в себе одну глупую личину милосердия. Милосердствует во мне тщеславие, милосердствует во мне пристрастие, милосердствует во мне корысть, милосердствует во мне плоть, милосердствует во мне кровь, но чтоб подвигла меня к милосердию заповедь Христова, чистая, святая, — этого я не нахожу в себе. Когда же я, мрачный грешник, опомнюсь на короткое мгновение и пожелаю быть милосердным сообразно заповеди Христовой: то вижу, что должен учинить сердцу моему ужасное насилие»...

Помимо высочайшей святительской учительности, письмо это чрезвычайно интересно и для понимания истории Русской Православной Церкви девятнадцатого века.

Путь святителя Игнатия (Брянчанинова) в монашество достаточно необычен.

Он происходил из дворян, получил прекрасное домашнее образование, учился в главном инженерном училище в Санкт-Петербурге, где обратил на себя внимание великого князя Николая Павловича.

Перед будущим святителем открывалась блистательная карьера, и он бы непременно совершил ее, если бы еще в детстве не решил уйти в монастырь. В восемнадцать лет будущий святитель завершил курс и был выпущен из училища в звании инженер-прапорщика. Тогда же он объявил родителям, что уходит в монастырь.

От этого шага тогда его удержал сам Государь.

Но прошло еще несколько лет, и военный инженер Брянчанинов осуществил свое намерение.

В 1831 году он принял монашеский постриг с именем Игнатия.

Однако суета мира, от которой стремился укрыться он за стенами монастыря, и здесь не оставила иеромонаха Игнатия. По указанию Государя вскоре он был переведен игуменом Сергиевой пустыни под Петербургом и возведен в сан архимандрита.

Из писем святителя видно, как угнетала его необходимость участвовать в дворцовой жизни. Он стремился уйти от внешнего православия, от личины православия к православию внутреннему, подлинному. И, как мы знаем, свой индивидуальный путь он прошел, не смотря на все соблазны и препятствия.

Помимо внешних препятствий на этом пути приходилось преодолевать ему и препятствия внутренние, образованные самой системой

заложенного в нем воспитания. Какую гигантскую духовную работу пришлось проделать для этого, тоже видно из писем святителя.

Путь святителя Игнатия (Брянчанинова) — это путь возвращения в Святую Русь...

Не особенно-то рискуя ошибиться, можно предположить, что об этом пути и думал святитель, когда жил в Никольском монастыре, когда смотрел на былинные курганы, вставшие на берегу Волхова, когда осенял себя крестным знамением, глядя на увенчанные крестами бирюзовые маковки храма Рождества Иоанна Предтечи...

7.

А возле храма Иоанна Предтечи обретался в те годы (середина XIX века) блаженный Александр Лосев.

Как и положено блаженным, жил он не похожей ни на чью другую жизнью, и вся эта жизнь запечатлена на его надгробье у входа в храм Рождества Иоанна Предтечи:

«На месте сем погребено тело раба Божия Александра Васильевича Лосева.

Он был родом из ростовских мещан, в молодые лета поступил в здешний Никольский монастырь, где неутомимо и молчаливо исполнял самые трудные послушания.

Потом стал юродствовать ради Христа, несколько лет содержался в доме умалишенных и по освобождении начал ходить в Ладоге и окрестностях ея в странном виде, пользуя многих потаенно. Такая жизнь продолжалась более 20 лет, и увенчалась страдальческой кончиной.

В первых числах декабря 1847 года он потонул в Волхове, а в мае месяце 1848 года тело его приплыло к Новой Ладоге почти невредимое, к прославлению Богом своего долготерпимого раба.

Здесь предано оно земле 17 мая 1848 года строителем иеромонахом Аполлосом с братиею в присутствии игуменьи Успенского монастыря с сестрами и при многочисленном собрании почитателей покойного».

Говоря попросту, однажды в декабре, шел блаженный Александр через Волхов в Никольский монастырь, забрел в промоину и потонул.

А тело блаженного Александра обнаружили в Новой Ладоге возле церкви уже в мае, после ледохода. Лежал он, как будто и не провел полгода в бурной реке.

Как будто только что заснул...

Такая вот судьба...

Нынешняя прихожанка церкви Рождества Иоанна Предтечи, раба Божия Светлана Дубровская написала стихотворение про это:

*Заметает над церковью белой,
Ствол березы до звона продрог,
И дрожа головою и телом,
Шел блаженный, не видя дорог.
Русский именем, русский обличьем
И обычною русской судьбой,
С обретенною волюшкой птичьей
От незнания судей над собой...
Шел и плакал блаженный ребенок,
Позабывший и дом и семью...
Слишком лед по-декабрьскому тонок —
Караулит добычу свою.
Всхлипнет колокол. Птица проснется,
Поерошится серым горбом...
И навеки пучина сомкнется
Над юродивым Божьим Рабом.*

Такие вот стихи...

Русский именем, русский обличьем и обычною русской судьбой... — это хорошо сказано. И дальше — про волюшку птичью, про беду, которая проистекает от незнания судей над собою...

8.

Святитель и блаженный...

Нет-нет! И в мыслях у меня нет, чтобы попытаться свести юродивого Александра и святителя Игнатия (Брянчанинова).

Хотя, что и говорить — заманчиво!

Тут ведь целый рассказ написать можно.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) сидит, понимаешь ли, в келье в Никольском монастыре и пишет письмо... Любое из его писем бери — любой рассказ украсит...

А в это самое время сквозь метель бредет блаженный Александр.

И ничего-то не понимает он, ничего не может рассказать, только одно и знает, что необходимо в монастырь попасть, увидеть кого-то, услышать что-то...

И тут мысли блаженного...

Вернее не мысли, а прозрения...

И хотя и обрывки только, но как раз такие, которые точно к письму святителя Игнатия (Брянчанинова) подходят, которые в письме святителя — подлинном, конечно! — появятся страницей позже.

Это, как всегда у святых на Руси было.

Сидит преподобный Сергей Радонежский за трапезой и вдруг встает из-за стола и, сотворив молитву, кланяется и говорит: «Радуйся и ты, пастырь стада Христова, и мир Божий да пребывает с то-

бою». А когда изумленная братия начнет расспрашивать, в чем дело, объяснит, дескать, в десяти верстах по дороге проезжал епископ Стефан Великопермский, и, сотворив молитву, поклонился в сторону их монастыря и сказал: «Мир тебе, духовный брате!»...

Только здесь в рассказе еще круче можно завернуть.

В келье сидит человек, вобравший в себе всю культуру дворянской России с ее горными вершинами и пропастями порока. Святой, который идет к постижению святости, расчищая на своем пути завалы вольнодумства и гордыни.

А там, на льду Волхова, среди холодного воя метели, другой человек, представитель другой России, забитой полутора веками беспросветного рабства, униженной, затоптанной, но сохраняющей Православие, как единственное богатство свое, теряющей от неграмотности своей свет православия и мычащей в дикой тоске от этой потери...

*О, если бы встретились эти две России!
Но чернеет разверстая полынья на Волхове.
Крутится, свивается кольцами серая вьюга...
Увы...*

Не было на то Божией воли, чтобы встретиться двум половинкам одной бесконечно любимой нами России...

«Сматривал я на Волхов из окон Староладожского Николаевского монастыря, на угрюмый, на вечно беспокойный Волхов... — писал святитель Игнатий (Брянчанинов). — Глядит угрюмо из берегов своих — этот властный эшафот и вместе могила многих тысяч новгородцев, беспокойных, суровых, буйных, как их Волхов»...

Множество раз заново перечитывал это письмо и так и не сумел отыскать объяснения неприязни святителя к Волхову...

Странные слова...

Необъяснимые...

Тревожные...

Так говорят, когда что-то произошло, что уже не возможно поправить...

II. Детский приход

У игумена Евстафия, в бытность его настоятелем храма Иоанна Предтечи в Старой Ладоге, был составлен синодик игуменов и строителей староладожских монастырей:

Игумен Даниил...

Отец Дионисий...

Строитель Варсонофий...

Игумен Иона...
Отец Пимен...
Строитель Евстафий...
Отец Герасим...
Отец Феодорит...
Отец Иосиф...
Отец Антоний...
Игумен Лаврентий...
Строитель Ефрем...
Отец Феодосий...
Раб Божий Иосиф Соколов...
Отец Михаил...
Игумен Пимен...
Священник Гавриил...
Иеромонах Ювеналий...
Строитель отец Моисей...
Иеромонах Феофан (Галанин)...

Еще один синодик отца Евстафия — синодик расстрелянных большевиками волховских священнослужителей...

Священник Петр Семенович Азиатский из деревни Томилино...
Священник Павел Яковлевич Антоновский из деревни Заречье...
Священник Григорий Ефимович Беляев из деревни Вольково...
Священник Вениамин Михайлович Воробьев из деревни Черनावино...
Священник Сергей Александрович Воробьев из деревни Креница...
Священник Степан Ильич Ильин из деревни Хотово...
Священник Василий Михайлович Исаков из деревни Морозово...
Священник Михаил Кириллович Кузнецов из деревни Прусын-
ская гора...

Священник Николай Александрович Лавров из Новой Ладоги...
Священник Павел Александрович Листов из деревни Черневщина...
Священник Порфирий Егорович Деревнин из деревни Верховина...
Священник Федор Михайлович Кочанов из деревни Пороги...
Председатель церковной двадцатки Тимофей Николаевич Артемьев из деревни Виндин Остров...

Сторож церкви Иван Петрович Емельянов из села Октябрьское...

Этот скорбный список — увы! — не полон.

В нем только расстрелянные в 1937 году. Имена десятков других волховских священников, сгинувших в тюрьмах, погибших на пересылках, замученных безбожной властью, еще предстоит установить.

И все это тоже Строители.

Строители того великого нерукотворного храма, которым и является Русская Православная Церковь... Их молитвами, их подвигами, их мученичеством, по-прежнему, вопреки всем сатанинским силам, распахнуты для нас, для нашего спасения ее двери...

1.

В 1922 году в Старой Ладогe, как и по всей России, появились священники-обновленцы, с помощью которых вожди большевиков стремились превратить — знаменательно, что делалось это к двухсотлетию юбилею Петровского указа об отмене тайны исповеди! — Русскую Православную Церковь в отдел ГПУ.

В неравной борьбе с обновленцами, поддерживаемых всей мощью карательных органов советской власти, Русская Православная Церковь выстояла. План превращения нашей Церкви в пособницу безбожной, по Петровскому образцу, власти не удался. А в ином качестве ни Ленину, ни Троцкому Русская Церковь была не нужна.

Начинается физическое уничтожение ее.

Никольский монастырь был закрыт еще в годы гражданской войны, а в 1925 году туда переселили монахинь гражданского Успенского женского монастыря, которые жили там до 1927 года.

Тогда, 3 августа 1927 года, в старо-ладожской церкви Успения Богородицы, принадлежавшей Успенскому монастырю, произошло событие, исполненное таинственного мистического значения. Из-под густой масляной живописи с изображением святого князя Александра Невского открылась изначальная древняя фреска — «поясная фигура воина мученика с небольшой бородкой по овалу лица в золотом плаще поверх синего хитона».

Сам же святой князь Александр Невский, который и в земной жизни своим мечом защищал пределы России от крестоносцев, и на небесах остался нашим небесным заступником, покинул поруганный храм.

Ну, а Никольский монастырь сразу после выселения из него монахинь был передан местной МТС.

Под зажигательные, сочиненные то ли Демьяном Бедным, то ли наркомом Луначарским частушки:

*Религия —
дурман для народа!
Не желей, ребята,
Поповского сада и огорода!*

сбрасывались колокола, сжигались святые иконы, расстреливались священники.

Механизаторы приспособили Никольский собор, воздвигнутый в XII веке на месте княжеского двора, под кузнечный цех.

В церкви Иоанна Златоуста разместился склад запчастей.

В кельях поселились сами работники МТС.

И зауhal кузнечный молот, завизжали пилы в Никольском соборе...

Как из преисподней потянуло из храма едким запахом дыма и солянки.

Пятна солидола и копоты затыгивали там лики святых...

Было это во времена Сергея Мироновича Кирова, который сумел-таки добиться, чтобы Ленинградская область первой в СССР завершала весенние посевные работы... Старо-ладожские механизаторы тоже трудились ударными темпами, чтобы успеть подготовить технику к посевам по снегу и льду.

Между прочим, попытались очистить от святых и стены храма Иоанна Златоуста, превращенного в склад запчастей.

Но соскабливать лики со стен было лень, а когда решили стены закрасить, оказалось, что исчезла куда-то выделенная краска, и так и остался некрашеным склад запчастей, так и спаслась бесценная роспись храма...

Ну, а на Малышевой горе, на месте «откуда есть пошла русская земля», где основан был храм, знаменующий превращение языческой страны в Святую Русь, тоже разрасталась духовная пустыня.

Во что только не превращали храм Рождества Иоанна Предтечи.

В мастерские...

В склад...

В спортзал...

В танцплощадку...

В овощехранилище...

Наконец, превратили его в отхожее место...

2.

Любопытно, что все это происходило параллельно с развитием в Старой Ладогe музея-заповедника...

Надо сказать тут, что первые археологические раскопки древнего городища начались еще в конце XIX века. Археологами были обнаружены средиземноморские бусы и балтийский янтарь, арабские монеты и скандинавские застёжки и булавки, стеклянные изделия Кавказа и Средней Азии и славянские головные украшения и височные кольца. Эти находки подтвердили, что Старая Ладога, как поселение на варяжском торговом пути возле сложных порогов на Волхове и возникла не позднее 753 года.

Тогда, в 1896 году, увидел свет и первый капитальный труд о первой столице Руси — книга Николая Бранденбурга «Старая Ладога».

Тогда же планировалось открыть в Старой Ладогe музей, но планам этим помешала революция, и первые музейные экспозиции открылись в Ладожской крепости только 15 июля 1971 года.

А в 1984 году краеведческий музей получил статус историко—архитектурного и археологического музея—заповедника федерального значения, и в его ведение отошло 160 гектар территории, на которой сохранилось более 150 памятников истории и архитектуры VIII — XIX веков.

Сейчас часто говорят, как много сделано администрацией музея-заповедника для сбережения памятников истории и архитектуры...

Отрицать заслуги учреждения, уже несколько десятилетий находящегося на государственном финансировании, бессмысленно, но и превозносить их тоже, как показывает практика последнего времени, никаких оснований нет.

Администрации музея-заповедника так и не удалось при советской власти выселить «Сельхозтехнику» из Никольского монастыря. Зато, когда в результате бесконечных реформ, «Сельхозтехника» в Старой Ладоге благополучно развалилась, музей-заповедник сразу вступил в затяжную борьбу с Русской Православной Церковью за правовладение Никольским монастырем.

Стремление музейщиков во что бы то ни стало помешать Русской Православной Церкви вернуть святыни, по праву принадлежащие ей, — явление на старо-ладожское, а общероссийское, и объясняется той ролью хранительницы духовности, которую столь малоуспешно пыталась играть советская культура все атеистические десятилетия и которую с какой-то сатанинской горделивостью и упорством пытается играть и сейчас.

Тенденция эта нуждается в обстоятельном анализе и бесспорно заслуживает отдельного разговора, мы же, сужая проблему до рамок нашего повествования, вынуждены констатировать лишь печальные последствия, к которым приводит подобное противостояние музейщиков Русской Православной Церкви.

Так получилось, что когда администрация музея-заповедника вступила на тропу войны с Церковью, из Старой Ладogi — давно уже сократилось государственное финансирование — ушли реставраторы, и бесхозный монастырь атаковали оставшиеся без заработка жители Старой Ладogi. Всё, что хоть отдалённо смахивало на металл, было растащено, оконные переплёты и двери выломаны, с многих зданий оказалась содрана кровля...

3.

И вот так получилось, что возрождение церковной жизни в Старой Ладогe началось с церкви Иоанна Предтечи на Малышевой горе.

В 1991 году Старо-ладожский музей передал его Русской Православной Церкви. Здание храма Иоанна Предтечи было той жертвой, на которую согласились пойти музейщики в борьбе за Никольский монастырь.

Забегая вперед, скажем, что к 1993 году, когда вышел указ Б.Н. Ельцина о возвращении Русской Православной Церкви церковных зданий, музей готов был вернуть и руины Никольского монастыря.

Тем ни менее все случается так, как и должно случиться, и опять-таки некий знак видится в том, что возрождение православия в Старой Ладогe начинается именно с Храма Иоанна Предтечи.

Еще в прежние по-советски благополучные, доельциновские времена, силами Старо-ладожского музея-заповедника к 1990 году были восстановлены купола храма, сделана добротная крыша, исправлена покосившаяся после удара молнии колокольня, заделаны самые большие проломы в стенах. Храм побелили, и он издалека производил вполне благополучное впечатление.

Однако когда прихожане открыли тяжелую дверь возвращенного Церкви здания — не в храм она вела, а в сырую мерзость запустения.

— Здесь были только голые стены... — вспоминают они сейчас. — Еще скользкая грязь на полу. Окна выбиты.

Женщины взялись за работу.

Тамара Кудерская, Екатерина Бойцова, Роза Суровешина, Александра Антонова, Рая Ивкина, Нина Меньшикова все лето выносили мусор под гору, заделывали окна досками, цементировали трещины...

На покупку материалов собирали деньги у местных жителей.

Этих денег не хватало, и Тамара Кудерская специально завела корову и коз, чтобы вырученные от продажи молока деньги отдавать храму.

Возрождение храмов всегда чудо.

Тем более — возрождение Иоанно-Предтеченского храма в Старой Ладоге.

Россия уже вступила тогда в нелегкие времена.

Трудно было везде, но в Старой Ладоге нищета населения приобрела ужасающие размеры. Раньше часть жителей Старой Ладogi работала в музее-заповеднике, часть в «Сельхозтехнике». Особенно не жировали, но жить было можно. Теперь же, когда «Сельхозтехника» распущена, а финансирование музея-заповедника приближается к нулю, трудно стало даже прокормиться.

И вот, вопреки всем этим событиям, храм Иоанна Предтечи возрождался.

В 1991 году в Старой Ладогe была зарегистрирована церковная община — 70 человек. Ее председателем стала Роза Суровешина. Настоятелем церкви временно был назначен священник Андрей Яхимец. Однако занятость его своим приходом в Новой Ладогe и самом Волхове не позволила ему вплотную занять храмом Рождества Иоанна Предтечи, и здесь объявился некий отец Алексей из катакомбной церкви, рукоположенный — по слухам! — где-то в Америке.

Но и он не прижился в Старой Ладогe.

Настоящее возрождение храма связано с назначением сюда после Пасхи 1993 года священника Михаила Жакова, принявшего позднее, в монашестве, имя Евстафия.

Первый год, как вспоминает отец Евстафий, проходил трудно, но в 9 июня 1994 года, на память святого Нила Столобенского, по молитвенному предстательству преподобного, случилось чудо.

Явился некий, не назвавший себя человек, передал отцу Евстафию миллион рублей и сказал:

— Ты поп? Вот и молись за меня...

И хотя и до этого было немало жертвователей, среди которых можно упомянуть А. Доспехова, Г. Михайлова, М. Чумакова, В. Френкеля, Л. Шуваева — молитва о жертвователях постоянно творится в храме — но настоящее восстановление храма началось именно с мая 1994 года.

Скоро было отремонтировано все здание.

Обустроили и освятили предел Параскевы Пятницы, где уже с 1993 года велась служба. Привели в порядок трапезную и занялись внутренним ремонтом основного храма.

4.

Когдаходишь сюда, первое ощущение — удивления. Почти все иконы, все фрески здесь созданы заново!

Семь веков занимает история храма.

Семь лет — история его возрождения.

Совпадение цифр, разумеется, случайное. Но не случайно то, что возродился храм именно в том значении, которое, как мы полагаем, и придавали ему основатели семь веков назад.

И сейчас это открывается каждому, кто входит в храм.

С икон и бесчисленных фресок смотрят на нас святой князь Александр Невский и священномученик Вениамин, митрополит Петроградский, который в 1922 году, подобно святому князю Александру Невскому, бесстрашно выступил против врагов православия, отлучив от Церкви поставленных ГПУ обновленческих вождей.

— Братие! — отправляясь на Невскую битву, говорил святой князь. — Не в силах Бог, но в правде!

— Трудно, тяжело страдать... — ожидая расстрела, писал священномученик митрополит Вениамин. — Но по мере наших страданий, избыточествует и утешение от Бога. Трудно переступить этот Рубикон, границу, и всецело предаться воле Божией. Когда это совершится, тогда человек избыточествует утешением...

Рядом с ними — великий русский святой Александр Свирский, сподобившийся еще при земной жизни лицезреть Святую Троицу...

Однажды, когда преподобный был уже игуменом основанного им монастыря, к нему пришел монастырский эконо и сказал, дескать, кончаются дрова, и надо бы послать в лес какого-нибудь праздного монаха или послушника, чтобы нарубить их.

— Я празден... — ответил преподобный.

Взял топор и отправился в лес.

А вот наша великая заступница за всех сырых и обездоленных — блаженная Ксения Петербургская...

А вот преподобные Никифор и Геннадий Важеозерские и Сергей и Герман Валаамские...

Вот столпы русского православия Иосиф Волоцкий и Нил Сорский...

С портретов в трапезной глядят на прихожан патриархи Всея Руси и Санкт-Петербургские митрополиты...

Величественный, дивный Собор.

Одни из собравшихся здесь святых и святителей и в своей земной жизни бывали в Старой Ладоге, в храме Иоанна Предтечи.

Другие, проплывая по Волхову, осеняли себя крестным знаменем, вглядываясь в возникающие за речной излучкой кресты на бирюзовых маковках Иоанно-Предтеченского храма на Малышевой горе, устанавливали ту духовную связь, которая столетия спустя, трудами современных художников и скульпторов (упомянем здесь Андрея Коробкова и Сергея Алипова, Светлану Иванову и Елизавету Лозновскую, Александра Бартова и Илью Пивника) и, конечно же, прежде всего молитвами самого настоятеля храма, иеромонаха Евстафия, материализовалась во фресках, иконах и скульптурах, украшающих церковь.

Нет, не случайно собрались святые на свой дивный Собор в возрожденном храме Иоанна Предтечи.

Невозможно теперь и представить себе эту церковь без них.

5.

Запомнилось мне, как лет восемь назад, 7 июля, приехали мы в Старую Ладугу на храмовый праздник — рождества Иоанна Предтечи.

В этот день Русская Православная Церковь празднует еще и память святого Антония Дымского, который начинал свой монашеский путь тоже на Волхове, только в верховьях его, в монастыре Варлаама Хутынского, а потом в поисках уединения перебрался на берег овального, похожего на пасхальное яйцо Дымского озера.

На это озеро, где, как утверждает предание, исполняются молитвы, и лежал наш путь из храма пророка Иоанна Предтечи...

Но после литургии отец Евстафий пригласил всех паломником на трапезу и только потом двинулись мы дальше...

Автобус был полупустой, и с нами отправились и бывшие в храме староладожцы.

В основном это были дети...

Уезжая, все торопились — боялись опоздать на водосвятный молебен на озере.

Предание утверждает, что преподобный Антоний Дымский отыскал в озере камень, возвышающийся на несколько вершков над водой, и ежедневно, стоя посреди воды, молился здесь.

Никакой внешней связи между молитвенным стоянием посреди Дымского озера преподобного Антония и явлением над водами Ладуги Чудотворной иконы Тихвинской Божией Матери, остановившейся

на берегу Тихвинки в нескольких верстах от Дымского озера, не существует.

И вместе с тем духовная связь между этими событиями очевидна, поскольку еще будучи иноком Хутынского монастыря, святой Антоний, совершая паломничество, был в Константинополе и не раз молился там во Влахернском храме, где находилась тогда икона, которую мы называем теперь Тихвинской. Не этот ли образ Пречистой Богородицы и открывался духовному зрению Антония, когда в молитвенном уединении стоял он на камне посреди Дымского озера?

Об этом и говорили мы в автобусе по дороге на Дымское озеро.

О том, что Тихвинская икона преподобным Антонием и была вымолена...

И еще говорили, что молитва преподобного Антония Дымского не воспринималась современниками его частным делом. Известно, что благоверный князь Александр Невский дал грамоту на создание монастыря, и тем самым **благословил** молитвенный труд преподобного и его учеников.

И еще 110 лет продолжала звучать над Дымским озером молитва, прежде чем остановилась на намоленной Антонием и его учениками земле Тихвинская икона Божией Матери...

И так хорошо текла эта беседа, что даже досада возникла, когда, уже порядочно отъехав от Старой Ладogi, сообразили, что отец Евстафий посадил в наш «Икарus» всех, кто был в церкви.

Даже женщин, готовивших трапезу.

— Батюшка один в храме остался, — огорченно сказала сидевшая позади меня девочка. — А ведь сегодня — престольный праздник...

— А мы даже посуду после трапезы не помыли... — ответила другая девочка, и голос ее задрожал от слез.

— Времени не было... — успокаивая девочек, сказала одна из наших паломниц.

6.

Когда — лет, наверное, пятнадцать назад? — начали восстанавливать по Руси разрушенные храмы...

И сколько уже восстановлено, невозможно и сосчитать...

И, конечно же, не может не изумлять и не дивить это самое главное чудо — на наших глазах поднимается из развалин всё русское православие...

Биография игумена Евстафия (Жакова) такая не типичная для церковнослужителя прошлых времен, типична для иерея нашего времени.

В миру он был в свое время преуспевающим кандидатом философских наук, состоял в КПСС, работал на кафедре общественных наук химико-технологического института в городе Иванове. Уже почти готова была у него докторская диссертация...

Но человек полагает, а Бог располагает...

Однажды молодой философ вернулся домой и узнал, что у матери случился правосторонний инсульт...

Врачи сказали, что надежд на исцеление нет...

И вероятно, так и случилось бы, но пришла соседка, подруга матери, и сказала, что была у архимандрита Леонтия (Стасевича). Старец сказал, что больная проживет еще десять лет.

— Он благословил меня кусочки разжеванной просфоры ей в рот вкладывать и немножко святой воды доливать...

И вот произошло чудо. Прошло две недели, и мать встала.

Сын отправился поблагодарить отца Леонтия, причисленного сейчас к лику святых...

Этот ивановский чудотворец обладал дивной прозорливостью.

В Иванове рассказывали, что однажды он увидел в окно, как спешит к церкви женщина, и сказал:

— Чумазая идет к нам... Помочь надо.

Слова его удивили всех — никакой чумазости не было в женщине, спешившей к церкви, но когда женщина вошла, оказалось, что это погорелица. У нее сгорел дом, и она пришла попросить о помощи.

Встреча со святым Леонтием переменяла всю жизнь молодого философа.

— Не стригись и не брейся! — сказал ему он. — Священником будешь...

В священники член КПСС, кандидат философских наук М.М. Жаков идти не собирался. Он планировал продолжать научную и преподавательскую работу, но прошло полтора года, и на его голову вдруг посыпались невзгоды...

В институте узнали о чудесном излечении матери, начался скандал, молодого ученого исключили из партии, забраковали докторскую диссертацию, потом уволили с кафедры...

М.М. Жаков уехал в Карелию, и там — у него было и медицинское образование — долго работал врачом в леспромхозе. Потом заболел и устроился сторожить церковь.

Так через пятнадцать лет стало сбываться благословение старца.

Звонарь, алтарник, диакон, священник, иеромонах...

Это этапы нового, предсказанного отцу Евстафию святым Леонтием пути...

Восстановленные церкви — первой была церковь святого преподобного Серафима Саровского в Пудоже, потом — храм Иоанна Предтечи в Старой Ладоге, а затем, скажем об этом, забегаая вперед, будет еще одна церковь — храм Петра и Павла в Знаменке — этапы этого Пути.

На моих глазах из мерзости запустения возрождался храм Иоанна Предтечи в Старой Ладоге, но все равно смотрю на давние фотографии и не могу поверить, что храм поднимался из тех руин.

Но здесь, в Старой Ладогe, предстояло не только сделать ремонт, не только устроить убранство, он и восстановить храм в душах местных жителей...

Отец Евстафий сумел отворить дверь в этот храм не только для увязающих в нищете и бесправии взрослых жителей Старой Ладоги. Он отворил ее и для их детей, многие из которых — типичная примета России конца минувшего тысячелетия! — оказались совершенно заброшены своими родителями.

7.

Однажды летним вечером, когда уже закончилась по-монастырски неспешная служба, и отец Евстафий собирался идти закрывать двери, в храм вбежал пьяная, совершенно избитая тринадцатилетняя девочка...

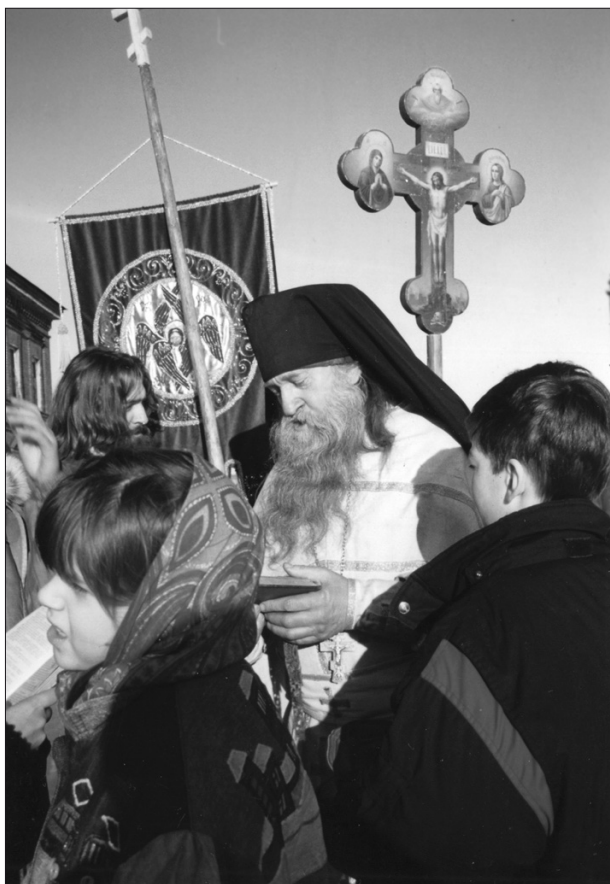
— Господи! — закричала она, рухнув на каменный пол. — Божья Матерь! Помогите мне!

Потом выяснилось, что девочка с трудом вырвалась из сараев на берегу Волхова, куда ее затащили взрослые рыбаки, и попытались изнасиловать

С того самого вечера, занимаясь строительством и ремонтом, совершая богослужения и разыскивая благотворителей с деньгами, начал создавать отец Евстафий свой «детский приход».

Он вытаскивал из подвалов заброшенных староладожских детей, принимал к себе «на работу», приучал к церкви...

— Не важно, как человек приходит в церковь. Пусть дети приходят, чтобы заработать здесь что-то... — говорил он. — Ребенок все равно изменится в церкви. И обязательно — к лучшему.

Игумен Евстафий со своим «детским приходом». Фото Е. Лозновской

И далеко не всем прихожанам нравилось это.

— Работали бы на ферме, — возмутилась одна из работающих в церкви женщин, когда я поинтересовался ее отношением к «детскому приходу». — А то возле церкви отираются... Чего ходить-то сюда деньги зарабатывать... На ферме что ли работы мало? Не, не дело это у батюшки затеяно... Мыслимо ли, робят собирать... Милиция на это есть...

И если чудо — возрождение храма в нищем приходе, то создание детского прихода храма Рождества Иоанна Предтечи — двойное чудо.

Удивительно, но теперь детей здесь больше, чем взрослых.

И не только на службе.

Когда завершается литургия, дети не уходят домой, а собираются в трапезной. Усаживаются за длинные столы.

Удивительная задушевность в этих церковных трапезах. Пожалуй, только тут и начинаешь понимать, что такое православная семья...

Я не оговорился.

Именно образ семьи рисуется в сознании, когда наблюдаешь за жизнью прихода старо-ладожской церкви.

Я познакомился здесь с тремя сестрами Хорьковыми. Старшей, Кате, — шестнадцать лет. Средней, Алёне, — четырнадцать. Самая младшая — Галя. Все они поют в церковном хоре и жизни своей без Церкви уже не представляют. Девочки устроены учиться в Волховскую музыкальную школу. Учатся в музыкальной школе — за счет церкви — и другие дети. Некоторые из них — детдомовцы.

8.

Вместе с художницей Елизаветой Лозновской мы провели в этом «детском приходе» сочинение. Попросили детей рассказать о церкви Рождества Иоанна Предтечи и о том, что связывает их, каждого, с этой церковью.

Набралась целая кипа исписанных детскими каракулями листочков...

«Меня зовут Алёна Я учусь в четвертом классе. Я хожу в храм Иоанна Предтечи. Мне очень нравится здесь отец Евстафий, он очень добрый. Здесь есть швея Светлана Дубровская и хорошо кормят. Мне нравится в этом храме. Отец Евстафий очень добрый».

«Меня зовут Аня. Мне 12 лет. Я выполняю послушание в храме Иоанна Предтечи. Я уже достигла чина младшей псаломщицы. Только в этом храме я поняла, что такое настоящая церковная семья. Наши братья: Артемий и Виталий и одиннадцать сестер. Наш регент — Тамара Владиславовна стала нам мамой. Вот и все. Я бы хотела, чтобы прибавилось братьев и сестер. И чтобы сделали высокий клирос».

«Меня зовут Тамара. Я пою в храме Иоанна Предтечи. Наш храм очень красив, особенно внутри. Все стены украшены росписями. Есть в храме еще регент Тамара Владиславовна. Дети очень любят тетю Тамару. И с каждым воскресеньем у нас все больше и больше людей. Если увидите ошибку, примите ее за улыбку».

«Меня зовут Ксения, мне 13 лет. Когда я пришла в храм Иоанна Предтечи я не знала, как молиться и даже креститься не умела. Я узнала отца Евстафия. Отец Евстафий крестил меня. Мне нравится ходить в храм на службу. Я завела здесь хороших друзей. А вообще лучше храма и веры в Бога нету ничего лучше».

«Однажды приехала одна девочка в храм с мамой. Она обижала маленьких, спорила с мамой, была жадной и некрасива в душе. Она с мамой жила бедно. Маме пришлось искать новое место жительства. Она совершенно случайно встретила отца Евстафия. Он пожалел бедную женщину и накормил ее. Батюшка обеспечил маме с девочкой все, что нужно для жизни — дом, свет, тепло. Маминому счастью не было невзгод. Со временем она научилась шить и вышивать. Все болезни исцелились. Ну, а девочка 13 лет стала рисовать, как художник 7-го класса «в». Петь и танцевать. Но время от времени эти таланты пропадали. Наверное, это от ее множества грехов. Она этого не понимала и была от этого несчастна. Но вдруг, этой девочкой оказалась я, Галина 13 лет. И учится в обыкновенной школе. Но она уже исправилась. И теперь служит в храме Иоанна Предтечи. У нас сейчас очень добрый и справедливый батюшка лет 55. В худых ботинках ходит по улицам, помогая всем немощным, страдающим и труждающимся. Это хорошо, когда плохое начало и прекрасный конец»

*На Святках
в Старой Ладоге. Фото Е. Лозновской*

«Я пришла в 1994 году в Староладожский храм Иоанна Предтечи. Отец Евстафий иногда, когда у нас чего-нибудь нет, например: понравилось платье — купит. Порвались сапоги — думает над этим вопросом. Нету куртки или шапки — все думают. От такой доброты и заботы тянет в храм, как магнитная волна. Но на самом деле нас всех тянет ближе к Богу»...

«Меня зовут Артемий. Хотя я и живу в Санкт-Петербурге, в этом красивом городе, все равно больше меня тянет неведомой силой в Старую Ладугу, в этот прекрасный храм Рождества Иоанна Предтечи. Поднимаясь в гору, где стоит храм, я вижу радостные лица детей, бегущих навстречу батюшке, отцу Евстафию. Каждый складывает свои ладошки и просит у него благословения. После этого одни бегут в храм сказать, что батюшка приехал, другие наоборот помогают ему взобраться на склон горы. Сразу же, как взойдешь в храм, видишь печку, красивые фрески на стенах, разные портреты митрополитов, патриархов, чудесный портрет двух великих княжон Татьяны и Ольги, вырезанную скульптуру Нила Столобенского, возле которой батюшка после приезда поет величание. Как бы не были трудны доходы, все равно в храме появляются новые иконы и материалы для конца реставрации храма. В храме у многих детей есть своя работа. Некоторые поют на службе, другие читают молитвы на исповеди, третьи моют посуду после трапезы или где-нибудь, где надо, подметут. И даже я устроился работать в алтаре с помощью этого доброго иеромонаха Евстафия, а ведь я был очень грешный мальчик и даже не мечтал подавать батюшке кадило»...

«В Старой Ладогe мне очень нравится церковь и батюшка. Там у нас есть регент — тетя Тамара. Она с нами занимается музыкой. Я там очень привыкла, и теперь я не могу Старую Ладугу бросить. На Крещение я прочла третий час и шестопсалмие. Люда, 12 лет».

9.

Перечитываешь эти записи, и время исчезает, уже не голоса детей, живущих в 1998 году, слышишь сейчас, а голос того крестьянского мальчика, что еще в прошлом веке пришел в монастырскую школу учиться церковному пению и порядку церковных служб.

Настоятель монастыря, отец Антоний сам подбирал для мальчика книги.

Впервые прочитал здесь будущий русский художник Гоголя, Пушкина, Крылова.

«Больше всего нравилась мне, — пишет Максимов, — «Вечера на хуторе» да «Капитанская дочка». Многие стихи Пушкина читал сам отец Антоний, и казались они мне какой-то особенной музыкой... Достаточно одних добрых советов отца Антония, чтобы помнить о нем до смерти».

Я не знаю, добьются ли нынешние воспитанники отца Евстафия такого же успеха на избранном ими поприще, какого добился воспитанник отца Антония, но ведь не успех и главное.

Главное, что дети, как и крестьянский мальчик Василий, уже нашли свой родной дом, который никто не сможет отнять у них.

И название этому дому — Русская Православная Церковь...

А вокруг — обычная нищая и тусклая жизнь древнерусского города с бесконечными разговорами о последней передаче «Поле чудес», перемежаемыми вздохами о невыплаченной зарплате...

И вот среди этой серой мути и расцвел выращенный отцом Евстафием цветок «детского прихода»...

Не взрослые ведут детей в храм, а дети родителей...

А тогда, 7 июля, мы успели на Дымское озеро к водосвятному молебну, и долго плавали там — и дети, и взрослые — вокруг камня, на котором совершал молитвенное бдение преподобный Антоний.

Существует поверье, дескать, если оплыть этот камень три раза, твоя молитва обязательно исполнится...

Молитв много было, без конца плавали вокруг камня.

А на обратном пути заехали на святой источник в Мелексе, и в Старую Ладугу вернулись уже ночью.

Наша руководительница спросила, где лучше высадить детей.

— Лучше всего у церкви... — ответили они.

Здесь и высадили их.

У церкви взяли, у церкви и оставили...

Потом дети рассказывали, что отец Евстафий ждал их.

И долго еще сидели на берегу Волхова.

Разожгли костер.

Слушали рассказы отца Евстафия...

Смотрели на древний огонь, возженный над потемневшим Волховом.

Почернели курганы, с которых «есть пошла русская земля», но, возвышаясь над ними, словно бы светились плывущие по сиреневому небу бирюзовые купола храма Рождества Иоанна Предтечи...

III. Святой источник

Когда отца Евстафия (Жакова) перевели в Знаменку под Петергофом, в церковь Рождества Иоанна Предтечи назначили священником иеромонаха Варфоломея (Чупова).

Ему и предстояло возродить Никольский монастырь.

В конце 2002 года митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир благословил возобновить богослужения в храме святого Иоанна Златоуста Никольского мужского монастыря.

13 мая 2003 года православная местная организация «Никольский мужской монастырь города Старая Ладога» получила свидетельство о государственной регистрации. Для церкви святителя Иоанна Златоуста Никольского монастыря был изготовлен временный иконостас, престол и жертвенник, приобретена необходимая утварь для богослужения.

Весною 2003 года Никольскому мужскому монастырю в преддверие 1250-летия Старой Ладогe из итальянского города Бари передали частицу мощей святителя Николая Чудотворца, а летом случилось еще одно важное для монастыря событие — его посетил президент В.В. Путин.

Последним правителем нашего государства, посетившим Старую Ладогу перед В.В. Путиным, была императрица Елизавета Петровна.

Интересно, что тогда, 256 лет назад, императрицу с великим князем Петром Федоровичем (будущим императором Петром III) и его супругой Екатериной Алексеевной (Екатериной II) встречал в Никольском монастыре тоже настоятель Варфоломей...

И вот на фоне этих важных, широко освещенных в печати и на телевидении событий, как-то совсем ушли в тень события, связанные с возрождением в Старой Ладогe Успенского женского монастыря...

1.

Почти шесть веков возвышается над седым Волховом Старо-Ладожский Успенский монастырь...

Не мало на Руси обителей исторически более значимых, и все же, пожалуй, не сыскать другого монастыря, в истории которого так же типично и ярко запечатлелась бы вся история отношения властей к Русской Церкви.

От древнерусских времен сохранился в обители только Успенский собор с остатками древних орнаментов на цоколе, в буквальном смысле поднятыми из земли, да еще — смутная легенда о пребывании в монастыре преподобной Анны Кашинской...

Во времена смуты монастырь был разрушен, воссоздали его уже при царе Михаиле Федоровиче...

Ну, а петровская эпоха заливалась в Успенском Старо-Ладожском монастыре слезами опальной царицы Евдокии. Ее перевезли сюда 20 марта 1718 года, когда шел розыск по делу царевича Алексея. Здесь оплакала царица Евдокия кончину своего сына, погибшего под пытками в Трубецком раскате Петропавловской крепости.

Екатерининскую эпоху Успенский монастырь запомнил именем нашего гениального полководца А.В. Суворова, квартировавшего тогда со своим Суздальским полком по соседству, в Новой Ладогe...

«Сей бессмертный герой любил весьма природу... — писал в начале позапрошлого века Л.И. Хвостов⁴. — И одобрял на свежем воздухе все забавы, сопряженные с большим телодвижением и не-растлевающие нравы. Он часто посещал Старую Ладугу, колыбель Российского могущества...»

Постигая суворовскую науку побеждать, солдаты суздальского полка, которым командовал тогда будущий генералиссимус, форсированным маршем покрывали расстояние от Новой Ладogi, и едва только видели стены Успенского монастыря, устремлялись на штурм. Монахини и сообразить ничего не успевали, а на их головы со стен уже сыпались суворовские чудо-богатыри...

Это не значит, что полковник А.В. Суворов допускал какие-либо бесчинства своих солдат над монахинями. Просто он был человеком своей эпохи, и **так** и принято было тогда относиться к Русской Православной Церкви, которая находилась в **таком** бедственном и униженном положении...

Только, кажется, в царствование Павла и его сыновей — Александра I и Николая I освобождается Русская Православная Церковь от петровских и екатерининских тягот, тогда и начинает возрождаться древнерусская святость...

В Успенском Старо-Ладожском монастыре это возрождение было связано с именем игуменьи Евпраксии, которая, как сказал Е. Поселнин, почти в наши дни воскрешала заветы лет древних.

2.

Как писала инокиня Старо-Ладожского Успенского монастыря Мария, более известная под своим мирским именем Елисаветы Шаховой:

*Любила старица безмолвие пустыни:
В лесу, среди болот, за три версты, она
Нашла себе приют молитвенной святости
Там, где высокая, кудрявая сосна
Шатром развесистым пригорок покрывала,
Где сень и тишина, среди немой глуши,
Ум к Богомыслию святому призывала...
В Абрамовском участке пустыря.
В убежище себе от всякой непогоды,
Велела сруб сложить, под кровлей из досок.
Затворец маленький, среди лесной природы,
С одною дверцею, с оконцем на восток.*

⁴ Л.И. Хвостов. «Путешествие к реке Паше». СПб., 1820.

*У самого ствола большой сосны ветвистой,
Ютилась хижинка, обросшая травой,
А ниже, под холмом, — с водой прозрачно чистой,
Прорыла старица колодец ключевой...*

К этому святому источнику игуменьи Евпраксии и шли мы за матушкой Ангелиной по испорченной мелиораторами земле...

Много дивных чудес произошло в Успенском монастыре во времена игуменства Евпраксии. Стаи волков бегали за старицей как ручные собаки, молнии небесные указывали ей место будущих храмов, излечивались по ее молитвам люди, устраивались судьбы, кажется, совсем погибших людей...

И все же главное чудо, свидетелями которого являемся сейчас и мы — сам Успенский монастырь. Именно при отшельнице и молитвеннице Евпраксии и выстроились все сохранившиеся до наших дней монастырские корпуса и храмы.

3.

Едва ли приведенные нами подробности истории Успенского монастыря были известны русскому художнику Борису Кустодиеву...

Но смотришь на созданный им портрет матери Олимпиады, и кажется, что различаешь на лице игуменьи Старо-Ладожского монастыря и древнерусскую святость, и залитое слезами царицы Евдокии петровское время, и вольтерьянскую удаль екатерининских вельмож, и возрождающие древнее благочестие, уединенные подвиги игуменьи Евпраксии...

«Игуменья», отмечают искусствоведы, занимает особое место в творческом наследии мастера...

Не вдаваясь в искусствоведческие размышления, все же заметим, что не случайно этот поворот к знаменитому кустодиевскому «портрету-типу» произошел с художником в Успенском монастыре, в самой истории которого так типично и ярко запечатлелась вся история отношения властей России к Русской Церкви.

4.

Нынешний отрезок истории Успенского монастыря тоже воплощает все самое типическое, что существует в особенностях этих отношений.

Типичны отношения возрождаемого монастыря с музеем-заповедником, типичны и надежды, которые возлагались на визит В.В. Путина в Старую Ладугу, которые, — увы, увы! — не очень-то и оправдались, поскольку в благотельной сени президента места для Успенского монастыря не хватило...

Староладожская крепость. Фото А. Пантелеева

Типична и история с монастырским корпусом, который матушка Ангелина с послушницами то занимает, то снова освобождает под давлением непреодолимых обстоятельств...

В принципе, по закону Российской Федерации — освобождаемые балансодержателями монастырские здания должны передаваться прежнему владельцу, то есть монастырю.

Но — вот беда! — оказалось, что здание уже было предназначено под ресторан... Газета «Волховские огни» так и писала: «Монастырь возвращается Православной церкви с условием, что в одном из зданий откроется ресторан или кафе — доход селу и монастырю».

Какой доход будет получать женский монастырь от размещенного на его территории ресторана, газета не сообщает. Надо полагать, что ресторанные гулянки должны способствовать монастырской молитве...

Как будет развиваться ресторанный сценарий, неизвестно, но администрация, несмотря на протесты общественности, пока отступать от своего плана не собирается...

Не собирается сдаваться и матушка Ангелина.

— Сейчас решается, будет ли в Старой Ладоге Успенский монастырь... — говорит она. — Мы все любим эту землю, любим историю этой земли. Что нам делить с директором музея-заповедника? У нас одна история... Пусть наши православные паломники идут в крепость... И наоборот... Почему туристы не могут зайти в церковь, поставить свечку... Наверняка, ведь найдутся среди них такие желающие... Что же нам делить? Нам просто хочется, чтобы здесь возродился Успенский монастырь... Без него возрождение Старой Ладоги будет неполным.

И эта самоотверженная уверенность в своей правоте тоже типична...
Без этой уверенности невозможно сейчас возрождение православных обителей.

5.

Уже минут десять шли мы как будто по краю преисподней.

Раньше здесь было обычное болото, и теперь то тут, то там вставали из-под земли дымы, а иногда по бокам тропинки, за зарослями репейника, открывали обугленные ямы выгоревшего торфа...

Мы шли по этой худой, навсегда, кажется, испорченной мелиораторами земле, следом за матушкой Ангелиной, звание которой звучит сейчас канцеляристо-длинно — «ответственная за ведение дел, связанных с открытием Успенского женского монастыря в селе Старая Ладога»...

Но вот мы и вышли к Абрамовскому лесу...

У подножья взгорка открылась поляна, на которой теснились розоватые заросли кипрея и сиреневые россыпи вероники, белые головки тысячелистника мешались здесь с желтыми цветами льнянки. Дивным запахом цветочного разнотравья оттеснило едкий запах горящего торфа...

Здесь и находится святой источник, обретенный подвижницей благочестия, бывшей игуменьей Старо-Ладожского Успенского монастыря матушкой Евпраксией...

*И был благословен тот подвиг потаённый.
В усилиях пустынного труда,
С молитвою святой всегда соединенным:
Руками трудницы добытая вода...*

Но так было раньше, а сейчас источник Евпраксии заглох.

Лет пятнадцать назад, когда проводили мелиорацию, зачем-то бросили на источник тяжелую бетонную трубу, и хотя матушка Ангелина и расчистила с послушницами и верхний, и нижний колодцы, но так и не ожил родник.

— Без молитвы источники глохнут, — зажигая возле небольшого деревянного креста свечки, говорит матушка Ангелина. — А еще трубу свалили такую...

Она говорит так, но чувствуется, что она все-таки надеялась, что произойдет чудо и оживет расчищенный источник Евпраксии.

Мы все тоже надеялись...

Я залез в верхний колодец и принялся ощупывать его дно, выгребая из-под трубы сыроватую землю. Еще я вытащил лягушонка со дна колодца, но источника так и не обнаружил...

6.

Потом мы искали фундамент часовенки Евпраксии, той самой, сквозь кровельку которой, в стихотворении Елисаветы Шаховой, прошла заветная сосна...

*И на сучке одном, чудесно водруженный
Самой Евпраксией, крест сверженный с главой
От купола, — грозой неповрежденный,
И не расколотый стрелою громовой...*

Но не нашли и этих плит.

Да и дивно было бы найти их без раскопок... Должно быть, давно уже ушли эти плиты фундамента под землю...

Зато вышел откуда-то из леса с корзинкой грибов сотрудник музея, который всё знал, и который, когда его упросили, всё рассказал нам...

И про то, что источник погиб, конечно, хотя и очень жаль.

И про то, что фундамента часовни не найти, разумеется, хотя фотографии часовни остались в музее...

И про то, что монахиням, конечно, если по-хорошему, если по-людски, надо подыскивать другое место и куда-нибудь из здания школы перебираться, чтобы не мешать поселку...

И про то, что в запасниках музея много всякой церковной утвари и икон, но из Успенского монастыря ничего нет, так что нечего и рассчитывать монастырю на музейные собрания, хотя и выставлять все эти сокровища музеем тоже негде, к сожалению...

— Если есть воля Божия — все идет, как по маслу, — сказала матушка Ангелина, когда мы уже спускались с Абрамовского взгорка назад к источнику. — А нас гонят ... А почему? Видно, молиться надо лучше.

7.

В Старую Ладугу матушка Ангелина пришла с подворья Анны Кашинской в Санкт-Петербурге, где она была управляющей, а одновременно — казначеем Введено-Оятского монастыря. Там, в монастыре и начинала она свой иноческий путь у знаменитой старицы настоятельницы Феклы.

— Матушка Фекла к молитве приучала нас, — вспоминая те годы, рассказывает она. — У нее ведь только молитва и была, когда она на пустом месте начинала... Помню, я дежурила там одно время по ночам... Не огорожено было, звезды над тобою, а все равно на душе спокойно... Я счастлива, что мне довелось возле матушки Феклы быть.

— А какие вы, матушка, послушания в монастыре проходили?

— А все, наверное... И сторожем была, и скотницей... Матушка Фекла по всем ступенькам меня провела. Там были девочки молодые, а мне уже к пятидесяти тогда приближалось, инженером много

лет проработала, людьми командовала, но матушка Фекла все равно меня этим девочкам отдала... А чего они понимали? Совсем ведь молодые... А все равно надо было их слушаться... Это была хорошая школа для меня... Это я потом уже поняла, что я ничего в монастырской жизни не понимала, пока эти послушания не прошла...

8.

Я слушал этот рассказ матушки Ангелины, обдумывая, где бы помыть испачканные землей руки.

Ни ручейка, ни лужицы не видно было вокруг. Только в нижнем колодце, забранном в полусгнивший сруб, скопилась немного воды...

Растолкав лесной мусор, плавающий на воде, я набрал воду в пригоршни и помыл руки.

Потом снова зачерпнул воды и сполоснул лицо.

Удивительно, но вода не пахла ни гнилью мусора, ни торфом...

Приятная на вкус, чистейшая вода дрожала в моих ладонях...

— Я ее всегда пью... — сказала матушка Ангелина и, склонившись над источником, тоже зачерпнула воду.

— Так, значит, источник живет? — спросил я.

Матушка не ответила, она пила зачерпнутую ладонями воду.

Я не стал переспрашивать ее.

Что переспрашивать тут, если и так было понятно, что пока правильнее называть этот источник так же длинно и канцеляристо, как и нынешнюю должность матушки Ангелины, **ответственной за ведение дел, связанных с открытием Успенского женского монастыря в селе Старая Ладога?**

Что говорить, если жизнь этого источника, придавленного бетонной трубой, протекает пока так же сложно и потаенно, как и жизнь так пока еще официально и не возобновленного монастыря?

9.

А вот еще одна любопытная подробность из биографии матушки Ангелины.

Сама она — коренная жительница Санкт-Петербурга. Когда училась в школе, снесли по соседству на Сенной площади Успенскую церковь. Вместе с другими учащимися 239 школы Ольгу (так звали матушку Ангелину в миру) заставляли разбирать на кирпичи церковные развалины...

Теперь, почти полвека спустя, уже на другой стороне жизни, матушка Ангелина начинает восстанавливать «по кирпичику» Успенский монастырь...

— Я когда приехала сюда, сразу полюбила этот монастырь... — говорит она. — Вернее не то что бы влюбилась, а почувствовала — вот родной дом. Я знаю одно, от нас зависит судьба монастыря.

*На низменном холме стоит старинный храм,
Над исторической рекою Новаграда,
Весь белый, выступил из-за зеленых рам
Деревьев вековых соседнего посада;
Внизу, по берегу, идет кирпичная ограда,
С двумя воротами, и — башни по углам.
За каменной стеною, серея, видны кровли
Отдельных домиков: тут втиснут монастырь,
Меж двух слобод, — где склад и сбыт торговли
Наполнили молвой береговой пустырь...*

Столетие назад написаны «крестницей» святителя Игнатия (Брянчанинова) инокиней Марией эти стихи, а кажется, и про нынешнее время, про нынешние хлопоты и заботы Успенского монастыря, без возрождения которого невозможно говорить о возрождении Старой Ладogi...

*Не место, кажется, здесь было для вселенья
Избрать отшельницам обители святой
Но шел за веком век, сменялись поколенья,
И — оглашаемый житейской суетой —
Вокруг, со всех сторон, с реки, и с суши
Владычицы Успения удел,
Храня врученные от Господа Ей души,
Подобно Ноеву ковчегу, уцелел...*

Прошло несколько месяцев, и вот пришло известие из Успенского Старо-Ладожского монастыря, что сестры, ходившие на источник, обнаружили колодец Евпраксии полным.

Забил ее источник в полную силу...

Эпилог

Что такое время?

Сегодня становится вчерашним днем, а завтрашний день сегодняшним. Снашивается обувь, ветшает одежда, стареет организм. Время течет неумолимо и необратимо.

Но это для нас, выросших в обществе, где культивируется индивидуализм и идея прогресса. Как частички этой цивилизации, мы всецело захвачены неумолимым движением времени и не в силах преодолеть наваждение.

*А в вечности вратах — ужасно пробужденье!
В последний жизни час...*

— писал святитель Игнатий (Брянчанинов).

В Церкви нет времени. Вернее, здесь свое время...

Поэтому так легко и становится здесь душе, когда удастся позабыть о мирской суете, о своем ветшающем, как одежда, теле...

Приезжая в Старую Ладугу, я как-то очень остро ощущал это...

Полгода прошло, как отмечали Рождество Иоанна Предтечи, и вот приближается другое Рождество — Христово...

И хотя почти десять лет назад это было, а кажется, что вчера...

Принарядились к празднику чистым и пушистым снегом улочки Старой Ладуги. По переулку, тонущему в сугробах, поднялись мы к церкви, и тут, на крутом берегу Волхова, перехватило дыхание — такая синь кругом, такая мощь речной излучины... Обжигал щеки морозный ветерок, тянущий с закованного в лед Волхова.

И в этом просторе, в этой синеве, в колющем морозце — тоже было ощущение приближающегося великого праздника. Очень явно было разлито на былинных курганах сосредоточенное ожидание предрождественских дней.

А в самой церкви, в трапезной, со стен которой строго смотрели святые и иерархи, звучали детские голоса.

Шло «Пещное действо»...

Это библейская история из Книги пророка Даниила. Вавилонский царь Навуходоносор сделал золотого истукана и заставил народ поклоняться идолу. Только трое отроков не поклонились золотому идолу. Навуходоносор приказал схватить их и, связанными, бросить в огненную печь. Неминуема была гибель отроков, но сошел ангел Господень, раздвинул огонь и, хотя на сорок девять локтей, как написано в Библии, вздымалось вверх пламя, никакого вреда не нанесло оно сохранившим веру в истинного Бога отрокам.

Чин Пещного действа древняя и — увы! — забытая сейчас традиция Церкви. Совершался он перед Рождеством Христовым в день памяти пророка Даниила и трех святых отроков...

Ну, а в старо-ладужской церкви Рождества Иоанна Предтечи играли в Пещном действе уже знакомые мне дети.

Сестры Катя, Алена и Галя Хорьковы, Наташа Евдокимова, Аня Зайцева, Ксения и Аня Степановы, Артемий Гаврилин, Саша Байкина.

Одни изображали царя Навуходоносора и его воинов, другие — святых отроков.

А с ангелами даже перебор получился.

На эту роль сразу трое девочек попросилось. Пришлось расширить Действо, ввести в него еще троих ангелов.

— Что же делать, если столько желающих ангелами стать? — улыбался отец Евстафий. — Как же можно помешать этому...

И мы тоже улыбались его шутке, но слушая ангельские песни, звучащие над древним Волховом, и как-то забывалось об иронии.

Удивительно созвучны нашему времени оказались события библейской истории... Порою начинало казаться, что в Пещном действе дети самих себя играли...

А кого же еще?

Ведь это им, как трем библейским отрокам, в реальной жизни тоже предлагали поклониться идолу золотого тельца.

И так же, как те отроки, делали юные прихожане отца Евстафия свой выбор...

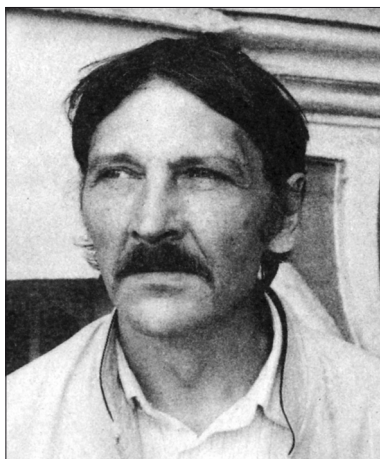
Тот выбор, который десять веков назад, принимая Православие, сделала вся Россия...

Старая Ладога — Петербург

С РОЖДЕСТВОМ
ХРИСТОВЫМ!

ПОЭЗИЯ

Олег ОШАПКИН

ЛИСТ СЛОВА ЖДАЛ, А ТИШЬ — ЕВАНГЕЛИСТА

Олег Александрович Ошапкин родился в 1944 году в Ленинграде. Окончил музыкальное училище М. Мусоргского. Пел в церковном хоре, работал на радио, в Эрмитаже и в музее Ф.М. Достоевского. Автор четырех сборников стихотворений. Лауреат премии Г. Державина. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Двадцатый век безвременной планеты

«...Я помню современности приметы:
Двадцатый век безвременной планеты,
Где все на всех —

смертельный этот фронт».

О. Ошапкин. «На грани осени».

С Олегом Ошапкиным меня познакомил Константин Иванов — ученик и последователь Л.Н. Гумилева. Это произошло в начале девяностых годов, когда мы с научным сотрудником (ныне — священником) Геннадием Беловоловым проводили серию вечеров русской поэзии в музее — квартире Ф.М. Достоевского, и когда на счету Олега было уже более 30 лет поэтической деятельности, выпущено два сборника: «Стихи» («Беседа» Ленинград — Париж, 1989) и «Пылающая купина» («Советский писатель», 1990). На одном из таких вечеров выступал и Олег. И снова его «нестареющие» стихи прошли «проверку временем».

По прочтении стихотворений Олега Ошапкина остается послевкусие непреходящей свежести и чистоты, свойственной русской классической поэзии девятнадцатого века; мощное, энергетически насыщенное движение словесных масс и — при этом — щемящей лиричности, безыскусности и какой-то истонченности, даже воздушности поэтических образов. Наиболее яркие, на данный момент («Времени зреют века — мига основы»), произведения Олега созданы в шестидесятых — семидесятых годах. В это время поэт работал «в стол», а стихи его распространялись в списках. Сопряжение вечных библейских образов и эллинской мифологии, золотым сечением наложенных на событийность тех лет, поэтический строй, близкий к оде, придает неповторимое, самобытное звучание (через обновление словарного запаса; архаики и прос-

той разговорной речи) его строфам. Православное мировосприятие, знание летописного наследия — вся «необычность» сознания для петербургской поэтической школы шестидесятых — семидесятых, эпическая, порой евангелически-светоносная глубина, отличает поэта, вызывает живой «генный» интерес читателей и литературоведов. И Олег по праву считается одним из ведущих поэтов семидесятых.

Недавно Олег приезжал ко мне и читал много (из двух больших тетрадей!) своих стихотворений... Хочется верить, что произведения Олега Александровича Охалкина доставят новую радость поклонникам его таланта и найдут отклик в душе современного читателя, читателя грядущего тысячелетия.

А. Ребров

* * *

Трубила в рог пурга. С простором в срок
Проснулся я. Зима едва дышала.
Так тихо вдруг, что неба глубь дрожала
И пенился в душе мгновенья ток.

Прошел циклон. В окно сверкает двор.
На скатах крыш тяжелые покровы.
И толща облаков с трубою вровень.
А в сердце — времени напор.

В артериях как жар клубилась кровь,
И мать моя чуть кашляла спросонок,
Безлистые деревья на газонах
Дышали в такт, не нарушая строй.

Во всем был сдвиг и небывалый ритм.
Деревья мыслили, накапливая листья.
Лист Слова ждал, а тишь — евангелиста.
Казалось, облако вот-вот заговорит.

И каждый миг, сам по себе весом,
Стал различим любым своим оттенком.
Так мир возник. Фонарь скользнул на стенку,
Качнулся тюль, и продолжался сон.

* * *

Когда бесплотный вечер
Войдет в мою печаль,
Забуду звуки речи,
Бредя в пустую даль.

Не буду знать, о чем я
Жалею, что со мной.
Заплачу от молчания.
Весна тому виной.

И сердце вдруг услышит
В тот сумеречный час:
Душа крыла колышет,
Как тени при свечах.

Там крест на колокольне.
На нем громоотвод.
Колокола спокойны
Уже который год.

И загляжусь в проемы
Вечерних тусклых крыш,
Шатаюсь по району,
Где храм от солнца рыж.

Но вечерами слышен,
Как музыка сквозь сон,
Не то сквозняк по крышам,
Не то забытый звон...

Как будто шелестенье
Не помня до поры,
Безлистые растенья
Поют из-под коры.

* * *

Будет небо сплошной оглушительный шар
В синем зареве медного полдня.
Раскаленных лучей ослепительный жар
Вспыхнет славою Лета Господня.

Будут медленно длится веков облака,
И вне мыслимом их промедленье
Ты почувствуешь вдруг, как печаль велика
Видеть Землю с небес в отдаленье.

И очнешься, душа, и окажется вдруг:
Ты дремала, как небо издревле.
А во все это время в тебе и вокруг
Вечный Разум сквозит и не дремлет.

Он, как тайна и страсть, проникает во все
И живет глубины прорастаньем.
Это Он так щемяще томит и сосет —
Мир смущает неведомым знаньем.

Это Он, это Он и в жуке, и в траве,
И во всем, что в томлении дышит.
Видишь, мыслит в ладони твоей муравей,
И трава себя творчески слышит.

Так и ты, так и ты Его должен сознать!
Потому и разлегся в сторонке —
Весь в слезах, муравья со щеки не согнать, —
Столько страха, как счастья в ребенке.

* * *

Я помню: есть такие вечера.
Они — случайный дар весною ранней.
Уже давно бы сумеркам пора,
Но дню не перейти гремющей грани.

И долго различаешь без труда:
Сочится солнце наподобье ранки,
И запад, раскаленный как руда,
Того гляди расплавится в Фонтанке.

А в тишине последних этажей
Немытых окон мартовское тленье,

И храм вдали все ярче и рыжей,
И облака пылают, как поленья.

Они слоятся, рушатся, звенят,
На голоса расходятся и реют...
А где-то трубы черные дымят,
И, между тем, заметно вечереет.

И дня уж нет. В сиянье облаков
Он еле слышен музыкой багровой,
Как будто горний отблеск ледников,
Уже померкнуть в вечности готовый.

* * *

Когда глядел я на тебя
И предо мной ты, как в ките,
Молчала, книгу теребя,
Мерцало небо в позолоте.

Там шла вечерня облаков,
И доносилось из-за окон
Глухое пение стихов,
И солнце жгло твой рыжий локон.

И всю тебя прошла насквозь
Весны вечерняя молитва.
А в окна дерево рвалось,
И там в ветвях кипела битва.

А на руках твоих закат
Сгорал дотла, желтей огарка,
И скат плеча был так покат,
Как будто ты — сквозная арка.

Тогда я вглядываться стал
В твои черты, в лицо живое,
И кто-то нас перелистал,
Как ветер ветви над землею.

И мне запомнилось одно:
Твоя щека искала встречи,
Клонилась грудь, молились плечи,
Ломилось дерево в окно.

* * *

Душа моя, зачем тебе летать?
У нас, людей, не вырастают крылья.
Не лучше ли с утра с постели встать
И отложить напрасные усилия?

Не лучше ли, душа моя, забыть,
Откуда мы пришли с тобой однажды,
И в буднях ежедневья полюбить
Обычный день, что не дается дважды?

Не лучше ль крыльев ноги, две ноги
И две руки; штаны, пиджак, рубаха?
Пока не надоели сапоги,
Не хватит ли нам пешего размаха?

Всего-то и усилий — два шага
С постели до стола. Полет без риска.
Для этого нужна одна нога,
Другой подвинешь стул, он где-то близко.

Одной рукой блокнот найдешь, другой
Нащупаешь в стакане авторучку.
На кой тебе крыло? Скажи на кой?
И без него рука поставит точку.

Смотри, и стол достаточно высок,
Чтоб разглядеть в окно сутроб январский.
А у окна — старинный образок,
И в форточке — звезда —
подарок царский.

КАТАКЛИЗМ

Перед грозой жара, как дух,
Парит над яблоневым садом,
И воздух ужасает слух
Неразорвавшимся снарядом.

Такая в мире глухота,
Как в Судный день
 пред трубным гласом.
И, точно порох — духота,
И небо падает фугасом.

И даль пылищей смещена
В небытия стоячий хаос,
Где даже тень умерщвлена
И сад провис, как блеклый парус.

И ожидать уже нельзя.
Нужны подземные удары,
Чтоб тучи, медленно скользя,
Обрушили на мир кошмары,

Чтоб, ошибаясь каждый миг,
Зигзагом вспыхивало время,
И это был вселенский сдвиг —
Пространства сброшенное бремя,

Чтоб хлынул дружный водопад,
Смывая прошлого приметы,
И содрогался невпопад
Простор прогневанной планеты.

ДО СТИХОТВОРЕНИЯ

Гром поздний —
 весть из глубины былого
Зигзагом в тучах явленного Слова —
Потряс мой слух и, рассыпая эхо,
Ядром отшелушился от ореха.

Но слышал я, и это прежде грома,
Как бы трещала в пламени солома,
Сухая тишина во мне пылала,
Потом завеса зренья упала.

Тишь рухнула за миг до катастрофы.
Уже тогда я мог расслышать строфы.
Но до события был порог затмения,
И он страшней,
 чем яркий миг творенья.

Когда же туча, рухнув, полыхнула,
Врасплох застигнут, я оглох от гула
Эфирного, как бы, помыслив зримо,
Постиг ужасный образ серафима.

* * *

Чем пристальней глядишь в зенит небес,
Тем явственней с тобой вздыхает лес,
Когда, раскинув руки по корням,
Ты тишину следишь по целым дням.

Тогда в душе ни облачка, и ты,
Как бы упал, как падают листья,
Пока осенний опадает куст,-
К земле припал — всей плотью к тайне уст.

Валежник хвойный хрустнул под тобой.
Во мху утоп спиной и головой,
Ты на мгновенье телом стал, смущен,
И вдруг затих, уже развоплощен.

Но, как бы коршун, медля воспарить,
Еще не рвешь — следишь сознания нить,
И слышишь: рядом шелохнулась мышь,
Очнулся шмель... но ты уже паришь.

И что теперь с тобой произойдет,
Уже не вспомнить. Знаю наперед.

Ясней и тише год от году
Вспоминанья детских лет.
Не тьма ли в ясную погоду
К нам приближает звездный свет?

День ото дня все различимей
Судьбы знакомые черты,
И время внутреннее зримей
Во сне из внешней темноты.

Не оттого ль стареть грустнее,
Что нас младенцы мудреней,
А ночь крошечней и темнее,
Чем вечер, вызвездит верней?

Но чем страшней и бесприютней
Наш быт глядит из мелочей,
Мы тем подробней и минутней
На черной плоскости ночей.

Там в чудных сумерках сознанья,
За гранью умного, в душе
Слоится время созерцанья-
Сон с полуявью на меже.

Мерцают памяти глубины,
Которой нижние пласты —
Младенчество, до сердцевины
Тверды, кристальны и чисты.

И там, из глубины внедренный,
Свет — перводвигатель причин —
Шар золотой и раскаленный —
Лик первобытный без личин.

Он, сам себя не созная,
Прекрасен, цел и просветлен,
Как бы звезда, не остывая,
В холодный космос погружен.

И, оболочкою эфирной —
Душой младенческой одет,
Сквозит в материи всемирной,
Как бы мгновенье в бездне лет.

Какое солнце! Неба сколько!
Как жарко раскраснелся лес,
Весь в ослепительных осколках
Стекла сверкающих небес!

Дрожат пылающие клены,
Роняет липа жаркий лист,
Звенят березовые кроны,
А воздух ясен, сух и чист.

И столько шири вдруг в округе,
Что прозвучит во весь простор
И писк синиц, и чья-то ругань,
И смех, и кашель, и топор.

Когда бы это полыханье
Под звук веселый топора
Стеснило вечности дыханье,
Пришла бы и моя пора.

Но я стою неопалимый-
Вдыхаю времени дымок
Осенний и неуловимый,
И мой платок от слез намок.

Шепчу в припадке грусти: — Боже!
Твой мир... Зачем и я не с ним,
Когда как он, пылаю тоже,
Когда, как он, неопалим!

Зачем гляжу на твой портрет?
Мне этой мысли не осилить.
Но здесь магический секрет
И линии перекосились,

ПОЭЗИЯ

Диана КАН

НЕ ПРОРЖАВЕЛ ЕЩЕ МЕЧ-КЛАДЕНЕЦ...

Диана Елисеевна Кан родилась в 1964 году. Член Союза писателей России, поэтесса. Автор книг «Високосная весна», «Согдиана», «Бактрийский горизонт», «Подданный русских захолустий», «Междуречье», а также многих публикаций в столичных и региональных литературно-художественных и общественно политических изданиях России. Дважды лауреат премии журнала «Наш современник». Лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция». Закончила МГУ им. М.В.Ломоносова и Высшие литкурсы. **Живет в Новокуйбышевске Самарской области.**

Кому-то, отринув заботы земные
 (поскольку их путь неизменно высок!),
 взалхлеб стрекотать о цветущей России,
 беспечно порхая с цветка на цветок.

А нам неприкаянно и непреклонно,
презрев проторенные прежде пути,
отвергнув трухлявую
 пышную крону,
от русского корня,
 пробившись, расти.

Расти без печали, унынья и гнева
на крону, что застит нам
солнечный свет...
Пускай мы как пасынки
отчего древа,
но корень единый хранит
нас от бед!

О русская широкошумная крона,
кому только ты ни давала приют!..
Казалось, не будет износа-урона,
ан глядь, уже хищные пилы поют.

И гордую русую голову отич
повинно склоняет
на хлестком ветру.
И хищная бестия —
жук-древоточец —
неистово жрет вековую кору.

...Пока ты редеешь,
 державная крона,
и ширится всюду кликушеский вой,
взрастают побеги любви неуклонно
сыновней глубинки
 твоей корневой.

✻ ✻ ✻

О, Россия моя,
 что случилось с тобой?
Этот снег никогда не растает!
Ну, а если растает —
 увиджу с тоской:
вновь из отчей земли прорастает
там, где прежде шумела трава-одолень,

врачевавшая русские раны,
прорастает лихая трава-одурень,
полоня и луга, и поляны.

Что за страшная здесь прокатилась орда,
повенчав мою отчину с горем,
что не только пшеница, но и лебеда
сведены оказались под корень?

Да не выкурит нас из родных деревень
дурь-трава, что хуже супостата!
Прежде вили из этой травы-одурень
мы не только морские канаты!

Нас враги не однажды пытали на слом,
и не раз смерть косая косила...
Как сумела скрутить неразвязным узлом
Русь Святую змеиная сила?

Все дано нам от Бога — и статность, и ширь...
Нашу удаль никто не обузит.
Где тот Муромец, где тот Илья-богатырь,
что предательский узел разрубит?

* * *

Нам не впервой за Россию сражаться —
день простоять, ну а ночь продержаться.
Кинешь сапог: «Просыпайтесь, братья!»
Храп сотрясает три отчих версты.

Эй, братовья, почивать не годится!
Следом со свистом летит рукавица.
Грозный по небу проносится гуд.
Годы проходят, а братья нейдут.

Змей Героиныч пленил Русь-царевну.
Вбил нас в родимую твердь по колено.
Голову срубишь — три новых растут.
Годы торопятся, братья нейдут.

Вражеским духом над Родиной веет.
Меч-кладенец безутешно ржавеет.
Воины головы в битве кладут...
Годы мелькают, а братья нейдут.

Что же за сладкие сны снятся братьям,
что прикипели к тесовым полатам?
В отчую землю мы вбиты по грудь...
Годы несутся, а братья нейдуть.

Оземь ударишь тяжелою шапкой -
мир покачнется весомо и шатко.
Бревна в родимой светлице скрипят.
Время не дремлет, а братья храпят!

Видно, нам братьев уже не дожждаться.
Знать, в одиночку придется сражаться...
Гром полыхнул на три отчих версты.
Не поминайте нас лихом, братья!

Благословил нас на битву Отец.
Не проржавел еще меч-кладенец...
В небе победный сияет салют!
Слышите? Слышите — братья идут!

* * *

Не похвалялся, едучи на рать.
Не похвалялся, воротясь с победой.
С устатку сел, обнял старушку-мать,
родной воды колодезной отведал.

Во глубину колодца заглянул...
И, вздрогнув от внезапного волнения,
вода вернула ласково ему
геройское — в медалях! — отражение.

«Вкусна водица!» — крякнул и как есть
всего себя он окатил водою —
живой водой, что водится лишь здесь —
колодезной, родимой, ключевой.

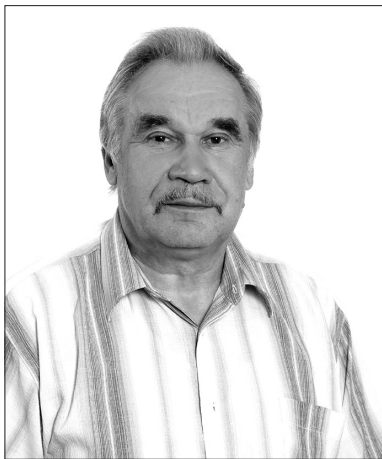
Она текла — беспечна и вольна.
Она текла-текла, не утекала.
Не только по усам текла она,
но золото медалей омывала.

Не зря живой в народе прослыла -
она бальзамом врачевала раны.
И меда слаще та вода была,
что венчана с родной землуй песчаной.

Она роднилась с солнцем и тогда
высокой тучей в небо поднималась...
Стремилась в Волгу отчая вода.
Текла сквозь пальцы, в руки не давалась.

...Была большая трудная война.
Душа солдата воевать устала.
Святой водой родная сторона
с души солдата копоть отмывала.

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Чеслав КИРВЕЛЬ

НАСТУПЛЕНИЕ «ВЕКА ТОЛП»

*Глобализирующееся
общество: от полного
торжества рыночного
обмена к антропологическому
мегакризису*

Чеслав Станиславович Кирвель — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Автор книг «Утопическое сознание: сущность, социально-политические функции», «Образы будущего: утопия и антиутопия в современном мире», ряда учебников и учебных пособий, многочисленных публикаций по философской проблематике. **Живет в г. Гродно.**

Глобализация в ее вестернизированной, либерально-рыночной форме разворачивается сегодня под знаменем потребительского общества. Современная глобократия (олигархический интернационал), пренебрегая явным фактом экологической перегрузки нашей планеты, решительно отвергает всякий принцип аскетизма, этики, самоограничения, трудовой аскезы. Однообразная масса ориентированных на гедонизм и телесные удовольствия эгоистических индивидов-потребителей, управляемых рекламой и находящихся при этом в изнурительной конкурентной борьбе за обладание престижными потребительскими товарами — вот истинный мотив и цель нынешних глобалистских структур. В соответствии с этим утверждается потребительский горизонт жизненных ориентаций людей, который поработает их, трансформируясь в дурную бесконечность: человек, не имея верхней границы своих потребностей, потребляет одну вещь за другой и не может остановиться ни на одной из них. Итог всего этого — размывание всяких абсолютных ценностей человеческой жизни, придающих ей действительный смысл и полноту, утрата идеалов, потеря цели и смысла существования.

Индустриальная (постиндустриальная) предпринимательская экономика, основанная на принципе получения максимальной прибыли, не может не формировать престижное потребление, манипулировать вкусами людей таким образом, чтобы они потребляли как можно больше и тем самым обеспечивали быстрое прокручивание капитала, его самовозрастание. Сегодня, например, рекламируется одна модель машины, через месяц другая, более новая, а еще через месяц «самая новая» и так без конца. Причем, какими вещами

человеку пользоваться, с какой целью и в течении какого срока времени — решает за него производитель. В условиях развитой рыночной экономики не спрос формирует предложение, а предложение — спрос. В результате всего этого перманентным спутником граждан самых богатых и развитых стран становится психологический дискомфорт, гнетущее ощущение неполноты бытия, не реализованного и не достигнутого. На деле, чем больше производится новых разнообразных товаров и услуг, тем менее удовлетворенным ощущает себя человек, тем менее спокойно он себя чувствует. Бесконечная смена потребительских товаров не обеспечивает ему не только счастья, но и душевного равновесия, необходимого ему чувства стабильности.

Вирус потребительства, взращенный в Европе, теперь распространился по всему миру. В этом смысле весь современный мир стал «Европой» — инструментально-рациональной системой насилия над природной и социальной средой, нацеленной на получение максимально «полезного эффекта» (прибыли) любыми средствами. Причем, что интересно: экспансия насилия идет в ногу с экспансией потребительской идеологии и психологии. Эти процессы, следует заметить, затрагивают «физический баланс» православной славяно-русской культуры в целом, поскольку в ее рамках культ потребительства и накопительства никогда не доминировал над духовными ценностями.

От человека как «божественного микрокосма» к человеку унифицированному. Необходимо признать, что по мере развертывания глобализационных процессов, человек становится все более «экономическим» человеком. «Экономический человек» не признает иных мотивов и целей поведения, кроме как ориентации на прибыль, результат, карьеру, успех. Такой человек, с точки зрения представителей современных глобалистских структур — это западный (прежде всего американский) человек, образ жизни, привычки, характер, мотивации, культура которого рассматриваются ими как то, чему только и можно подражать и массово внедрять в жизнь. Человек с иными целями и предпочтениями попадает в этом случае в разряд неприспособленных, нерентабельных («отсталых»). Все прежние традиционные моральные добродетели, за утверждение которых столь долго и последовательно боролись ведущие религии мира и человеческая культура в целом, отвергаются ныне как нечто безнадежно устаревшее, архаическое, мешающее полному торжеству обмена. В результате, общественный прогресс оказался загнанным в порочный круг производства-потребления. Для большинства людей деньги уже не просто средство, а цель, не фактор выживания или даже достойной жизни, а фактор престижа и самореализации.

Сегодня становится совершенно очевидным, что «механизм развертывания потребностей» начинает выступать как источник повышенной опасности и риска в существовании человеческой цивилизации. Паразитарное потребление как феномен современного «общества потребления» направляет траекторию развития цивилизации в русло, противоположное актуальным задачам свободного гармонического развития Человека в диалоге с Природой, коэволюции общества и его природной среды. Паразитарное потребление вместе с милитаризмом, «виртуальной экономикой», финансовыми спекуляциями и массовой культурой становится сегодня причиной роста и углубления глобальных проблем и конфликтов.

Став общей направленностью массового сознания, стремления к достижению, на основе все новых научно-технических внедрений, материального благополучия и процветания в этом земном мире, практически вытеснили на задворки общественной жизни духовные факторы человеческого бытия, всякую духовную напряженность и поиск, нравственный ригоризм и аскетизм. Все эти духовные феномены стали рассматриваться как отмирающие реликты, мешающие прогрессу. Результат всего этого известен: обесчувствование и обездушивание жизни, выхолащивание души человека, освобождение его сознания от всего священного. В этом контексте религиозное сознание признается лишь как некая условность, формальность, как дань традиции, уступка исторической инерции.

Таков печальный итог восхождения общественного сознания от религиозной и метафизической фазы развития человечества к «позитивному» знанию. Этот итог в своей действительности явил собой эрозию и разрушение человеческих представлений о подлинных ценностях.

Сегодня мы наблюдаем торжество «массового общества», «массового человека» («человека-массы») — или, если прибегнуть к терминологии Г.Маркузе, «одномерного общества» и «одномерного человека». Омассовление условий и форм жизни не могло не проявиться в усреднении культуры, в распространении ее примитивных и вульгарных образов, стандартизированных и тиражируемых современными техническими средствами и, соответственно, к формированию особого типа человека, который можно квалифицировать как усредненный продукт городской массовой культуры. Если говорить шире, то следует подчеркнуть, что сегодня сформировалась новая общность, получившая определение «масса», в границах которой медленно, но верно деформируются родовые черты не только личности, но и этносов, исторически сформировавшихся народов на планете Земля. Масса состоит из однородной совокупности одинаковых людей, лишенных корней и традиций. Она нивелирует и обезличивает человека, не поддается структурированию, неадекватно реагирует на происходящие события, легко возбудима, безответственна и жестока. Культom массы становится низшие, витальные, человеческие потребности — питание, секс, спорт.

В силу всего этого она является благодатной средой для «социального зомбирования», социального внушения. Отсюда в наше время небывалый расцвет различных массовых идеологий, радикальных квазирелигий, социального мифотворчества и утопизма, разгул экстремистов всех мастей, начиная от политиков и заканчивая «звездами» эстрады и кино.

Информационный взрыв, новые коммуникационные сети обернулись невероятным давлением на все человеческие органы чувств. Вместе с этим сегодня утвердились технологии «промыывания мозгов» с целью формирования нужного типа сознания, ценностных установок и стереотипов поведения людей.

В целом, когда речь идет о средствах массовой информации, то важно иметь в виду, что к сегодняшнему дню возникли глобальные информационные поля, способные действовать на сознание людей поверх государственных границ, создавать возможность манипуляции человеческим сознанием в планетарном масштабе. Следствия всего этого крайне прискорбны. Вот одно из них. На земле сейчас живет более шести миллиардов человек, а возможность реализовать потребительский образ жизни имеет всего лишь

один миллиард, так называемый «золотой миллиард», и то с большими оговорками, а для остальной части человечества «полное удовлетворение всех материальных потребностей», в принципе, не реализуемо не только сегодня, но и не предвидимо даже в самой отдаленной перспективе. Однако СМИ современных богатых стран, прежде всего США, во всю горизонталь разрекламировали по всему миру — и в Африке, и в Австралии, и на Чукотке, и т.д. образ жизни данных стран. В результате теперь все не довольны своей жизнью, все оторвались от своей почвы и возненавидели ее, все хотят жить как в Европе, все, несмотря на свое афро-австралийско-азиатское экономическое развитие, обрели парижские потребности. «Давай Европу!», «Хотим Европу!» — требуют все. Им и в голову не приходит, что европейский уровень жизни для всех на всем нашем «обшаренном» шарике, где все обсчитано, все измерено и всего оказалось мало, невозможен.

Оторванность от своей почвы, от традиционного уклада жизни, оборачивается потерей привычной гармонии, жгучей неудовлетворенностью, фрустрациями, неврозами, наркоманией, преступностью, терроризмом, наконец, самоубийством. В сущности, все это можно определить как аксиологическую катастрофу, болезнейший слом ценностных установок и ориентаций, утрату «вечных» ценностей. Последствия этой катастрофы могут быть непредсказуемо опасны. Так, например, в мире сейчас насчитывается миллиард голодных боевиков, стремящихся жить так богато, как в Европе. Никто не знает, чем это все кончится.

На постсоветском пространстве аксиологическая катастрофа обнаружила себя наиболее резко и выпукло. Самое страшное ее проявление здесь заключается в том, что СМИ практически всех стран СНГ, несмотря на очевидно глубочайшее кризисное состояние экономики и социальной сферы, целеустремленно и форсированно насаждают в сознание людей, прежде всего молодежи, гедонистическую мораль и потребительскую психологию, но одновременно с этим никоим образом не прививают трудовую культуру и аскезу. Пей, гуляй, испытывай «райское наслаждение», «бери от жизни все» и т.д. А что именно и как брать? И к чему это приводит в условиях приближающегося экологического коллапса?

В целом, в наше время в мировоззрении и мироощущении людей произошли существенные сдвиги, трансформации, изменения. Например, люди всегда знали, что существуют темные иррациональные силы бессознательно-го, всевозможные сексуальные извращения, безумие и т.д. Однако, вплоть до XX века, общество относилось к этим сторонам жизни недоброжелательно, часто репрессивно. Теперь же, напротив, данные феномены человеческого поведения становятся доминирующей темой средств массовой коммуникации, художественного творчества, кино, культивируются и поощряются. Отказавшись от веры в какие бы то ни было Абсолюты (как однозначно зафиксировал эту ситуацию Ф. Ницше — «Бог умер»), разочаровавшись в разуме, социальности и т.д., т.е. во всех прежних «базовых опорах» жизни, «цивилизованный человек конца XX — начала XXI века остался один на один со своей чувствительностью, погрузился в мир «чувственной культуры» (П. Сорокин). Иными словами, наша современность отвергла все основания существования человека, которые признавались в прошлом, не создав новых надежных опор жизни. В настоящее время ужас осознания бессмысленности, неразумности жизни стал фактом истории. Возникло ощущение

безопорности во всех сферах жизни — в экономике, морали, политике и т.д., сформировалась эпоха тотального плюрализма, для которого нет никакой иерархии ценностей, нет никакой смыслообразующей и общезначимой цели. Исчезли приоритеты, общество атомизировалось в атомы-индивиды, ведущим стало стремление замыкаться на своем личностном «Я» — по принципу «Я так хочу», не ориентируясь на другие ценности, не пытаясь соотноситься с ними. Не удивительно, что сейчас исследователи все с нарастающей тревогой заговорили об антропологической катастрофе, как более опасной, чем даже экологическая и демографическая катастрофы. Антропологическая катастрофа — это потеря человеком человеческого, измельчание и деградация человека, неслыханные его порча, духовное оскуднение. В результате антропологической катастрофы душа человека опустошается, он перестает кому-либо и чему-либо верить, ожесточается, утрачивает социальные связи и начинает руководствоваться в своем поведении простейшими биосоциальными нормами, господствовавшими еще в доисторический период. Такой человек поэтому становится легкой добычей рекламы, превращается в заводную, легко манипулируемую игрушку, бездушный винтик потребительского общества, обнаружившего в себе тенденцию к превращению жизни людей в «исполинскую толчею» (если прибегнуть к высказыванию выдающегося русского философа К.Леонтьева), толкущую всех и все «в одной ступе псевдогуманной пошлости и прозы», всех и все подводящей «к одному знаменателю»*. В сущности, это «общечеловек», у которого оборваны связи с природным и культурным космосом своего народа, утрачена память ландшафта и память предков, видение высших небес и ощущение земной почвы, атрофирована потребность в высокосложном и уникальном.

* К.Леонтьев в своих работах «Византизм и славянство», «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» и др., пожалуй, первый в мировой социально-философской мысли достаточно определенно зафиксировал симптомы формирования «массового общества» и «массового человека» и, вместе с тем, глубоко осмыслил опасность подавления техноцентрической цивилизацией всего органического в жизни людей. По Леонтьеву развитие человеческой цивилизации подчинено трем ступеням: «первоначальная простота», «цветистая сложность» и «вторичное сместительное упрощение». В эпоху «вторичного сместительного упрощения» (т.е. в наступающий век технологической цивилизации), в отличие от эпохи «цветистой сложности», вместо великого творчества господствует механическая работа, вместо ярких индивидуальностей — «большая бесцветность», серая масса, сумма простейших, вместо воинского духа и доблести — борьба за мещанское благополучие, вместо большой поэзии — пропаганда. Построенная на этих началах культура расширяется и в то же время намечает путь к поверхностному однообразию, обезличенности ее продуктов. Возникают общие формы жизни, и все вокруг становится одинаковым — платье, транспорт, архитектура, идеалы, мировоззрения. Самое творчество — наука и искусство — поставлены на службу этому. Технический прогресс ускоряет всеобщую нивелировку, превращение личности из органической клетки в обезличенную часть, орган. Поэтому, согласно Леонтьеву, всякая новая машина, новый канал, новое научное открытие и книга, сближающие людей, ужасны, патологичны. Все это лишь орудие смешения и «нетворческого упрощения». «Приемы эгалитарного прогресса сложны, цель груба, проста по мысли, по идеалу, по влиянию и т.п. Цель всего — средний человек, буржуа спокойный среди миллионов точно таких же средних людей, тоже спокойных» [1, С.147]. Во времена Леонтьева такие суждения были гениальным пророчеством, ибо тогда описанные им процессы только еще начинали себя обнаруживать, выступали в виде тенденции. В XX веке, в индустриально развитых странах эти процессы приобрели тотальный характер, обнаружили себя зримо. К настоящему времени на Западе опубликовано десятки работ наиболее известных мыслителей, в которых они однозначно зафиксированы и концептуально раскрыты.

В современной литературе такого человека часто квалифицируют как «туриста», который в отличие от традиционного «паломника» не ищет единого смысла, не определяет сакральный центр и профанную периферию, не ориентируется на определенную систему ценностей, ангажирующую и мобилизирующую его. Напротив, существенной чертой «туриста» является стремление к отстранению и освобождению от любых норм, смыслов и ценностей, в том числе и от всяких национальных, культурных и нравственных ограничений и привязок. Такой человеческий тип и в самом деле наиболее органично, имманентно вписывается в навязываемый современному миру глобализационный проект.

Рассматриваемый тип человека (глобализирующаяся личность) может быть квалифицирован как современное «экономическое животное», ставшее рабом своих материальных потребностей, чем дальше — тем больше приобретающих неорганический и иррациональный характер. Из божественного микрокосма — существа духовного и беспредельного — он превратился в «человека—функцию», неорганическое и ограниченное болезненно-невротическое существо, смысл личного бытия которого — чувственно-эмоциональные удовольствия, потребление и телесный комфорт. Такой человек в принципе не способен откликаться на сложнейшие вызовы эпохи, осознать всю остроту проблем, стоящих сегодня перед обществом. Это небывало упрощенный человеческий тип, абсолютно неспособный мобилизоваться перед лицом надвигающихся на человечество угроз и опасностей. (Верно сказано, что народы способны выдержать испытание бедностью; но ни одному народу не дано выдержать испытание богатством. Или можно сказать иначе: «Цивилизация рождается стойком, а умирает — эпикурийцем» (Уим Дюрант).

Иной читатель, конечно, всему этому может возразить, заметив, что для основной массы населения, например, постсоветского пространства разговоры об экспансии искусственных, ложных потребностей не более как надуманная проблема: дай Бог как-нибудь удовлетворить самые элементарные потребности и обеспечить свое физическое выживание. Это верно. Однако, какова интенция? Каковы ориентации? Они известны. Любой ценой стать Западом («обществом потребления»), воспроизвести его социальные структуры и образ жизни. «Вирус потребительства», завладевший сознанием и поведенческими реакциями значительной части населения постсоветских государств, в том числе и восточнославянских стран, уже давно является серьезным препятствием на пути к реализации исторического выбора и утверждения социокультурной модели развития, соответствующей экологическому императиву XXI века. Так что все эти проблемы уже актуальны и для нас.

Сегодня идея материального благополучия («удовлетворения всех материальных потребностей») прочно утвердилась в массовом сознании большинства людей мира. Для жителей стран «золотого миллиарда» эталоном материального уровня жизни выступает, по крайней мере, достаток миллионера — с собственной виллой, мерседесами, яхтами, самолетами и массой иных престижных вещей и предметов, для граждан менее богатых государств — уровень жизни, утвердившийся в западных странах. Именно такого рода идеал каждодневно, методично и последовательно насаждается американскими и западноевропейскими (а сегодня и российскими) средствами массовой информации.

Речь в данном случае идет о сверхпотребительстве, перманентно нарастающем на протяжении всего развития техногенной цивилизации и достигшем апогея в наше время. «В течение каких-то десятков лет всепроникающая телереклама создала целый мир раздуванного, не знающего удержу потребительства, где физические нужды граждан, ограниченные, казалось бы самой природой, раздуты и доведены до абсурда столь же искусственно, сколь и искусно. Демон потребительства, втягивая в свой круговорот все большее число людей и ресурсов, заставляет «свободных граждан» участвовать в бешеной гонке по кругу до полного физического и морального истощения. Отсюда — невиданная по масштабам пандемия сердечных и нервных болезней, резкое пополнение рядов душевнобольных и самоубийц. Отсюда и СПИД, который, как считают специалисты, напрямую связан с истощением ресурсов организма из-за злоупотребления лекарствами и тониками. Но — отсюда и питательная среда для коррупционеров, рэкетиров и прочих носителей анархии, когда разборки бандитов и терроризм становятся социальной нормой [2, С.1018].

Чтобы не возникало никакого сомнения в доминировании идеала потребительства в современном массовом сознании над всеми другими ценностными установками и ориентирами, достаточно познакомиться с предвыборными программами и лозунгами самых разнообразных политических сил и партий, стремящихся прийти к власти: никто из представителей этих сил и партий не призывает граждан своих стран к утверждению этики самоограничения и аскезы, к формированию ценностной системы координат, направленной на формирование эколого-безопасного общества, напротив, все они, включая даже самых харизматических лидеров, сулят своим избирателям небывалое материальное изобилие и процветание. И это понятно: без такого рода обещаний они не имеют ни малейших шансов на успех. Такова, к сожалению, реальная ситуация. Утверждение общества потребления стало глобальной идеей и эпохальной иллюзией современности одновременно. Эта иллюзия, на которой все еще удается паразитировать международной финансовой олигархии, способна привести человечество к самоистреблению. Развернувшийся ныне подспудный и открытый передел мира — ее зловещее проявление.

От искуса потребительства к «царству Антихриста». Сегодня мы стали свидетелями все более явной тенденции формирования человека, концентрирующего всю свою энергию на реализации какого-либо частичного момента человеческого бытия. Оказалось, что самым удобным человеком для управления является человек-атом, человек-функция, «частичный» человек, человек-потребитель, человек-«кочевник», человек-космополит, человек-«перекати-поле», человек, лишенный укорененности в традиции, человек, доминирующим стремлением которого является желание «хлеба и зрелищ» (разумеется, в их современном выражении), или даже «виртуальный» человек «Номо electricus» с перспективой, по мере утверждения «электронной цивилизации», замены его киборгом.

Культивирование такого типа индивидуумов — свидетельство того, что пропагандируемое и формируемое глобальное мегаобщество не заинтересовано в возвышении человеческой личности, в ее качестве. Напротив, все говорит о том, что качественная деформация человеческой «материи», деградационные процессы в культурно-духовной жизни, «царство посредствен-

ности», стагнация однообразия, упрощение (примитивизация) социальных отношений, становится целью нынешней глобализации. Девальвация человека, его умственно-душевная недостаточность, его ориентация на ложные идеалы, ложные религии, принятие им искаженного масскультовскими мифами своего собственного образа — все это весьма устраивает современные глобалистские структуры. И происходит это потому, что для нынешних глобалистских элит человек не является целью организации мирового порядка, а выступает лишь как средство для его утверждения, функционирования и воспроизводства.

Мы ведь видим, что нынешняя глобализация осуществляется не в интересах всего человечества, его возвышения и облагораживания, а в локально-сепаратных, корпоративных интересах относительно узкой группы людей. Мы не можем также не заметить, что в процессе реализации глобального проекта овладения миром происходит не развитие, а примитивизация человека, что «выбраковываются» не «низкие», а «благородные мужи», не злые, жестокие, коварные, эгоистические, а честные, самоотверженные, добрые люди. А выбраковываются они, потому что оказываются органически не приспособленными к бесчеловечным условиям современного рынка. В результате, происходит не развитие, а усреднение и социальной жизни, и «человеческого материала»; процесс умножения безликоусредненных индивидуумов, который несет в себе в то же самое время заряд «пассивной агрессивности» («не дай себе засохнуть», «все — и сразу»).

Нельзя не видеть, что глобалистские структуры («олигархический интернационал»), ставшие к сегодняшнему дню самостоятельным и наиболее влиятельным социальным субъектом современного мира, стремятся присвоить себе право не только управлять народами и государствами по собственному усмотрению, но и полностью подчинить отдельно взятого человека неограниченной, тотальной власти. Для этого, например, «создаются всеобъемлющие электронные базы данных, которые включают информацию о структуре ДНК, отпечатки пальцев, сведения о поведении любого гражданина на планете. Предполагается, что через 15 лет базы данных охватят больше половины человечества. Все мы окажемся в одной всемирной базе данных» [3, С.115]. Причем, характерным здесь является то, что глобализм, стремясь к утверждению тотальности в области экономики, в сфере же культуры, в социальных связях, в духе, напротив, пытается насадить абсолютную антитотальность, создать ситуацию разобщенности, разрозненности, разделенности.

Зачем? Оказывается разрушение всякой человеческой солидарности и коллективности открывает путь к утверждению иного, ранее не известного, типа тотальности — сетевого общества с цифровой идентификацией. На деле, присвоение человеку идентификационного кода вместо имени* уравнивает всех людей в бесправности, открывает беспрецедентные возможности для превращения их в объект беззастенчивой манипуляции и управления. В связи с этим западный исследователь З.Бауман пишет, что сама глобализация есть не что иное, как тоталитарное проникновение логики глобальных финансовых рынков во все аспекты жизни, а формируемый ею порядок «становится показателем бессилия и подчинения» [цит. по 4, С.35].

* На Нюрнбергском процессе в 1946 г. военный трибунал признал присвоение номеров людям преступлением против человечества, не имеющим срока давности.

Зловещий характер данных процессов констатируют сегодня многие авторы. Так, по мнению Л. Ларуша, предпринимаемые в этом направлении действия глобалистских структур — это не ошибки и просчеты, а нанесение умышленного вреда миллионам людей. Это, согласно ему, сознательно творимое зло [5, С.90].

Как все это понимать? Чем обусловлена такого рода ориентация определенных финансово-экономических и политических групп, центров принятия решения в современном мире?

Все это не поддается рациональному объяснению. Не представляется возможным такого рода установки объяснить, исходя только из ненасытной жажды власти, из стремления к гипергегемонии, к накопительству, из феномена человеческой алчности и т.п. Все это имеет место быть, но всего этого явно не достаточно для установления причин, глубинных мотивов к сознательному творению зла в мире. Здесь присутствует что-то еще, что-то иррациональное. Что же?

Сегодня немало исследователей указывает на мистические и оккультные корни целого ряда процессов, протекающих в экономической, политической и социокультурной жизни людей нашей планеты. В частности, Р.И. Соколова пишет: «Когда материальное вытесняет дух, на его место входит лжедух — за утратой религиозной духовности последовал взлет мистицизма и оккультизма. Это стало результатом полного духовного разложения, которое произошло в западных «христианских» конфессиях и принятия языческих форм верования — медитации, инициации, современной пятидесятницы, различных видов оккультизма и пр. И, естественно, вслед за языческой мистикой последовал обвал моральных норм всего Запада, в том числе духовности. Языческая нравственность во всех ее самых низменных содомских проявлениях буквально захлестнула весь западный мир, сделавшись обыденной формой жизни человека. Языческая мистика и нравственное падение явились лишь видимым следствием другого, более глубокого духовного явления — всеобщего отступления от христианских основ жизни (апостаси)» [6, С.125]. Факт необычайно широкого распространения сатанистских движений в мире — убедительное подтверждение сказанному. Так, в США существует около 8 тыс. сатанистов. Американские сатанисты имеют множество филиалов своей организации в большинстве стран Западной Европы, Латинской Америки, а так же в Канаде, Австралии, Новой Зеландии и России [6, С.125].

Хотя для рационалистически ориентированных интеллектуалов разговор о мистически-оккультных причинах сознательно творимого в мире зла может показаться просто фантастическим, все же вряд ли будет правильным игнорировать эти причины в принципе, полностью от них отмахиваться, «с порога» отбрасывать при осмыслении некоторых, причем весьма значимых реалий нашего времени. По видимому, оккультно-мистические взгляды и ритуалы, берущие начало в темных глубинах прошлого, к сегодняшнему дню обрели относительную самостоятельность, стали самодостаточной силой, властно воздействующей на сознание членов масонских лож, многих финансистов, политиков.

В последнее время, например, все более определенно и доказательно говорится и пишется о мистических корнях германского национал-социализма. Так, гипотеза о тайной общине, скрывающейся за национал-социализмом,

находит свое подтверждение во многих современных исследованиях. «Есть подлинно демоническая община, руководимая скрытыми догмами, гораздо более разработанными, чем элементарные доктрины — «Майн Кампф», или «Мифы XX века»... Мы считаем вероятным, что мистическая загадка разрешается существованием люциферовского течения. Все это может послужить для объяснения страшных фактов более правдоподобным образом, нежели объяснения обычных историков...» [7, С.51–52]. Так пишут два французских автора — Л. Повель, Ж. Бержье в своей книге «Утро магов. Власть магических культов в нацистской Германии». Подобного рода соображение высказывает и немецкий исследователь П. Элен. Он, в частности пишет: «Искушения, приведшие к Освенциму, в конечном счете, можно понять лишь с религиозной точки зрения» [8, С.15].

В самом деле, невозможно объяснить только одними социальными проблемами, экономической инфляцией, фактом «униженности нации» то обстоятельство, что именно Германия, одна из самых цивилизованных стран мира, если конечно исходить из критериев развития науки, техники, культуры, стала местом рождения гитлеровского нацизма. Наверное, здесь все же имело место сочетание «некоторых причудливых культов и некоторых ошибочных космогоний, которыми до сих пор пренебрегали историки» [7, С.5].

Не следует забывать и в наш, казалось бы абсолютно прагматически-рациональный век, что в мире существует «такое фундаментальное и трудноопределимое понятие как зло, имеющее религиозное, социальное, метафизическое измерение. В эпоху глобализма можно говорить об организованном, многоликом и разумном Зле, которое зафиксировали многие ученые» [6, С.132].

Как ни странно это звучит сегодня, для адекватного описания многих процессов, бурно протекающих в нашем земном мире, может оказаться весьма полезным вечный образ Антихриста. Ныне образ антихриста как нельзя лучше подходит для нового прочтения целей развития человечества, стремительных процессов формирования нового мирового порядка, нового мироустройства, радикального изменения, господствующего на протяжении многих столетий человеческого мировоззрения. Антихрист, как показал в своей статье «Проблема антихриста как проблема тоталитарного слома европеизма» В.К.Кантор, стремится к мировому господству не только силой оружия, но и силой обольщения [9, С.16–18].

От «Заката Европы» О. Шпенглера к «Смерти Запада» П.Бьюкенена. Духовная деградация и разложение неизбежно ведут и к физическому вырождению, к гибели народов, государств и цивилизаций. Это полностью касается и современного Запада. Несмотря на все свои внешние успехи, экономическое могущество, политическое и культурное влияние в мире, Запад сегодня оказался в ситуации отсутствия ясных перспектив своего дальнейшего цивилизационного развития. Многие исследователи западных стран (взгляд изнутри), начиная с О.Шпенглера, автора книги «Закат Европы», будоражащей сознание интеллигентных кругов европейских стран почти весь XX век и, заканчивая, пожалуй, П.Бьюкененом, известным американским политиком и исследователем, опубликовавшим в 2002 году «шокирующий бестселлер» под названием «Смерть Запада», с нарастающей тревогой говорят и пишут о тупиках саморазрушения и возможном скором разложении и гибели западноевропейской цивилизации. При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что распад духовных основ западноевропейского общества как христианской

цивилизации, его интенсивная дехристианизация вызвали к жизни целую серию новых угроз и проблем, связанных с физическим существованием народов Западной Европы как носителей уникальной, в принципе нигде более не воспроизводимой культуры и цивилизации. Так, в трактовке Бьюкенена, первой и наиболее осязаемой среди них является демографическая проблема — депопуляция, резкое убывание европейского, принадлежащего к белой расе населения [10]. Главной причиной изменений стандартов поведения населения западных стран стали ориентация на изнеженно-комфортный, гедонистически-потребительский образ жизни, на полную свободу самовыражения, повышенную любовь к самому себе, доведенную до забвения всех других смыслов жизни, оголтелый индивидуализм.

Если сегодня вся незападная часть населения мира все же в большей или меньшей мере сохранила стремления иметь детей, а стало быть и стремление сберечь свои общества, народы, их веру и культуру, то Запад, обогнавший весь мир по уровню научно-технического прогресса и экономического преуспевания, осуществивший множество всяких революций во всех сферах своей жизнедеятельности, к настоящему времени, похоже, утратил, или, в лучшем случае, утрачивает это желание. Бесконечная модернизация, радикальное изменение базовых ценностей жизни, всех традиционных основ человеческого существования, получивших теперь свое теоретическое оправдание в философии постмодернизма, с удивительной легкостью привели к вырождению в глубинных «недрах» западноевропейского социума пассионарной энергии.

Конечно, падение рождаемости, отказ от многодетности как поведенческой нормы имеет, как и всякое сложное явление вообще, множество причин, каждая из которых под определенным углом зрения может показаться главной. Нельзя, например, серьезно говорить о современной демографической ситуации на европейском континенте, без учета того обстоятельства, что именно Западная Европа, первая вступившая на путь индустриализации и, соответственно, интенсивной урбанизации, тем самым привела в действие (запустила) активный процесс экономического раскрестьянивания в своих странах. В плане этнодемографическом этот процесс возымел далеко идущие последствия в современном мире. Там, где оказалась разрушенной или вытесненной на периферию социально-экономической и повседневно-бытовой жизни общества традиционная крестьянская семья и почти тотально возобладал городской образ жизни, — там повсеместно наблюдается резкое снижение рождаемости. Именно город, легализовавший аборт и контрацептивы, возвел сначала в норму одно-двухдетную, а затем и совсем бездетную семью. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие данные: 60% амстердамцев признались в проведенном опросе, что вообще не хотят обременять себя детьми; одиночество предпочитают браку 11% французов, 14% нидерландцев, 22% датчан; в Бельгии на все 10 млн. жителей — 928 548 семейных пар вообще не имеют детей [11, С.46]. Иначе говоря, страны, где космоцентрическая традиционная деревенская культура оказалась вытесненной городской техноцентрической цивилизацией, с нарастающей быстротой стали утрачивать свою демографическую перспективу, а с нею, возможно, и всякую перспективу вообще.

Процесс этот был бы, естественно, менее болезненным, если бы раскрестьянивание одновременно проходили все нации, все народы и государства.

Но это не так. Западноевропейцы, первые осуществившие индустриализацию, вырвались в данном процессе далеко вперед, обогнали все другие страны и регионы мира. И этот закон неравномерного развития играет сегодня с Европой дурную шутку: европейцы, похоже, необратимо стали проигрывать развернувшуюся в современном мире «демографическую войну». В сущности, сегодня идет бурный процесс завоевания белого мира афро-азиатами и латиносами, осуществляется своего рода «глобальная Реконкиста». И что интересно, европейцам приходится мириться с этим: всякое прямое и открытое сопротивление данного рода ползучей оккупации может разрушить хрупкий расовый, национальный и этноконфессиональный мир, как это, например, произошло в Косово, где албанцы, для которых более характерны многодетные семьи, стали буквально за несколько десятилетий доминирующим этносом в крае, вытеснили из «сердца Сербии», снизивших свою рождаемость сербов. В результате чего коренным образом изменилась вся социокультурная ориентация региона. Чем это кончилось, мы все хорошо знаем. Косово — это грозное предупреждение всем народам, вступавшим на путь депопуляции. Вот одно, возможно, несколько драматизированное рассуждение на этот счет: «Европейцы завоевали этот мир огнем и мечем, проливая реки крови. И добились к началу XX века полного господства над огромными территориями, буквально — от Северного полюса до Южного. Но сейчас они позволяют завоевывать самих себя. При этом вновь проливаются реки крови — только не зримой.

Когда-то европейцы вели войны с другими народами, уничтожая чужих детей. Вплоть до полного геноцида в обеих Америках, например. Сегодня же они воюют с собственными народами, уничтожая собственных детей. Неважно, где совершается преступление — за глухими стенами абортария или за прозрачными стенками презерватива: результат один — это гибель поколения европейцев...

Вдумайтесь в цифру социологических опросов: уже всего лишь только 4% шведок — против абортов. Да это же целое поколение матерей-убийц! Чего от них ждать? А ведь «продвинутая» Швеция задает тон в этом вопросе...

Безумный мир! В нем все перевернулось с ног на голову! Все ценности извращены, вся перспектива сменилась на обратную» [11, С.62]. Далее автор подчеркивает, что все это происходит во имя уходящих, отцветающих поколений, их комфорта, во имя спокойствия людей, предпочитающих «прошлое, которого уже нет, и настоящее, которое мимолетно, — будущему» [11, С.62].

И в самом деле, смогут ли Европа и США, у которых, как свидетельствуют многие авторы, так и не получилось «плавильного котла», долго себя сохранить? Интересно, с кем со стороны Запада через какое-то, возможно не слишком продолжительное время, будут соседствовать все еще более-менее успешно сохраняющие свой этнический состав беларусы, украинцы, да и русские, которых в России на сегодняшний день не менее 80%? Может тогда восточнославянские страны будут граничить вовсе не с коренными европейскими народами, обладающими своей развитой культурной традицией? Может быть им тогда волей-неволей придется занимать круговую оборону от новоявленных национально-государственных образований, отнюдь не принадлежащих к христианской цивилизации. В любом случае, демографическая война за европейское наследие уже началась. Эта война

хотя и не зримая, но не менее кровавая и ужасная, чем любая другая война. Главный результат этой войны, как и всякой войны — уменьшение населения противника.

Н. Фергесон, английский исследователь, назвавший в своей статье «Мир без гегемона» США «колоссом на глиняных ногах», говоря о перспективах Европы как самостоятельном конкурентноспособном «игроке» на мировой арене, дает ей следующую характеристику: «Старая Европа стареет все больше» [12, С.24]. Он пишет, что, несмотря на впечатляющее расширение ЕС, не говоря уже о валютном союзе 12 входящих в него стран, демографические реалии обрекают Европейский Союз на сокращение его международного влияния. Снижение рождаемости и рост продолжительности жизни ведет к тому, что средний возраст жителей Западной Европы уже менее чем через полвека приблизится к 50-летней отметке. Старая Европа скоро станет в прямом смысле слова старой.

В принципе Европа стоит перед болезненным выбором: либо допустить в страны еще большую иммиграцию и связанные с ней социокультурные перемены, либо превратить свои «страны в закрытые укрепленные сообщества пенсионеров» [12, С.24]. При этом, исследователь подчеркивает: «Если события будут и далее развиваться так, как они развивались в последние несколько десятилетий, двухвековому доминированию Европы, а затем и ее гигантского североамериканского отпрыска, придет конец. Япония была лишь провозвестником азиатского будущего. Она оказалась слишком мала и слишком интравертна, чтобы изменить мир. Но те, кто идет вслед за ней — и прежде всего Китай, свободны от этих недостатков... Европа была прошлым, США являются настоящим, а Азия, с доминирующим в ней Китаем, станет будущим мировой экономики» [12, С.17].

И действительно, исторический опыт свидетельствует, что наиболее надежной социальной базой промышленного производства являются не горожане третьего — четвертого поколений, ориентированные на изнеженный, комфортный образ жизни, а сохранившие традиционную аскезу вчерашние крестьяне, которые умеют сочетать в себе трудолюбие, терпение, скромность, способность к жестким ограничениям и сдерживанию своих субъективных притязаний. Известный российский философ А.С. Панарин пишет в данной связи: «По этому критерию Китай и Индия выступают в качестве стран, сохранивших самую большую социальную базу продуктивной экономики в лице аграрного большинства населения, поставляющего материал для гигантских промышленных армий. На Западе, где процесс урбанизации давно завершился, такая социальная база уже утрачена. Горожане третьего — четвертого поколений стали дезертирами продуктивной экономики, предпочитающими легкий хлеб новых рантье, держателей ценных бумаг и азартных игроков глобальных финансовых рулеток («пирамид»)» [13, С.38].

Такова историческая плата западных европейцев за индустриализацию, раскрестьянивание, урбанизацию, потребительство, гедонизм и комфорт.

Глобализация, будучи направленной на подрыв национальной основы государств, на унификацию и стандартизацию образа жизни людей всех стран и регионов нашей планеты, угрожает самобытному развитию не только неевропейским народам, но и самому западноевропейскому, «культурно-историческому типу». Унифицируя этническое, культурное и цивилизационное многообразие, которое по многим признакам для выживаемости

человечества имеет такое же значение, как разнообразие видов в живой природе, угрожает всем без исключения государствам и народам. Пресечение этнического, культурного и цивилизационного многообразия, полная планетарная интеграция, переход от множественности государств, народов, наций и культур к униформному миру обернется, если не гибелью и смертью социального мира вообще, то, по крайней мере, его бесконечным упрощением и обеднением. Закон разнообразия — важнейший закон системогенетики — общей системной теории, исследующий общие законы преемственности, наследования эволюции в «мире систем» [14, С.79].

Надеяться, что под воздействием западноевропейских ценностей все народы мира (нации, этносы) с их бесконечно разнообразными культурами будут трансформированы в некое единое аморфно-всеобщее человечество, — очередная эпохальная иллюзия. В многообразии человеческого духа, многоцветии культур народов — жизненность и сила человеческого рода. Всякие попытки, на наш взгляд, свести человечество к некому единообразному конгломерату людей — есть бесовщина и дьявольщина. Исторически сложившееся деление человечества на культурно-исторические типы, или, как принято сегодня говорить, на различные локальные цивилизации, является непреодолимым препятствием на пути реализации глобального проекта унификации человечества.

Закон разнообразия как закон социальной эволюции, т.е. как закон развивающейся «социальной онтологии» человечества позволяет нам говорить об утопичности всех мондиалистических* концепций и теорий глобализма, направленных на унификацию социального мира. Этот закон однозначно указывает на необходимость переосмысления утверждаемого ныне в мире глобализма под эгидой США и по американскому образцу навязываемой модели социокультурного развития человечества, сопряженной с идеей «нового мирового порядка».

На самом деле, от навязываемой ныне глобалистскими структурами унификации мира. Европа пострадает больше, чем любой другой культурно-цивилизационный тип, поскольку именно в Европе наиболее интенсивно осуществляется такого рода деконструкция генетического кода истории, которая превращает ее в нечто отдаленно напоминающего Запад. В Западной Европе отказ от политического суверенитета сопровождается, вместе с тем, и отказом от суверенитета национально-культурного. Ведь не случайно, в самом деле, Западноевропейский регион выступает примером самой продвинутой глобализации.

В случае продолжения осуществления проекта глобализации прежним способом, во имя «подчинения» истории эгоистическим интересам и эзотерическим целям мировой финансовой олигархии, человечество ждет невеселые времена. Глобализация как форма подлинной интеграции и действительного объединения человечества может только в том случае стать возможностью и необходимостью, если она вместо унификации и нивелировки будет сориентирована на сохранение человеческого разнообразия, на реализацию прин-

* «Мондиализм» — учение и программа установления нового глобального мирового порядка с единым мировым правительством во главе, идеи которых стали формироваться в 20-х годах в США и которые в настоящее время связаны с идеей сохранения «золотого миллиарда» населения США и Западной Европы в качестве доминирующего и господствующего на нашей планете.

ципа справедливого равенства между странами, народами, если в ее основу будет положен принцип многоцентричной организации экономической, политической и культурной жизни людей. «Глобализация как таковая вовсе не противопоказана человечеству, но она должна протекать объективно-естественно, ради решения общих проблем, во имя высших идеалов и подлинного развития, а не осуществляться насильственно, с жестким формированием ее процессов путем экономического и политического давления».

От «удобства управления» к фундаментальному сбою социальной эволюции. Глобализационные стратегии в соединении с безграничными возможностями современных информационных технологий порождают одновременно и идею о возможности нового типа власти, и практику ее осуществления. Но все дело в том, однако, что современная информационная техника, создавая новые возможности для усиления господства глобалистских структур и в целом властных элит, ставит под угрозу не только свободу людей, но и само выживание человечества. Если и в самом деле «прогресс» в управлении обществом будет и дальше достигаться за счет качественной деформации человеческого «материала», девальвации человеческой личности, то нам не избежать фундаментального сбоя социальной эволюции, сбоя, угрожающего бытию человечества как целого [15, С.26]. В этом случае уже речь должна идти не о каком-либо «локальном» кризисе, а об антропологическом мегакризисе.

Проблема здесь в том, что нормальная эволюция все более усложняющегося мира социума объективно предъявляет все более возрастающие требования к развитию интеллекта, воли, творческих способностей человека, т.е. развития всех тех личностных качеств, которые форсированно разрушаются современной массовой культурой, агрессивной, навязчивой и вездесущей рекламой. Человек, которому внушают, что главной целью его существования является бесконечное повышение комфорта его жизни, вряд ли сможет дать ответы на жесткие вызовы современности, вряд ли окажется способным к преемственности и продолжению социальной эволюции. В этом суть глобального противоречия между объективным эволюционным процессом человека в мире и интересами элит, мотивированных целью сохранения своей власти и удобства управления. Не удивительно поэтому, что сегодня исследователи все чаще обращают внимание на характерное для постиндустриального общества трагическое противоречие между потребительской направленностью массового сознания, этикой гедонизма (всячески поощряемых рекламными технологиями) и личностными качествами человека, которые требуются для дальнейшего научно-технического прогресса. Так, например, западный исследователь Д.Белл усматривает главное противоречие постиндустриального общества в конфликте между технократически регулируемые экономическими и социальными структурами и гедонистически ориентируемой этикой поведения современных людей.

При этом необходимо иметь в виду, что физическая изнеженность — это лишь первое следствие технологизации общества. Второе следствие — это волевая, морально-психологическая и умственная изнеженность (ленность духа), проявляющееся в безответственности, равнодушии и безалаберности. В результате глобальная личность — детище техногенно-потребностной цивилизации — становится чуждой и враждебной ей силой, не способной далее обеспечивать ее поступательное развитие.

Кроме того, надо иметь в виду, что «пряников» на нашей грешной земле никогда на всех не хватало. Не хватает их сейчас и явно не будет хватать их в будущем. Поэтому необходимым условием существования глобальной личности, ориентированной на изнеженность и комфорт, становится жесткое разделение населения нашей планеты на две неравные части: «избранное меньшинство» и «отвергнутое большинство». Нетрудно заметить, что такого рода стратегия мироустройства является деструктивной и трагически опасной.

В реальности, только общество, состоящее из индивидуальностей, способно к совершенствованию и более устойчивому развитию. Именно гетерогенность человечества, его дифференцированность по интеллекту и всем другим качествам обеспечивает его выживаемость, является объективной основой для специализации людей по роду и направлению занятий, помогает им приспосабливаться к самому широкому диапазону требований развития. Унификация же стиля и образа жизни, стереотипизация мышления и стандартизация оценок посредством СМИ (раньше всех ставшими глобальными) делает человека не способным к адекватной реакции на эти требования развития. Спору нет, что для бесперебойного функционирования и преуспевания транснациональных корпораций весьма желательно и удобно именно унифицированное рыночное пространство, а также наступление «века толп», для которых наиболее приемлемым является инфантильно-потребительский образ жизни. В обстоятельствах абсолютного преобладания обезличенно-навелированных людей-автоматов, легко ориентируемых на приобретение самых разнообразных товаров — от жевательных резинок до примитивных масскультовских сериалов — транснациональным корпорациям обеспечено до поры до времени прогнозируемое будущее.

Но как же быть тогда с перспективами развития рода человеческого?

Депопуляция, изменения этнического состава западных стран, отказ от национальной государственности — «все это лишь вершина айсберга, внешнее проявление фундаментальных причин кризиса, лежащих в духовно-идентификационных основах западной цивилизации, в самой иерархии ценностей Запада» — пишет Н.Г.Козин в своей прекрасной статье «Есть ли будущее у Запада?» [16, С.199].

Запад уже давно свершил «подмену пафоса святынь на банальность интереса» [16, С.199], растворил свои духовные и культурные архетипы в «культуре туловища», в этике безудержного гедонизма. Поэтому его сегодняшнее демографическое неблагополучие нельзя истолковать иначе как результат духовного вырождения. «Это культура не жизни, а смерти, ибо она не дает объяснения, ради чего и как жить, замыкая человеческое бытие в границах профанных смыслов, — в пространстве того, что можно купить и чем можно насладиться. Запад уходит от поиска трансцендентных смыслов бытия, от стремления реализовать себя за пределами данных современному человеку возможностей. Он уходит все дальше от основ локальности своей цивилизации, не столько модернизируя, сколько преодолевая свои христианские архетипы. Во всех этих процессах такие специфические черты западной цивилизации, как индивидуализм, личная свобода и предприимчивость, социальный плюрализм и мобильность, в свое время являвшиеся средством возвышения и динамичного развития, в изменившихся исторических условиях становятся источником цивилизационного упадка, потери пассионарной мощи западного духа» [16, С.200].

Однако интересно, в чем конкретно заключается главная пружина и каков механизм развертывания кризиса западноевропейской цивилизации?

От тотального господства рынка к утере пассионарности и к массовому дезертирству от продуктивного труда. Известно, что буржуазное общество обнаружило в своем развитии тенденцию к тотальному господству эквивалентного стоимостного обмена, к проникновению во все поры своей жизнедеятельности контрактно-рыночных отношений. Многие находят эту тенденцию вполне естественной, оправданной и прогрессивной. С их точки зрения рынок — это один из главных, если не самый главный фактор социальной динамики. Но так ли это? Могут ли социальные отношения быть целиком основанными на контракте, на гарантиях рыночного обмена? Не может ли эта тенденция в своем логическом завершении завести и человечество в безысходный тупик? Не приведет ли полное торжество рыночного обмена к деградации, к вырождению и гибели рода человеческого?

Наиболее чуткие исследователи буржуазного миропорядка неоднократно высказывали опасения относительно способности этого порядка длительно воспроизводиться и действовать на своей собственной социокультурной и нравственной основе. С их точки зрения, контрактно-рыночная организация социальных и индивидуально-человеческих связей по многим показателям находится в антагонистическом отношении к системе духовно-нравственного и интеллектуального накопления. Это обстоятельство уже было замечено европейскими романтиками и многими теоретиками социализма (в том числе и Марксом), которые отмечали враждебность капитализма некоторым формам духовного производства, к числу которых, наряду с искусством и литературой, может быть отнесена и фундаментальная наука и система академического образования. Сегодня многие обществоведы выдвигают положение, согласно которому капитализм обязан своей устойчивостью и эффективностью до- и вне-капиталистическим предпосылкам истории, морали и культуры. Сначала такими предпосылками выступали социальные институты, исторически предшествующие капитализму, в частности, просвещенные монархии, курирующие университетское образование. Затем, со второй половины XIX века, — институты, сформировавшиеся в логике «посткапитализма» и возникшие на гребне антибуржуазных революций и реформаторского движения, в частности, здесь речь можно вести о новом социальном государстве, компенсирующем социальную близорукость «чистого рынка».

Навязываемое современному миру меновое общество, отбивающее у людей охоту и способность к всякому бескорыстию, может привести к утрате самого главного: готовности людей дарить плоды своего таланта и вдохновения миру. Это общество, формируя человеческий тип, исключительно ориентированный на индивидуалистическо-гедонистическую «мораль успеха», рискует утратить способность к обеспечению надежной работы своих социальных институтов. Гедонистически ориентированный человеческий тип, постоянно пребывая в опасении что-то вложить без отдачи, передать или сделать лишнее, неизбежно окажется не способным к активному социальному действию, всякий раз требующему инициативы и немалой доли бескорыстия.

Этот тип человека способен только на краткосрочное инвестирование — с сегодня на завтра, да и то под гарантии самой высокой прибыли. Такого раньше не было. Прежний буржуазный порядок, пользующийся людьми ста-

рого закала, которых не он формировал, действовал эффективно при средней норме прибыли 3–5 %. Хозяин старого типа вставал в 4 часа утра, будил домохозяев и принимался за дело, не щадя сил и времени» [17, С. 85].

Возьмем, к примеру, «домашнюю экономику». Многие столетия женщина бескорыстно выполняла множество самых разнообразных сложных домашних обязанностей. Ни она сама, ни члены ее семьи даже не задумывались над тем, сколько бы это стоило в случае предъявления счета? Здесь имело место бескорыстие созидания, развитая способность к дарению. Долгое время не задумывалось о рыночной стоимости труда женщины и само буржуазное общество, «бесплатно» эксплуатируя авторитарно-патриархальную мораль и традиционную жертвенность тех, кто по обычаю следовал этой морали. Теперь же мы наблюдаем бунт женщин, которые все активнее требуют включить все домашние заботы и дела в систему рыночного обмена, столкнулись со своего рода феноменом «кухонного дезертирства». И это не удивительно. Логика развертывания рыночных отношений неизбежно должна была привести к этому.

Идеологи феминизма, используя разные методики, подсчитали, что примерно от половины до двух третей совокупного общественного продукта (не учитываемого никакой экономической статистикой) давал, вплоть до последних лет эволюции капиталистического общества, бесплатный домашний труд женщин. А отсюда видно, что тотальный эквивалентно-рыночный обмен буржуазному обществу утвердить не удавалось. Оно продолжало пользоваться до- и вне-буржуазным социальным капиталом, сформированным в рамках традиционной цивилизации.

Что же может произойти с обществом, если этот капитал — капитал доверия и бескорыстного дара, в течении всей истории человечества подпитывавший любую профессиональную и общественную деятельность, вообще прекратит свою работу, почует в Бозе? Кто и что тогда сможет компенсировать бесценную значимость для общества этого капитала? Кто и как, например, будет тогда осуществлять функции рождения и воспитания детей? В самом деле, можно ли без непредвиденных драматических последствий заменить бескорыстную семейную этику дара бухгалтерским расчетом?

Сегодня деградацию способности дарения мы наблюдаем не только у женщин-матерей, но и представителей «третьего возраста» — пенсионеров, бабушек и дедушек. Современные пенсионеры стремятся свой обретенный досуг использовать в индивидуалистических и гедонистических целях. Отдавать свое время воспитанию внуков они уже не хотят, рассматривают такое занятие как «домашнее рабство». Туристические поездки, новые знакомства и даже сексуальная раскрепощенность — вот сегодняшний мотив их поведения. Подобно тому, как ныне некоторая часть молодежи бунтует против обязанностей взрослой жизни и отвергает тяготы «репрессивной социализации», старики начинают потакать своему «подсознательному», своим впечатлениям и желаниям, подавленным в период их профессиональной мобилизации.

Возможно, этот феномен массового дезертирства был бы не столь трагичен по своим социальным последствиям, если бы он ограничивался только домашней экономикой. Сегодня, однако, обнаружилось не мало симптомов того, что масштабный процесс массового дезертирства в полной мере захлестнул и саму индустриальную экономику.

Индустриальное общество добывало свой «человеческий материал» из недр совсем другого источника — деревенской (крестьянской) космоцентрической культуры. Теперь, однако, тот активный субъект западноевропейской индустриализации, в основном выходец из деревни, несший в себе колоссальный заряд энергии и нерастраченной силы, питавших промышленность и другие виды деятельности, уступил в основном место новому социальному типу — усредненному продукту городской массовой культуры. Этот новый тип человека — дитя общества потребления, («цивилизации досуга»), охваченный ныне широко распространенной в богатых странах болезнью, которую социологи называли «аномией» и значение которой близко медицинскому термину «анемия» — малокровию и безволию» [18, С. 197]. Дефицит энергии — главная характеристика этого типа. Этот новый антропологический тип, выдвинувшийся на авансцену современной истории, начисто лишен способности к бескорыстному дарению, спонтанного энтузиазма и инициативы; любую активность и любые свои социальные роли он предворяет вопросом: а что и сколько я буду иметь?

При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что вся технократическая система капиталистического общества в течение более двух с половиной веков работала на укрощение всякой спонтанной пассионарности бывших крестьян, все еще несущих в себе архетипы народного сознания. И вот, кажется, к сегодняшнему дню эта идея наконец-таки удалась. По мере того, как народный крестьянский тип укрощался, обретая технократическое законопослушание, стало обнаруживаться, что промышленная система начала утрачивать самое дефицитное — питающую ее человеческую энергию.

В итоге выявилось, что вполне натурализованные горожане третьего и последующих поколений, вооруженные соответствующими знаниями и квалификацией, вдруг оказались дезадаптированными, испытывающими глухое безразличие к собственному труду и ко всему на свете. Со всем этим можно было бы как-то мириться в прежние времена, когда ошибки технической цивилизации не носили планетарного масштаба и не порождали грозных глобальных проблем. Но сегодня это прямо грозит банкротством всей исторической эпопеи человечества, бездумно подменившего спонтанное рациональным. Словом, техническая цивилизация, столь настойчиво и последовательно добивавшаяся от вчерашних крестьян законченного машиноподобия, достигнув наконец своей цели, стала испытывать конвульсии, застопориваться в своем развитии.

Вот почему западная цивилизация вынуждена теперь все в возрастающих масштабах импортировать из «отставших» стран промышленную рабочую силу и творческий интеллект.

Западный человек перестает рожать детей, потому что ему не вполне ясны меновые перспективы этих демографических инвестиций. Его первая попытка состояла в том, чтобы переложить родительские тяготы на тех, кто еще сохранил архаичную способность дарения, — на представителей «третьего возраста». Но по мере того, как последние в свою очередь осваивают меновой тип мышления, ничего не дающего даром, демографическое производство оставляется растущим числом людей в качестве архаичной сферы, ускользающей от законов эквивалентного обмена. Повисает в воздухе и вся система образования, унаследованная от эпохи Просвещения. Дело в том, что

лишь отдельные сегменты ее, способные давать быструю практическую отдачу, сохраняют смысл для людей, глухих к внеэкономическим импульсам.

И действительно, в соответствии с неолиберальной практикой (особенно в ее российском варианте) во многих сферах общественного производства сокращается все, что не сулит немедленной окупаемости и выходит за рамки забот о прибыльности. Отсюда обвальная «секвестр» науки, образования, наукоемких производств. Так, фундаментальная наука не может быть оправдана по критериям рыночной рентабельности, потому по ней наносится целенаправленный удар. Мишенью «рынка» оказались, вопреки первоначальным ожиданиям, не носители примитива и рутины, а в первую очередь носители наиболее рафинированных и перспективных видов опыта, которые в силу своей сложности, почти невозможно перевести на бухгалтерский язык. Если по критериям прогресса именно накопление общих знаний универсального применения служит залогом долгосрочной стратегии научно-технического и экономического успеха, то по критериям российского рынка все это мешает получить большую и скорую прибыль. Рыночные цензоры, пытающиеся сэкономить на общем образовании и как можно раньше отправить молодежь в «работающую экономику», ведут себя разрушительно по отношению к исторической перспективе развития общества. В этом отношении, ушедшая советская эпоха выглядит прямо-таки роскошно: при ней общество великодушно содержало те группы и виды практик, у которых не было какого-либо оправдания по критериям немедленной практической пользы и отдачи, но которые символизировали деятельность на перспективу.

Вообще, господствующая роль институтов современного рынка в обществе вступает в противоречие с потребностями социокультурного развития человечества в долгосрочной перспективе. Ведь конкурентный рынок не принимает в расчет никаких других соображений, кроме коммерческой выгоды: он отдает товар только тому, кто может за него заплатить. Рыночные стимулы, по своему определению, не могут быть нацелены на инвестиции в будущее: в сбережение природных ресурсов и защиту окружающей среды, в духовно-нравственное и физическое здоровье людей, в воспитание и образование. Сам по себе рынок не способен гармонизировать нематериальные стороны жизни, в особенности, человеческие отношения. Подлинная культура при нем становится нерентабельной.

Опасность подавления техноцентрической цивилизацией всего органического, естественно-спонтанного в жизни людей в современной западной литературе, пожалуй, наиболее глубоко и основательно раскрыта американским психоаналитиком Э.Фроммом. В своей работе «Душа человека» он, в частности, пишет: «Наша установка на жизнь становится все более механической. Наша основная цель состоит в том, чтобы производить вещи, и в ходе этого поколения вещами мы превращаем самих себя в предметы потребления. С людьми обращаются, как с номерами. Речь идет не о том, хорошо ли обращаются с ними и хорошо ли кормят их (с вещами тоже можно обращаться хорошо), а о том, являются ли люди вещами или живыми существами...

В бюрократически организованном и централизованном индустриальном государстве вкусы манипулируют таким образом, что люди потребляют как можно больше; это заранее принимается в расчет с целью получения прибыли. Их интеллигентность и характер стандартизируются посредством

постоянно возрастающей роли тестов, которые отдают предпочтение посредственностям и людям, избегающим риска, оригинальности и смелости. В действительности, бюрократически-индустриальная цивилизация, преобладающая в Европе и Северной Америке, создала новый тип человека, которого можно обозначить как человека организации, человека-автомата и как *homo consumens*. Кроме того, он является *homo mechanicus*, под которым я подразумеваю систему человеческих органов, чувствующую влечение ко всему механическому и испытывающему отвращение ко всему живому» [19, С. 43].

Таким образом, Запад в наше время не только теряет свою культурно-цивилизационную индивидуальность, но и утрачивает свой культуротворческий потенциал. Он не выдвинул на авансцену исторического творчества, никакой новой системы идей, масштабной идеологии, соответствующей вызовам современности, если, конечно, не считать таковой концепцию «Конца истории» Ф. Фукуямы.

Исходя из сказанного, нам весьма странным представляется стремление огромной массы исследователей рассматривать характерную для западноевропейской цивилизации (разумеется, включая США) парадигму развития как магистральный путь всего человечества. Впрочем, как свидетельствует опыт, европоцентризм — трудноизлечимая болезнь мирового обществознания. Корни этой болезни — в зависти к материальному благополучию Запада, в «религии прогресса», закрывающим глаза на видение иных перспектив и горизонтов бытия. И это происходит в период глобального экологического кризиса, когда уже без особой исследовательской интуиции становится очевидным, что западноевропейская цивилизация основанная на идеологии неограниченного прогресса и потребительской психологии, и сама вступает в кризисное состояние, а всему человечеству навязывает бесперспективный, тупиковый путь развития, и несмотря на то, что все предшествующие попытки обществоведов интерпретировать мир исключительно в европоцентристском ключе, потерпели полный крах.

От нового мирового порядка к хаотизации мира, к глобальным войнам и катастрофам. Сегодня стало очевидным, что современный мир вступает в полосу глобального беспорядка, в ситуацию нарастающих рисков и новой хаотизации. Можно даже утверждать, что навязываемый США и их союзниками новый мировой порядок, который сегодня, кстати сказать, все чаще называют «новым мировым беспорядком», становится причиной хаотизации мира, глобализацией страха и насилия. Ныне все говорит о том, что наш мир становится миром новой неизвестности, глобальных войн и глобальных катастроф. Все это, к сожалению, свидетельствует о патологизации современности.

Сейчас исследователи с нарастающей тревогой заговорили даже об экспансии нового варварства, неоварваризации. Так К.С. Гаджиев утверждает, что мы являемся свидетелями пришествия варвара в новой ипостаси, в ипостаси нового цивилизационного варварства. Причем исследователь подчеркивает, что если в прежние времена варвары приходили с отсталой периферии цивилизационного мира (например, применительно к Римской империи), то сегодня одним из магистральных направлений развития мира «является движение цивилизованного варварства (или нового варварства) с Запада на Восток» [20, С. 15].

Другой автор, И. Джохадзе пишет, что «эволюция социального характера буржуазного *homo civilis*, выражающаяся в инверсии таких специфиче-

чески модернистских качеств субъекта, как любознательность, целеустремленность и здоровый скептицизм, в постмодернистскую всеядность, рассеянность внимания и равнодушие, отражает, по всей видимости, тенденцию общей дегенерации культуры и планомерной трансформации «современного» (либерально-демократического) общества в общество «постсовременное» (тоталитарно-демократическое)» [21, С. 167].

Говоря о необходимости и неизбежности изменения парадигмы современного цивилизационного развития, некоторые авторы не только предсказывают скорые вселенские потрясения, но и рассматривают их как весьма желательные и полезные. Например, известные российские исследователи В.И. Пантин и В.В. Лапкин, базируясь на различных циклически-волновых моделях развития общества, не просто предсказывают в период с 2009 по 2017 гг. глобальные финансовые, экономические, политические и военные конфликты на междивилизационной или межэтнической основе, способные поставить под вопрос дальнейшее развитие человечества, но считают эти грядущие потрясения необходимыми для изменения нынешней тупиковой модели цивилизационного развития. С их точки зрения, только они «способны разрушить или перестроить глобальные монополии, ставшие тормозом на пути дальнейшего социального и культурного развития, а также тесно связанную с ними олигархию (власть немногих) и систему манипулирования массовым сознанием через использования СМИ и информационных технологий» [22, С. 435–436]. «Без великих потрясений, — пишут далее авторы, по-видимому, невозможно вывести большинство людей из состояния умственной спячки, апатии и нравственного разложения, заставить их мыслить и действовать во имя собственного спасения» [22, С. 436].

Вот такие оценки исследователями утвердившегося ныне «магистрального» пути развития человечества с его «необратимостью» рыночных отношений, с его демократическим тоталитаризмом, неморальным правовым государством и бездушным гражданским обществом.

Однако сам Запад, являясь наиболее успешным игроком на современном геополитическом и торгово-рыночном поле (победитель в холодной войне), не стремится и не способен на прорыв к новым горизонтам бытия, к иному будущему. Запад нечувствителен к духовным проблемам современности в силу своей комфортной укорененности в настоящем. Его устраивает существующее положение вещей. Настоящее — сфера его торжества и успеха. Поэтому инициаторами нового цивилизационного поворота могут стать только те народы, которые еще не до конца развращены инструментально-потребительской, искусственно-технической цивилизацией, сохранившие элементы органической жизни и обладающие мощным ценностно-духовным потенциалом, устойчивыми и достаточно развитыми культурами. Именно эти народы могут оказаться способными, на нынешней развилке исторических путей, противостоять вирусу потребительства, ориентациям на изнеженно-комфортный, иждивенчески паразитарный образ жизни и мобилизоваться для творческой альтернативы безумству мира сего, для утверждения ценностей духовно-экологической цивилизации. Этим народам бесполезно соревноваться с Западом на рыночно-конкурентном поле — они, и вместе с ними все человечество, здесь проиграют. Их задача — отказаться от имитационного пути исторического движения, и предложить принципиально новую модель социокультурного развития человечества.

Литература

1. *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // Собр. соч.: в 9 т. — Т. 5. — М., 1992.
2. *Силин А.А.* Духовность против терроризма // Вестник РАН. — 2003. — Т. 73. — № 11.
3. *Никонов В.А.* Россия в глобальной политике XXI века // Общественные науки и современность. — 2002. — № 16.
4. *Иноземцев В.Л.* Рецензия на книгу З.Баумана «Индивидуализированное общество» / Вопросы философии. — 2001. — № 8.
5. *Ларуш Л.* Чтобы на Земле не воцарились «новые темные века». Интервью // Медведева И., Шишкова Т. Логика глобализма. Статьи и интервью. — М., 2002.
6. *Соколова Р.И.* Российское государство в эпоху глобализации (психодуховные аспекты) // Судьба государства в эпоху глобализации. — М., 2005.
7. *Повель Л., Бережье Ж.* Утро магов. Власть магических культов в нацистской Германии. — М., 1992.
8. *Элен П.* Освенцим и теология // Вопросы философии. — 2001. — М.Н.
9. *Кантор В.К.* Проблема антихриста как проблема тоталитарного европеизма // Вопросы философии. — 2001. — № 4.
10. *Buchanan P.J.* The Death of the West. How Dying Populations and Immigrant Invasion Our Country and Civilization. N. Y.: St. Martin's Griffin Edition, 2002.
11. *Севостьянов А.* Время быть русским! — М., 2004.
12. *Фергюсон Н.* Мир без гегемона // Свободная мысль — XXI. — 2005. — № 1.
13. *Панарин А.С.* Грядущая биполярность: сверхдержавность богатых и сверхдержавность бедных // Новая экономика. — 2004. — № 1.
14. *Субетто А.И.* Общинная евразийская цивилизация // Розмысл. — 2002. — № 5.
15. *Чешков М.А.* Глобализация: контуры рыночной концепции // Проблема глобализации: реальность, тенденции, прогнозы. Материалы семинара «Глобальный мир». — Вып.6. — М., 2001.
16. *Козин Н.Г.* Есть ли будущее у Запада? // Свободная мысль. — 2005. — № 4.
17. *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. — М., 2002.
18. *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. — М., 1999.
19. *Фромм Э.* Душа человека. — М., 1992.
- Гаджиев К.С. Масса. Миф. Государство // Вопросы философии. — 2006. — № 6.
20. *Джохадзе И.* Массовое общество и демократический тоталитаризм: свобода без выбора // Логос. — 2005. — № 6.
21. *Пантин В.Ч., Лапкин В.В.* Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития. — М., 2006.

ПОЭЗИЯ

Геннадий ВЕРЕЩАГИН

НАША ШКОЛА — НАШ СТАЛИНГРАД

Геннадий Васильевич Верещагин родился в 1955 году. Поэт, член Союза писателей России. Автор трех поэтических книг. Печатался в журнале «Балтика». Живет в г. Пярну, Эстония.

* * *

И русский дух, и русский меч
Вновь на подъеме,
Но надо веры свет зажечь
Вновь в каждом доме.

Русь перед Богом и людьми
Не виновата,
Что шел когда-то дом на дом
И брат на брата.

И не поставьте ей в укор,
Что в переменах
Через свободу крался вор
И царь-измена.

Вы верьте в Бога и в страну:
Их не измерить,
И обретете впредь судьбу
По вашей вере.

* * *

Будьте злыми! Не будьте растяпами.
Перво-наперво — крепкая власть.
У России те земли оттяпали,
За которые кровь пролилась.

Где «гардарики» первые высились,
Где крестилась, где мать городов,
На святое для русских окрысились
Сонмы прежних и новых врагов.

Все хотят, чтобы мы усомнились,
В нашей вере и в наших делах,
Чтоб забыли, как села дымились
И горели дома в городах.

Шепчут — жертвы те были напрасны,
Надо к новому, мол, привыкать:
Вместе с Западом будет прекрасно,
Надо только... Россию продать.

Будьте злыми, не будьте наивными!
На кону и судьба, и страна:
Или будем мы, русские, сильными,
Или грош нам, живущим, цена.

* * *

Пусть хладный «эст» меня осудит,
Мой вещий вздор — ему беда,
Без «эстов» ведь Европа — будет,
А без России — никогда.

* * *

Светит солнце на выцветшей сини,
Зелень всюду: листва и трава,
Тротуары асфальтовых линий
Исчертила мелком детвора.

Но о милости Бога не знает
Разомлевшая в неге страна...
Светит солнце, волна набегает —
И нет дела, что где-то война.

* * *

Время впрямь предгрозовое
В череде разборок кровных,
И стрижется слой за слоем
Шерстка с ожиревших овнов.

В Думу не прошли всезнайки,
Хоть стелили так красиво.
И закручивает гайки
Протрезвевшая Россия.

Русским школьникам Латвии, выступающим в защиту родного языка¹

Дети, с буквами на бумаге,
Словно воины — в плотный ряд.
Буквы алые, словно стяги.
Наша школа — наш Сталинград.

И кордоны полиции тоже,
И дубинки, казенный наряд.
Холодок проходит по коже.
Наша школа — наш Сталинград.

Если дети вышли на улицы,
Значит ваша свобода — ад.

Значит светлое в жизни губится.
Наша школа — наш Сталинград.

Отступать и впрямь уже некуда,
Выходи на последний парад.
Сила совести русской — рекруты.
Наша школа — наш Сталинград

Не бояться ни тюрем, ни выстрелов,
Им не надо почетных наград.
Только б выстоять, только бы выстоять.
Наша школа — наш Сталинград.

* * *

Это больше, чем граница,
Это больше, чем река,
Сознаю себя частицей
Русского материка.

Достаю «кошачий» паспорт,
Без волненья: это хлам,

Для меня Европа — паперть,
А Россия словно храм.

Я как сын ее приемлю,
И, как родину, как мать
Хочется всю эту землю
На коленях целовать.

¹ Перевод с эстонского Уно Пахта.

ПОЭЗИЯ

Анатолий АВРУТИН

ТРИ ПОЕЗДА ТОМУ НАЗАД...

Анатолий Юрьевич Аврутин — главный редактор журнала «Немига литературная», член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств, лауреат литературной премии им. Симеона Полоцкого, в России известен по публикациям в «Литературной газете», в журналах «Москва», «Нева», «Наш современник», «Молодая гвардия» и многих других. **Живет в Минске, Беларусь.**

* * *

Стирали на Грушевке бабы,
Подолы чуток подоткнув.
Водою осенней, озяблой,
Смывали с одежды войну.

Из грубой, дощатой колонки,
Устроенной возле моста,
Прерывистой ниточкой тонкой
В корыта струилась вода.

От взглядов работу не пряча,
И лишь проклиная ее,
Стирали обноски ребячьи,
Да мелкое что-то свое...

И дружно глазами тоскуя,
Глядели сквозь влажную даль
На ту, что рубаху мужскую
В тугую крутила спираль...

* * *

Рукопожатие... Духопожатье...
Пальцев на пальцах немое распытье.
Как пережить найсладчайшую муку —
Спрятать в ладонь эту женскую руку?
Чтобы на уровне гемоглобина
Вены сомкнулись, светло и глубинно.
Чтобы в одну, вопреки укоризне,
Тихо сложились две линии жизни?..

* * *

Порою хрустнет половица...
Бледна в изломе и резка,
Сама уже соединиться
Не в силах ломкая доска.
Придет столяр,
Гнилье ругая,
Отсыплет гвоздиков пяток,
Излом неровный подстругает,
В работу пустит молоток...
И все. Порядок.
Только глуше
Доска ложится под ступни.
А если не доска, а души?
Вот гвозди... На... Соедини...

* * *

Два поезда тому назад
Перрон был яблочно-клубничным,
Смородинным, всмяткуяичным,
Все предлагающим подряд.

Два поезда тому назад
Я бабке поклонился в пояс
За кружку вишен... Вздрогнул поезд,
И тень его накрыла сад.

Два поезда тому назад
Накидка серебрила плечи,
И обещал иные встречи
Плацкартно-вымученный взгляд.

Два поезда тому назад
Все было чуточку иначе.
Окончен день... И вечер начат...
А всхлипнуть — годы не велят.

ВОЗРАСТ

Нынче песни поют, где ни слов, ни куплета...
Может, вправду — теперь наша песенка спета?

Стало зябче высокое солнце в июле,
Стало в доме темней, хоть свечи не задули.

Стали мелкими буквы, а дали — тусклее,
С каждым днем удлиняются в парке аллеи.

Стали выше ступеньки и тише — трамваи,
Чуть слышать воробьев, что сбиваются в стаи.

Стала вдруг каменистее к дому дорога,
Стало некому: «Мамочка!» — крикнуть с порога...

* * *

Наталье Татур

Был тучен день... И небо провисало.
Вдоль сквера серебрился лай собак.
Но было снега мало, света мало,
И не дышалось, в общем-то, никак.

Слова першили где-то под гортанью,
Сжимали горло, тыкались в кадык,
На снег размякший, в кашницу сметанью,
Плевком летел гортанный полукрик.

Казалась блажью — жизнь, любовь — тщетою,
Такой постылой — собственная суть,
Что избыют — и жалости не стою,
В груди болит? — на то она и грудь.

Предела нет... Нет сущему предела.
Сквозь лай собак краснели снегири,
Немое небо мертвенно синело,
И что-то било в ребра изнутри.

* * *

А. Душечкину-Климову

Где-то Хлебников бродит в рубище,
Все мусолит с цифирью тетрадь,
Все заветную истину ищет,
Будто истину надо искать.

Зарыдает... Морковного чаю
В гнутый чайник засыплет щепоть.
И пристроит на лавочке, с краю,
Не себя — утомленную плоть.

Ту тетрадку какие-то дети
На растопку сумеют украсть,

Чтоб теплилась в голодном шкилете
Вера в добрую новую власть...

Вознесется цифирь, догорая,
В поднебесный свинцовый простор.
Только искра одна золотая
В полнолунье видна до сих пор.

Божья искра небесной цифири
Все мерцает, над эхом скользя.
Так печально и тягостно в мире,
Что душе и заплакать нельзя.

* * *

Откуда этот свет неяркий,
Вновь ускользающий во тьму,
И свеч остывшие огарки
В свечей страшащемся дому?

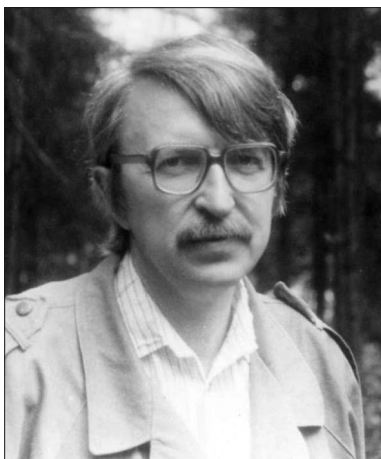
Откуда этот запах прели
Из-под горбатых половиц? -
Объятья прели не успели
Дойти до мисок и страниц.

Откуда в зеркале разбитом
Лицо усталое взялось —
Вконец задерганное бытом,
Среди царяпин и полос?

Откуда росчерк и помарки,
Что разбежались по письму?
Откуда этот свет неяркий,
Зачем так тянешься к нему?

С РОЖДЕСТВОМ
ХРИСТОВЫМ!

Борис КРАСНОВ

ВРЕМЯ ВНУТРИ НАС

рассказы

Борис Николаевич Краснов родился в 1953 году в Ленинграде. Окончил Ленинградский электротехнический институт связи им. М.А. Бонч-Бруевича. Более двадцати лет проработал инженером-разработчиком в системе ВПК.

Сейчас работает в ОАО «РИМР». Автор трех поэтических книг: «Переменная облачность» (1989, Лениздат), «Маятник» (1995), «Время огненных знаков» (2002). Прозу публиковал в журналах «Нева», «Костер», и других периодических изданиях. Член Союза писателей России с 1997 года. Живет в Санкт-Петербурге.

Матрешка—жизнь

На улице за окном бушевал ветер. Очередное осеннее наводнение подтягивало свои арьергарды. Под лучами ночного фонаря ветки деревьев болтались по воздуху, расшвыривая тени.

Сергей Николаевич Соломин вылез из постели, с легким шуршащим свистом просунул ноги в спортивные брюки и, не зажигая свет, прошел на кухню выпить воды. С другой стороны дома ветра не было. Наоборот, здесь стояла мокрая заоконная тишина, в которой через равные промежутки времени, довольно долгие, с глухим звуком разбивались о наличник капли дождя. Вернее сказать, это была одна и та же капля, которая всякий раз убивалась насмерть, чтобы тут же родиться заново.

Соломин представил себе, как она медленно вздувается на краю жестяного ската, собираясь из нитевидных прозрачных червячков, как она напрягается, стараясь удержаться за счет сил поверхностного натяжения и вот, все-таки, срывается, освобождаясь разом и от тяжести и от напряжения... Соломин стоял на кухне с банкой воды в руке и некоторое время слушал тишину, прерываемую бессмертной каплей. Она мешала сосредоточиться. Какой-то сон ему снился только что. С трудом он восстанавливал затертые пробуждением подробности.

Ему снилось, что будто бы он сидит в своей комнате и перебирает старую коллекцию марок. Причем обнаруживает в коробках такие марки, каких у него никог-

да не было. От этого ему немножко радостно и чуть-чуть страшновато — а вдруг это не его марки.

И тут в комнату входит мама. Входит вся погруженная в свои мысли, но, увидев сына, автоматически произносит с некоторым удивлением: Сережа?

Сергей Николаевич тоже удивлен и даже слегка напуган. «Мама, ведь ты же умерла» — хочется сказать ему, но язык словно прирос к нёбу.

— Зачем-то я ведь пришла, — говорит мама в рассеянности, обводя взглядом комнату сына.

Она стоит некоторое время, пытаюсь вспомнить, потом говорит:

— Нет, не соображу... Пойду обратно, может, вспомню.

И она выходит из комнаты.

Тут в сновидении происходит какое-то мельтешение быстрых и тревожных образов, отчего в конце концов Сергей Николаевич и проснулся.

После смерти родителей — а мама умерла через год после смерти отца — Соломин ушел от жены и снова вернулся в старую квартиру. Развод с женой был простой формальностью — внутренне они давно уже удалились друг от друга.

Сейчас в квартире было пугающе тихо (если не считать ветра и дождя за окном), зато при родителях, еще лет десять назад, тут было куда как шумно. Ни дня не проходило без споров, без выяснения отношений. Без разборок, как сейчас говорят.

Родители Сергея Николаевича, сколько тот себя помнил, постоянно схватывались друг с другом. Причем, по самым ничтожным поводам. Казалось даже, что чем ничтожнее повод для ссоры, тем резче и отчаянней она разгоралась, и тем тяжелее давила потом израненная словами тишина.

Сейчас, спустя столько лет, Соломину легче самому выдумать эти поводы, отталкиваясь от характеров родителей, нежели пытаться вспомнить их.

Бесконечно ругались из-за не выключенного света и газа, из-за не вымытой посуды. Из-за всего того, что олицетворяло квартирный порядок. Это ведь такое естественное и неутолимое стремление каждого человека — отделить себя от хаотичного мира природы тонкой оболочкой упорядоченного быта.

Сейчас-то, умудренный жизнью, Сергей Николаевич понимает, что порядок — это только одна из форм бытия. Во многом она эфемерна, поскольку, с одной стороны, абсолютный порядок недостижим, а с другой — нет такого беспорядка, где не присутствовали бы элементы упорядоченности. Ведь даже природа по-своему упорядочена. Достаточно вспомнить хотя бы о законах физики.

Споры за порядок в квартире носили в семье безотчетно философский характер. Это были попытки излить вовне неудовлетворенность своего существования, и тем самым достичь некоего равновесия

личных неудовлетворенностей. В этом смысле родители Соломина были стихийными идеалистами.

Когда Сергею было 12 лет, он нарисовал рисунок на тему, «Как я провел лето». Такое задание дали в школе. Цветными карандашами на листке альбома он изобразил высокий берег озера, избу за высоким дощатым забором, внизу у воды — мостки, рядом — заросли тростника. И на переднем плане — себя, сидящего в лодке с удочкой.

— Нечего, — скупое одобрение рисунку отец. — Только избу ты неправильно нарисовал, она не так стоит. Надо боком было ее развернуть, а ты ее торцом к берегу поставил. Надо избу перерисовать, тогда все будет правильно.

Всегда, когда Соломин-старший хвалил сына, он словно усевтившись похвалы (не перехвалять бы), старался уравновесить похвалу, каким-нибудь недочетом. Хорошо, но... Неплохо, но...

— Чего ты выдумываешь? — вступилась за сына Ксения Викторовна. — Так она и стоит — торцом к берегу. Я хорошо помню.

— Сама ты выдумываешь, — огрызнулся отец, — вечно заступаешься. Что я не помню, как Варушина изба стоит?

— Вот так и стоит, как Сережа нарисовал, — не унималась Ксения. — Все правильно. И не надо ничего перерисовывать.

— Не хотите перерисовывать, не надо, — сказал Николай Сергеич. — А изба стоит в Митяеве к берегу боком. И крыльцо у нее позади.

— А мне кажется крыльцо сбоку было, — вступил в разговор Сережа.

— Да вы оба ничего не помните! — воскликнул Соломин-отец. — Дайте мне бумагу!

Он схватил бумагу, карандаш и начал нервно и зло чертить в плане озеро и стоящую на берегу избу.

— Вот как она стояла, — закончил он.

— И не так совсем, — упрямо возразила жена. — Вот как она стояла, — и поверх рисунка Николая Сергеича нанесла свой, — и крыльцо было вот тут — сбоку.

— Да вы совсем, что ли, ни черта не помните?!

— Я-то как раз хорошо помню: тут крыльцо, а тут озеро, — мать раскраснелась, она ни за что не хотела уступать. — Это ты уже совсем всякую память потерял от своей водки.

Отец разозлился и выкатил глаза. Такое с ним всегда бывало, когда он приходил в ярость.

— Ну, что глаза выпучил? — не испугалась жена. — Так она стояла, вот, как у меня нарисовано.

— Да ты — дура! Ни хрена уже не помнишь, а споришь! — он вскочил. — Вся в матку свою! Ты ей — стрижено, она — брито! Вот споришь только назло мне, из своего бабьего упрямства. Ведь помнишь прекрасно, как она стояла! Вот, — и он снова начал перечерчивать рисунок, — Вот так! И здесь — крыльцо!

— Нет, не так! Дай мне карандаш...

— Не дам.

— Дай мне карандаш!

Они начали бороться. В пылу схватки Ксения Викторовна ударила локтем об угол стола и принялась сначала, постанывая, тереть ушибленный локоть, а потом, уже в слезах, яростно дупить мужа кулаком по спине.

— Гад! — кричала она, — Вредная рожа! Скотина! Скотина упрямая!..

В течении всего дня спор об избе то затихал, то вспыхивал с новой силой. Как будто положение избы в пространстве было ключевым вопросом жизни и смерти. Как будто на ней сконцентрировалась борьба за правду мира, за смысл человеческого существования.

— Сережа, не слушай маму, рисуй, как я тебе говорю.

— Еще чего! Из-за твоей дурости ребенок будет рисунок портить!

— Да посмотри хоть на фотокарточки, — предложил вдруг Соломин-старший, — там должно быть видно, как Варушин дом стоит.

Они полезли в фотоальбом, перебирать прошлогодние фотокарточки. Но Варушина изба была там снята с таких точек, откуда озера не было видно. Поэтому каждый считал, что фотографии подтверждают его и только его точку зрения.

Лежа вечером в своей постели, Сережа слышал, как родители сообщают пишут письмо Варуше в деревню. Сначала «привет, как живешь, как здоровье, как тетка Даша», и наконец — самое важное! — как стоит изба?

Засыпая, Сережа думал: ну, какая разница — как стоит изба? Зачем из-за этого поднимать ругань? Ну, стоит она себе и пусть стоит как хочет...

За окном начинало светлеть. На сером фоне проступили дальние черные дома. Теперь уже нет смысла возвращаться в постель. Соломин зажжет конфорку, поставил на нее чайник. Газ зашипел, заглушая стук капель за окном.

Сейчас-то Сергей Николаевич понимал, что спор о избе был только поводом, а настоящая причина ссоры так и осталась невысказанной и даже, может, непонятой самими спорящими. А вся беда была в том, что это злосчастную избу нарисовал он — Сережа.

Один ребенок — слишком мало для женщины. Один ребенок в семье всегда источник конфликтов. Ведь любовь женщины-матери вызревает и становится полной и мудрой только после второго, третьего, или даже четвертого ребенка. Женщина с одним ребенком — женщина с недоношенной любовью.

«Ребенку нельзя потакать!» Эту мысль Соломин-старший сумел так привить Ксении Викторовне, благодаря тому, что при всей своей жертвенной тяге к сыну, был у нее еще и страх перед безденежьем. С этим страхом, нажитым в довоенное детство, она боролась самым прямым образом — экономила, буквально на всем экономила. По-

том-то все эти наэкономленные деньги исчезнут в одночасье во время ельцинских реформ, но кто тогда мог это предвидеть?

А у Ксении Викторовны тогда была даже присказка на этот счет, на счет экономии: скупость не глупость.

Поэтому игрушечные машинки маленькому Сереже покупали самые дешевые и неказистые — вырастет, все равно ведь выкидывать. Краски — такие твердые, а кисточки такие жесткие, что рисовать ими было невозможно.

Через некоторое время и кисточки и машинки оказывались заброшенными, а мать выговаривала сыну:

— Ну вот, кисточки тебе купили, — ты не рисуешь. Машинку тебе новую купили — не играешь. Столько деньги на тебя тратим...

— Нечего его баловать, — сурово ворчал отец. — Все равно он ничего не ценит.

Потом Ксения Викторовна стыдилась своих экономий, но ей казалось, что она может компенсировать их заботой о сыне. И она постоянно окружала его своим вниманием: кутала, пичкала едой, подсказывала, что хорошо, а что плохо, следила за его речью и поведением — одним словом, воспитывала.

Тот мир, который Сережа хотел построить при помощи ярких красок и детских машинок, был незнаком ей. Ей-то в детстве не пришлось как следует поиграть в куклы — во время войны не до кукол...

Сергей Николаевич не помнит, кто же был прав в том бессмысленном споре о Варушином доме. Дом сторел буквально через год после этого спора и навсегда утратил какое-либо положение в пространстве. Словно не вынес неопределенности своего существования и покинул этот мир, дабы не возмущать умы.

Но сначала пришел ответ из деревни от Варуши, где все было подробно прописано: и о здоровье тетки Даши, и о разных событиях деревенской жизни, и только в конце письма, как-то очень невнятно, было упомянуто об избе. И снова отец и мать разошлись в толковании письма, и снова старый спор вспыхнул на последних поленьях страсти, чтобы уж погаснуть окончательно и стать семейным преданием.

Как же все-таки стоял дом? Соломин до сих пор не знает этого. Родителей давно уж нет в живых. Нет и Варушиного дома. Да и той старой квартиры, где кипели страсти и споры, тоже нет — в ее полуподвальных пространствах, заново перепланированных, открыли какой-то частный магазинчик.

Весь их старый дом, что на канале Грибоедова, переменил облик — низкая и темная подворотня стала высокой и более светлой за счет второго этажа, из которого вырезали в ее пользу порядочный кусок. Два внутренних крыла дома снесли, отчего геометрия самого двора-колодца сильно изменилась — после утраты восточного крыла он слился с двором соседнего дома и фактически утратил право называться «колодцем».

Давно уже поверх его разноцветного булыжника накатали однотонный серый асфальт. А вот зелени в нем не прибавилось — какие-то кусты, воткнутые в землю узенького газончика, так и не привились.

Родители после реконструкции дома ни разу не бывали там, а Сергей приходил иногда, чтобы в который раз почувствовать легкую боль за перестроенное прошлое. Будто это не от дома, а от него самого отсекали два крыла, на которых он летал в детстве.

Исчезли и два замечательных высоких крыльца, сложенные из известняковых плит. В дождь они сидели там пацанами на холодных ступенях, под гулкой железной крышей и смотрели, как камни двора покрываются мокрыми точками дождя, как темнота вечера медленно подкрадывается, наполняя тревожным сумраком каждую каменную нишу. А иногда он и один сидел под этой гулкой многозвучной крышей, наслаждаясь странной печалью внутри себя — то ли грустью о прожитом жизни, то ли мечтами о жизни будущей...

Теперь, среди новостроек Юго-Запада, дождь, как будто, утратил свою полифонию. Даже если открыть окно, то слышны только редкие удары капель, да шум веток, глухо отзывающихся на порывы ветра. Но и все же какое-то забытое ощущение, слабая тень былого, коснулась вдруг сердца, и почудилось на миг, что он снова под навесом старого двора колодца и ему десять лет...

Сергей Николаевич вспомнил, и это было воспоминанием о воспоминании, как бы воспоминанием второго порядка, — об одном разговоре с мамой, незадолго до ее смерти.

Соломин вспомнил однажды, что когда-то он играл в орлянку. Он еще застал краем своего детства эту старинную, ушедшую в небытие, игру. Это было одно из самых древнейших его впечатлений. И вспомнил он не столько об игре, сколько о страстном желании выиграть, и о первой обиде проигрыша. Ему тогда было лет шесть или семь.

Но как же они — пацаны конца пятидесятых — играли в орлянку на булыжниках двора? Тут память его запнулась, и Сергею Николаевичу пришлось напрячься, чтобы вспомнить: поперек двора, от одного крыльца к другому, тянулась дорожка из квадратных известняковых плит. На ней-то и происходили игрища. Ногами многих поколений плиты были отшлифованы до идеальной гладкости, а линии стыка между ними, служили естественными “чирами” откуда бросались битки.

— Мама, а ты помнишь наш двор? — спросил Сергей мать, возбужденный воспоминанием.

— Ну, конечно. Мне ли не помнить наш «колодец». — Ксения Викторовна оторвала взгляд от книги и поверх очков посмотрела на сына.

— А помнишь, там еще была такая дорожка от одного крыльца к другому — из плит?

— Дорожка? — Ксения Викторовна задумалась. — Что-то я никакой дорожки не припомню.

— Ну, как же? — удивился Сергей. — Там была дорожка. Мы еще на ней в орлянку играли!

— Разве ты играл в орлянку?

— Ну, это давно было... Играл. Там еще и вторая дорожка была — к Маринкиной парадной, наискосок шла.

— Что-то ты путаешь, Сереженька — засомневалась Ксения Викторовна. — У нас ведь там сплошные камни торчали. По ним так неудобно ходить было. Все каблуки изломаешь, пока на улицу выйдешь... Потом, правда, асфальт положили. Может, ты уже на асфальте играл?

— Да нет же, нет! Асфальт позже положили, почти перед самым нашим отъездом — я тогда уже в седьмом классе учился, — а дорожка раньше была...

— Ну, не знаю, — покачала головой Ксения Викторовна. — Может, там и была дорожка, да что-то я ее подзабыла...

Как же так, удивлялся Сергей, почему она не помнит этих каменных плит, до белизны отмытых дождями?

Хотя в тот угол двора, где была их квартира — темная и полу-подвальная — действительно приходилось идти только по камням. Мама и ходила по ним, их и запомнила. Запомнила ногами — потому что в туфлях ходить было неудобно, и ноги постоянно подворачивались.

Другое дело он — шестилетний пацан. Он помнил двор таким, каким его помнили кошки и голуби — со всеми его запахами и лазейками. Земля его детства была именно такой — покрытой булыжниками и каменными плитами. Изредка только возле стен дома пучки безымянных трав просовывали к свету свои бледные побеги, да под носиками водосточных труб, где камней не было, блестели после дождя робкие блюдца воды с ржавыми чешуйками на черном дне...

Сергей Николаевич стоит перед открытой форточкой, глотая маленькими глотками горячий кофе, и его лица касаются холодные всплески осеннего воздуха, донося запахи прелой листвы.

Чем дальше он думает о своем старом дворе, тем больше мелких подробностей всплывает в памяти. Время парадоксальным образом пощадило их. Он вспоминает белье, протянутое на веревках, вспоминает прачечную в подворотне заднего двора — там было темно, сыро и постоянно пахло мылом. Вспоминает последнюю, должно быть, поленницу дров под окнами Вали Почtareвой.

Как сладко и возбуждающе пахли эти поленья весной, в холодной сырости апреля! Он выковыривал пальцами подгнившую сердцевину из поленьев и нюхал, словно это был какой-нибудь наркотик...

Соломин вдруг подумал, что когда-нибудь потом он вспомнит и эту ночь — наполненную вздохами осеннего дождя, с одной сторо-

ны, и шипением газовой конфорки, с другой. Вспомнит о том, как вспоминал о своем давнишнем воспоминании, которое в себе таило, может быть, еще одно воспоминание, уже забытое. Вся жизнь представлялось ему набором вложенных друг в друга воспоминаний. Он удивился и почему-то обрадовался этой мысли.

Вот что делает нас теми, кто мы есть — память! — поразился он простой мысли. — Только она одна и позволяет каждому из нас почувствовать себя не точкой в быстротекущем бытии, а протяженной во времени сущностью. Человек имеет временную протяженность, и она — в его памяти.

Не в этом ли секрет человеческого разума и человеческой эволюции, — задался вопросом Соломин, — не в памяти ли, которая, подобно деревянной матрешке хранит вложенные друг в друга воспоминания? Да, именно так!

Порой эти воспоминания невыносимо яркие, как первое лето детства, порой серые и монотонные, как этот дождь, шелестящий в преддверии зимы, но все они существуют внутри человека, наполняя его звуком, цветом и, в конечном счете, смыслом, без которого нет и не было бы полноты жизни.

Маленький железный шарик

Мальчика провели в операционную и на некоторое время оставили одного. В операционной было светло, чисто и пахло чем-то медицинским.

Вошел хирург, присел возле мальчика и крепкими сухими пальцами прощупал ему локоть. Мальчик ойкнул.

— Согни руку, — попросил хирург.

Мальчик согнул ее слегка и поморщился:

— Больно...

— Так. Хорошо, — сказал хирург. Он подошел к столу и долго рассматривал рентгеновские снимки. Потом сказал мальчику, чтобы тот раздевался, а сам вышел в другую комнату.

В операционную вошли две молоденькие медсестры и начали готовить инструменты к операции. Мальчик разделся до трусов.

— А трусы снимать? — спросил он неуверенно.

— Обязательно, — с притворной строгостью сказала одна из сестричек. Вторая отвернулась и фыркнула в ладонь.

Мальчик снял трусы и остался совсем голый. В операционной было прохладно. За окном уже совсем стемнело, слышно было, как там звенели трамваи, развозя по домам припозднившихся пассажиров.

Вернулся хирург и велел мальчику надеть трусы.

Мальчика положили на операционный стол. Обе ноги и правую руку пристегнули к краям стола специальными кожаными ремешками.

Операция шла под местным наркозом и длилась около сорока минут. Мальчик почти все время кричал и плакал. Хирург долго не мог правильно попасть спицей в отколовшуюся часть кости. На-

конец ему это удалось, и он принялся осторожно забивать спицу в сустав. Его маленький блестящий молоточек отбрасывал на стену легкие молниеносные блики. После того, как спица встала на место, соединив расколотую кость, на руку наложили тяжелую гипсовую повязку. Операция закончилась.

Пока хирург мыл руки, перешучиваясь с медсестрами, мальчика, обессиленного криком и плачем, увезли из операционной.

Все места в палатах, как это обычно бывает в начале учебного года, были заняты, и мальчика положили в коридор. Вместо тумбочки рядом с его кроватью поставили тяжелый, обитый дерматином, стул.

Через два дня после операции мальчику стало лучше, боль в руке поутихла, температура опустилась до тридцати семи и двух. Мальчик попросил бумагу и карандаш — правая рука у него была свободна и он мог рисовать. Нянечка тетя Люба принесла ему оранжевую обложку от тонкой двухкопеечной тетради и красивый карандаш «Орион». Мальчик развернул обложку чистой стороной наружу и задумался. Сначала он хотел нарисовать войну: много маленьких человечков, бегущих и стреляющих, пушки и танки с траекториями летящих снарядов, веера взрывов... Но потом он решил, что серьезная обложка не годится для таких пустяков. И к тому же у мальчика не было красного карандаша. А какая же это война без красного карандаша? После некоторых колебаний он принялся рисовать географическую карту мира.

Он начал со Скандинавии, с северных берегов Норвегии. Обойдя по периметру Балтийское море, вытянул узкий носик Финского залива и поставил там кружок.

Самое сложное было начертить прихотливую береговую линию Европейского континента. Но мальчик справился с этой задачей. Больше всего ему понравилось рисовать Италию... После того, как Европа была нарисована, мальчик уверенно обозначил северную и восточную границу Азии, выделив на ней только три полуострова: Ямал, Таймыр и Камчатку. Юго-Восточную Азию он нарисовал очень приблизительно, пропустив несколько важных географических областей. Зато Африку выводил с нескрываемым удовольствием, высунув кончик языка и задерживая дыхание. Африка ему удалась. Из Америк лучше получилась Северная, похожая на широкий лосиный рог.

Мальчик старался рисовать внимательно и аккуратно. Резинки у него не было, и ошибаться было нельзя.

После того, как все континенты и крупные острова заняли свои места, мальчик начал их делить пунктирными линиями на государства. Это напомнило ему игру «в ножички». Он представил мягкий земляной круг в саду, разрезанный на дольки, вспомнил все эти: «трубы», «морковки», «колонии». Припомнил шумные споры из-за каждого клочка земли, на который порой нельзя было поставить даже одну ногу.

Мальчику пришлось прервать свое занятие, потому что привезли ужин: жидкую рисовую кашу и стакан густого какао с булкой. Мальчик пил какао и смотрел на свою карту. И чем дольше он на нее смотрел, тем легче и веселее становилось у него на душе. Какие-то необъяснимые токи исходили от тетрадной обложки и несли ощущение уюта и благополучия.

На следующий день мальчик начал вставать и вместе со всеми обедать в столовой комнате. Больная рука еще постанывала, но не так сильно, как в первые дни после операции. Мальчик старался понапрасну не шевелить ею.

В столовой его посадили у самого окна. Там за окном стояли высокие желтые деревья, частью уже потерявшие листву. За деревьями темнело кружево чугунной решетки, за которой ходили пешеходы и громыхали трамваи. Сквозь закрытые окна шум трамваев доносился глухо, словно из другого мира. Газоны под окном лежали совсем голые — травы на них было мало и, глядя вниз сквозь толстые немые стекла, мальчик подумал, что вот где хорошо бы играть «в ножички»...

В столовой, кроме столов и стульев, стоял также большой аквариум с ленивыми желтыми рыбками. У рыбок были вытаращенные глаза и длинные, свисающие, как у петухов, хвосты. Они плавали медленно, спокойно и не пугались даже тогда, когда малыши стучали карандашом по стеклу аквариума. Вода в аквариуме была мутная, оттого, что иногда кому-то из больных приходила в голову мысль покормить рыбок хлебом или кашей. После этого нянечка вылавливала сачком из аквариума эти хлебные ошметки, ругалась и не позволяла никому подходить к аквариуму.

Здесь же в столовой проходили и учебные занятия. Одновременно занимались школьники разных классов. В основном читали учебники и пересказывали прочитанное. Преподавательница Вера Борисовна, полная седая женщина, ставила всем только пятерки и четверки.

Семнадцатого октября пошел первый снег. Снег падал крупными хлопьями в проеме окна, ложился на черную землю и сразу же таял. Все ребята толпились возле окон и смотрели как он падает.

«Первый снег» — подумал мальчик. Он смотрел в окно вместе со всеми, и ему казалось, что он здесь уже давным-давно. Неторопливое движение снежных хлопьев завораживало.

«Скоро мой день рождения» — думал мальчик. Мысли его были просты и естественны. Настроение природы передавалось ему так, как передается ветке порыв ветра. Сквозь щели оконного переплета пробивался сырой предзимний воздух, и мальчику хотелось ткнуться лицом в угол окна и дышать, дышать этим воздухом, густо пропитанным запахами снега и прелых листьев.

За окном падал снег, задевал ветки и провода, вздрагивал и качался от невидимых ударов ветра, ложился на асфальт и умирал.

«Скоро мой день рождения», — снова подумал мальчик, и перед его глазами проплыла мать в шелковом цветном платье, разгоря-

ченная танцем и вином, отец, что-то яростно доказывающий дяде Толе, — белая его рубаха уже вылезла из брюк...

В столовой мальчик познакомился с другим мальчиком, которого звали Сашей. У Саши тоже была сломана рука.

— Хочешь, я покажу тебе свою тайну? — напряженным шепотом спросил Саша.

— Хочу, — ответил мальчик.

Они пошли в другой конец коридора, обходя койки, заглядывая в палаты.

— Нам с тобой повезло, что мы только руки сломали. Вот те, кто с ногой, тем плохо, — говорил Саша, — Они даже в тубзик сами сходить не могут.

— Да, — охотно соглашался мальчик, — нам повезло.

Мальчик получил травму, ударившись обо что-то локтем. Обо что, он и сам толком не понял. Они возились на газоне в куче листьев и совершенно непонятно, обо что там можно было удариться. После удара рука сразу заболела и непривычно ослабла. «Пройдет», — подумал мальчик и ничего не сказал родителям. Он хорошо представил, какой поднимется тогда шум и крик: «Кто тебя ударил! Признавайся, кто ударил тебя! Когда ты научишься давать сдачи?!» «Я же говорила, что эти игры до добра не доведут. Больше чтоб на улицу — ни ногой! Играй во дворе».

На следующее утро рука сильно распухла, и скрывать травму было уже невозможно. Теперь родители ругались, почему он сразу не сказал об ушибе, почему молчал и скрывал. Если бы сказал сразу, то можно было обойтись без операции...

Сашина койка стояла в самом конце коридора. Он встал на колени, залез рукой под матрас и долго там что-то искал. Потом он вытянул руку наружу, разжал ладонь, и мальчик увидел в ладони блестящий металлический шарик, свинченный со спинки кровати.

— Дай подержать, — попросил мальчик.

— Подержи, — сказал Саша, передавая шарик, — только недолго.

Шарик был тяжеленький. С одной стороны у него была дырочка с резьбой внутри, а другая была гладкая полированная. Мальчик уже знал, что среди больничных ребят такие шарики были в ходу. Они переходили из рук в руки и являлись главной меновой единицей. Они ценились даже выше комочков белого вара, которым заклеивали протечки в питьевых бачках. Вар жевали, из него делали белых полупрозрачных человечков...

— Ну, хватит, — Саша забрал шарик и снова засунул его под матрас.

— А теперь ты покажи свою тайну. У тебя есть тайна?

Мальчик пожал плечами, но вдруг оживился.

— Есть, — сказал он радостно.

Мальчик показал Саше свою самодельную карту.

— Тоже мне, тайна, — пренебрежительно сказал Саша.

— Я сам ее рисовал. По памяти.

— Не ври. Срисовал наверно откуда-нибудь.
— Честное слово, по памяти рисовал.
— Нашел дурака! Так я тебе и поверил! — в голосе Саши неожиданно появились раздражение и злость.

Мальчик убрал карту и больше не напоминал о ней, чтобы не раздражать Сашу.

На следующий день карта пропала. Сначала он подумал, не упала ли она под кровать. Но там ее не было. Может, Саша взял ее посмотреть? Он разыскал Сашу и спросил, не брал ли тот у него карту.

— Нужна мне твоя карта! — вдруг закричал в ответ Саша, — тетя Люба, чего он ко мне пристаёт?!

— Тебе чего нужно, мальчик? — строго спросила нянечка Любовь Ивановна. — Иди на свое место.

Больным ребятам постоянно приносили передачи, и по всей больнице, по всем ее палатам и коридорам плавали дразнящие запахи яблок, апельсинов и абрикосов. Выздоровливающие дети ели фрукты, сидя и лежа в постелях, сок обильно стекал по губам и порой пачкал одеяла и простыни.

Мальчику почему-то долго не было передач. Его уже перевели в большую и шумную палату, где у него появилась своя тумбочка, но в тумбочке пока было пусто. В те дни, когда приносили передачи, мальчик уходил в обеденный зал и смотрел там на аквариумных рыбок. Рыбкам не нужно было ни яблок, ни груш, ни печенья. Они прихватывали со дна комочки ила и, казалось, были вполне довольны таким своим неприхотливым меню.

Наконец и мальчику принесли тугой газетный сверток, перетянутый резинкой. Из свертка вкусно пахло яблоками и еще чем-то. Внутри под газетой оказалось и маленькое треугольное письмо от мамы. Мальчик читал письмо и чуть не плакал — оказывается, он мог писать маме письма и передавать их через нянечку! Если бы он знал об этом раньше!

Не успел мальчик прочитать письмо, как двое ребят с соседних кроватей подлетели к нему.

— Сорок восемь — половинку просим! — вразнобой зашумели они.

— Сорок один — ем один, — обиженно произнес мальчик, но ребята бурно протестовали:

— А мы первой сказали! Мы первой!..

Пришлось отдать им два яблока. Мальчик тоже съел одно яблоко и конфету. Теперь у него было, что положить в тумбочку. Мальчик положил туда оставшиеся яблоки и конфеты и мамино письмо...

— Тетя Люба, а тетя Люба, дайте листик бумаги, — Саша ходил за нянечкой по пятам и снова и снова повторял:

— Ну, тетя Люба. Ну, один только листочек. Мне письмо написать.

— Нету у меня. Нету! Сколько раз тебе повторять? — отвечала нянечка сердито.

— Ну, всего один. Ну, тетя Люба!..

— Да отстань ты от меня! Сказано же: нету! Ну, чего привязался?

Саша долго ходил за нянечкой по палатам, хныкал, канючил и в конце концов выпросил у нее чистый лист бумаги.

— А у вас нет еще одного листика? — нерешительно спросил мальчик, видя, что у нянечки в тетрадке еще много чистых листов.

— Ну вот! Еще один! — воскликнула нянечка так громко, что мальчик даже отпрянул. — Одному дай, так они все налетят!

Сегодня вечером он получил вторую передачу от мамы и письмо. Мама писала: «Сынок, почему ты мне ничего не пишешь?..»

Однажды мальчик нашел шарик от кровати. Шарик лежал за урной в столовой. Видимо кто-то выронил его за обедом. Шарик был круглый и блестящий, почти такой же, как и у Саши. Мальчик положил его в карман и полдня ходил по больнице, держа здоровую руку в кармане и ощупывая маленький и твердый комочек металла. Он испытывал чувства богача, золото которого жжет карман. Наконец мальчик не выдержал и похвастался шариком перед Сашей.

— Это мой шарик! Ты у меня его украл! — сразу закричал Саша, увидев шарик.

— Нет, мой, — сказал мальчик. — Я его нашел.

— Все ты врешь! Это мой шарик! — снова закричал Саша и глаза у него помутнели. — Отдай мой шарик! Это я его потерял!

Он стал выкручивать мальчику руку, стараясь вырвать шарик. Мальчик сопротивлялся, но как-то неуверенно. А может, это действительно Сашин шарик?

Саша вырвал-таки шарик и напоследок ударил мальчика по больной руке. Мальчик заплакал, не потому что ему было больно, а потому, что это нечестно — бить по больной руке.

— Ты чего плачешь? — спросила мальчика проходившая мимо женщина-врач.

— А он меня первый ударил, — выкрикнул Саша.

Мальчик же ничего не сказал.

— Любовь Ивановна, возьмите мальчика, — устало сказала женщина.

Тетя Люба взяла мальчика за руку и повела в палату.

— Будешь плакать — рука плохо срастётся, — мягко выговаривала она.

Прошло несколько дней, и мальчику исполнилось ровно десять лет. Вот он — самый лучший, самый замечательный день в году! А никто даже не знает об этом. Мальчик ходил все утро возбужденный, переполненный ожиданием чего-то необыкновенного. Мальчик ждал какой-то особенной праздничной передачи. Может, там будут абрикосы или даже толстая плитка шоколада... Но передачи в этот день не было. К вечеру ему стало ясно, что никто так и не поздравит его с днем рождения.

— У меня сегодня день рождения, — сказал он тогда своему соседу по палате, толстому флегматичному Диме.

— Не ври, — ответил тот. — Так не бывает, чтобы в больнице и вдруг — день рождения.

— А вот и бывает. Честное слово. Сегодня десять лет исполнилось.

— Честное слово — врать готово, — лениво сказал Дима.

Передача пришла только на следующий день, а это было совсем не то, как если бы она пришла вчера. Абрикосов в ней не было. Мама поздравляла мальчика с днем рождения и писала, чтобы тот скорей поправлялся и чтобы во всем слушался врачей.

А дни тянулись так медленно!

Скорей бы снимали гипс. А там, глядишь, и — домой.

«Я хочу домой», — писал мальчик в письме и вспоминал сырую полуподвальную комнату, кухню с запахами вареной картошки и лука, старый мятый чемодан с игрушками. Чемодан стоял под высокой железной кроватью, и мальчику нравилось, выдвинув чемодан на середину комнаты, самому забираться под кровать вместо чемодана. Он лежал под кроватью, свернувшись калачиком, и дышал темным и пыльным воздухом...

Ночью мальчик проснулся и пошел в туалет. В больничном коридоре было пустынно, только в конце его, склонившись над столом, сидела молодая медсестра и читала толстую потрепанную книгу. Горела настольная лампа.

Мальчик прошлепал тапками мимо сестры, которая проводила его неодобрительным взглядом.

В туалете было светло и пахло хлоркой. Высокое окно в нижней половине было забелено, а в верхней — стояла черная октябрьская ночь. Из отворенной форточки тянуло прелыми листьями...

Вернувшись в палату, мальчик оглядел спящих. В темноте слышны были дыхание и посапывание, кто-то слабо вздрагивал во сне, и пружины кровати отзывались слабым стоном. Неожиданно мальчику стало тревожно и зябко, как будто он собирался войти в холодную речную воду... Он тихо подошел к ближайшей кровати и осторожно попробовал отвернуть один из шариков, прикрученных к спинке. Но пальцы его проскользнули вхолостую — шарик был прикручен на совесть. Благодаря стараниям больных детского травматологического отделения, многих шариков на кроватях уже не хватало, и остались только самые крепкие и упорные.

Мальчик стал переходить от одной кровати к другой, пробуя оставшиеся шарики. Наконец, один как будто поддался. Мальчик обернул ладонь краем ночной рубахи и с усилием отвернул шарик.

Эту ночь он спал, сжимая драгоценный шарик в теплом кулаке.

Шарик оказался не очень блестящим, один бок его был слегка подпорчен ржавчиной. Днем, когда мальчика никто не видел, он старательно тер шарик о штанину, сдирая ржавое пятно. Через два дня шарик сиял как новенький.

Наконец настал день, когда мальчику сняли гипс. Это оказалось не так больно, как пугали мальчишки — соседи по палате. Только непривычно было ходить с легкой, как будто усохшей, рукой. Кожа на руке пожелтела и поначалу неприятно пахла.

Каждый день теперь мальчика водили на процедуры. По двадцать минут он сидел, опустив больной локоть в таз с теплой водой, и сгибал и разгибал руку. Это называлось: разрабатывать сустав. Главное, говорил ему хирург делавший операцию, это хорошо разрабатывать сустав...

Сашу первым выписали из больницы. Перед уходом он торопливо вынул из кармана и показал мальчику два железных шарика.

— Видал?! А у тебя ни одного нет, — похвастался он.

А мальчик все ждал, когда же придет его очередь. День выписки все оттягивали и оттягивали и, когда наконец он наступил, мальчик уже перестал ждать.

В тот день лил холодный проливной дождь. Мама пришла в больницу вся мокрая и какая-то незнакомая, с чужим запахом. В кабинете врача было зябко. Хирург внимательно рассматривал на свет рентгеновские снимки, на которых призрачно белела сросшаяся кость.

— Ну, что ж, — сказал наконец он, — все в порядке. Теперь главное: побольше двигать больной рукой, разрабатывать сустав.

— Вот уж спасибо вам большое. Даже не знаю, как вас благодарить, — говорила мама, крепко держа мальчика за здоровую руку.

— Ну что вы, что вы, — возражал хирург. Потом он извинился и ушел в отделение.

Медсестра сделала выписку из больничного листа, и мальчик покинул больницу. Он вернулся домой, а через два дня уже вышел в школу, и все ему там сочувствовали:

— Не повезло тебе. Вот если бы ты правую руку сломал, тогда бы тебя от всех письменных уроков освободили, а так — только от физкультуры.

На физкультуре мальчик сидел одиноко в углу и смотрел, как его одноклассники бегают вокруг зала, потом кувыркаются на матах, висят на кольцах, взбираются к потолку по канату. Дома по вечерам мальчику наливали в таз горячую воду и он снова и снова разрабатывал сустав, который все никак не хотел разрабатываться. Со дня выписки прошло уже больше трех недель, а рука все еще не разгибалась как следует.

После скучной процедуры мальчик расстилал на столе большую географическую карту и с интересом читал вслух непонятные имена далеких городов: Анкара (почти как река Ангара), Карачи (похоже на «карачки»), Акапулько (пулька для рогатки в виде буквы А?), море Банда (ух, ты — пиратское море!).

Потом он ставил на карту пустой спичечный коробок и двигал его по морям и проливам, пересекал океаны, причаливал к островам и континентам. Иногда он открывал коробок и оттуда выкатывался блестящий железный шарик, похожий на маленькое пушечное ядро.

Шарик катился по карте, пересекал Западную Африку, Эфиопию, задевал Индию и останавливался где-нибудь у северной оконечности Австралии или в Южной Америке. Оттуда мальчик начинал новое путешествие.

Приближался Новый Год.

Папа купил елку и поставил у окна, нарядив всю ее хрупкими стеклянными и плоскими картонными игрушками. В комнате запахло мандаринами. Все готовились к празднику.

Почти перед самым Новым Годом случилось то, чего мальчик давно уже ждал и все никак не мог дожждаться. Однажды вечером, закончив уроки и отложив тетрадку с трудной, но решенной все-таки задачей, мальчик сладко потянулся и заметил вдруг, что его левая рука наконец-то разогнулась. Более того, она даже несколько прогнулась в обратную сторону. Мальчик обрадовался и побежал на кухню.

— Мам! — закричал он. — Смотри, разгибается!

И он показал, как теперь двигается его рука.

Мама подметала веником пол. Она повернулась к сыну, отставила веник в сторону и улыбнулась:

— Ну, молодец, — сказала она и погладила его по голове.

Потом взяла ведро с мусором, накинула на плечи пальто и вышла во двор.

Зашуршали в темноте бумаги и целлофановые пакеты, цепляясь за край мусорного бака, липко шмякнулись картофельные очистки, звякнул аптечный пузырек, ломаные старые очки блеснули битыми стеклами и, наконец, последним выкатился из ведра маленький железный шарик.

Натуралисты

Отец и сын бредут ясным весенним днем по полевой дороге, спускаясь с пологого холма, к недалекому леску, к еще полупрозрачным ольхам и березам.

Со спины они похожи друг на друга — примерно одного роста и телосложения, но с лица это как будто два разных человека, и с первого взгляда трудно признать в них единую кровь.

У отца темное усохшее лицо, покрытое белой щетиной, кожа на шее по-стариковски собрана в морщинистые складки, которые особенно заметны, когда он поводит головой из стороны в сторону, оглядывая окрестности. Один глаз его почти слеп, зато вторым он видит далеко и зорко. Он идет по дороге, слегка припадая на одну ногу.

У сына черты лица не такие резкие — мягкий подбородок говорит о некоторой изнеженности, а близорукий взгляд из-под очков — о рассеянности и недальновидности. В деревне он гость — залетный городской житель.

Отец идет чуть впереди, и эти полшага разделяют их больше, чем иных — сотни километров «лесов, полей и рек». Под холмом к дороге подступают заросли ивняка, откуда раздаются негромкие птичьи трели.

— Кто поёт? — спрашивает отец, останавливаясь и поднимая па-
лец вверх.

— Птица, — отвечает сын с улыбкой.

Отец яростно вскидывает руку.

— Ясное дело, птица! Какая?

— Да что я — орнитолог?

— А я знаю. Хотя и не орнитолог. Это... — отец склоняет голову
набок, прислушивается и даже слегка прищуривается, — Пеночка-
синичка.

Сын только пожимает плечами.

— А вот это что за зверь? — не унимается отец. Он выдергивает
из земли мохнатое растение с хрупким трехлепестковым цветком.

В растениях сын немного разбирается.

— Фиалка трехцветная.

— Правильно, — соглашается отец, но тут же находит новое ис-
пытание. — А это?

— Лютик?

— Лютик едкий, — уточняет отец.

Экзамен окончен. Но теперь уже сына забирает учительский зуд.
Он срывает макушку сухого тысячелистника с паутинным домиком
внутри. Аккуратно поддавливая паутинный войлок пальцами, он вы-
гоняет оттуда спрятавшегося паука.

— А вот что это за паук? — улыбаясь, спрашивает он отца.

— Ну, по паукам это ты у нас знаток, — отвечает тот и делает
небрежный жест рукой, который означает, что знание видов пау-
ков — ничто перед знанием видов птиц.

Между тем к насекомым, особенно шмелям и бабочкам, отец от-
носится гораздо более снисходительней, ибо сам — пчельник.

Двигаясь дорогой, которая постепенно вырождается в тропу, двое
ходовиков углубляются в лесок, в негустую тень незрелых крон. В
лесу, в самом его преддверии, через дорогу змеится кротовый пере-
ход — валик взрыхленной земли.

— Во, — воодушевляется отец, указывая на землю. — В какую
сторону крот полз? А, натуралист? Недавно полз, этой ночью. Земля
еще влажная.

Сын с некоторым недоумением, но все-таки внимательно осмат-
ривает разрыхленную кротом землю.

— Да тут разве поймешь?

— Можно догадаться, — упрямо твердит отец.

— Сомневаюсь я...

— Вот туда полз, в ту сторону, — уверенно машет отец рукой
вправо.

— Да ну, батя, — не соглашается сын. — Это же не заяц, у ко-
торого по следам видно, куда он бежал.

— И тут видно, — не унимается отец.

Но сын не верит, и его неверие отчетливо написано на лице.

— Тут невозможно определить, зацепки никакой нет, — говорит он.

— А вот этот камень видишь?

Отец с неожиданной для его возраста прытью, подскакивает к середине кротового перехода и, по-стариковски расставив ноги, яростно тычет пальцем в землю под собой.

— Видишь, камень на дороге?

— Ну, вижу.

— Видишь, крот здесь в камень ткнулся, а вот здесь чуток в сторону отвернул.

Действительно, ход крота возле камня делает изгиб, и логика отца кажется безупречной. Хотя, с другой стороны, крот мог когда-то давным-давно проложить ход именно так, а уж как он полз в эту ночь — одному Богу известно. Но сыну не хочется затягивать спор.

— А вот ракушка в камне, видишь? — вдруг говорит он.

— Где?

— Да вот, возле твоей ноги, окаменелость. Как называется?

— А... — отец машет рукой, — опять трилобит какой-нибудь.

— Не трилобит, а брахиопода, — сын приседает на корточки, чтобы получше разглядеть замурованную в известняк створку.

— Девонская спирифера, — говорит он.

Но отцу это неинтересно. Он демонстративно отворачивается, отламывает от березы тонкую сухую веточку и начинает ковыряться ею в зубах. Подумаешь, окаменелость!

На коротком лесном участке дороги двум наблюдателям не попадает на глаза ничего примечательного. За лесом же дорога раздвигается, одна ее половина забирается на холм, а другая — огибает холм понизу, через болотце.

— Куда эта дорога ведет, помнишь? — спрашивает отец кивая головой в сторону холма.

— Конечно, помню. Через Муравьевский хутор на Холмы. Сколько раз летом туда выезжали, все мое детство, считай, там прошло... Там такие махаоны огромные водились...

— А эта? — отец указывает на нижнюю дорогу.

— Эта? — сын неопределенно мотает головой, — Не помню. Да ее вроде раньше здесь и не было.

— Раньше не было, а теперь вот появилась. Тропа-дороженька... Скоро и меня туда понесут. Недолго уж осталось... Эх, — отец обреченно машет рукой и отворачивается.

— Да ладно тебе, — говорит сын.

Но у отца уже изменилось настроение.

— Пошли обратно, — говорит он, — а то у меня нога что-то разболелась.

И они идут обратно — отец, прислушиваясь к пению весенних птиц, сын — приглядываясь к ажурным паутинам, развешенным среди молодых и старых трав.

Оба такие одинаковые и такие разные.

Татьяна БАТУРИНА

МИСТИЧЕСКИЕ ТАЙНЫ ИСТОРИИ

*о произведениях
Николая Коняева*

Татьяна Петровна Батурина — окончила филологический факультет МГУ, кандидат филологических наук, лауреат премии Союза писателей СССР и Госкомиздата СССР, заслуженный работник культуры РСФСР, отличник народного просвещения РСФСР, ею опубликовано более 200 статей, рецензий, очерков и литературных портретов в научных сборниках и журналах. Член Союза писателей России с 1970 г. **Живет в Санкт-Петербурге.**

О мистическом в рассказах Николая Коняева мне уже доводилось писать. Сам Н. Коняев считает, что «любое мистическое чудо можно объяснить и рациональным путем, через понятную нам физическую реальность». Противоречие? Ведь мистическое, как известно, — таинственное, необъяснимое, потустороннее...

Чудеса в его рассказах — будь то странный ветер, продувающий душу героев многих рассказов, или явление Николая Угодника, или привидевшийся силуэт уже погибшего мужа... — действительно, при желании, можно объяснить; хотя такого желания не возникает, потому что они стали органической частью художественной плоти рассказов, воздушной подсветкой, создающей их неповторимую атмосферу.

Мистика в произведениях, посвященных истории, приобретает у Н. Коняева и особое значение, и несколько иное воплощение. Ведь здесь речь идет о действительно существовавших событиях и людях. В большей или меньшей степени известных читателю.

История — изначальное приращение писателя. «Рассказы о землепроходцах», — где поведано о том, как Ермак с малой дружиной казаков сокрушил царство Кучума и освободил народы Сибири, а также о других открывателях великого Сибирского края, — написаны в начале творческого пути, хотя чаще к исторической теме обращаются ближе к склону лет... Чем далее, тем более история занимает верховное место в жизни и творчестве Н. Коняева.

Слева направо: Н. Коняев, В. Белов, В. Ганичев

Достаточно заглянуть в его двухкомнатное жилище, чтобы это сразу бросилось в глаза. На книжных полках царит История. Добрые хранители в этом царстве — порядок и жена Марина, на которых зиждется все. В известном смысле можно сказать, что Марина Викторовна Коняева — его постоянный соавтор, потому что она создает житейскую основу писательской судьбы. Но не только это. Вместе с ней написаны некоторые книги, например, солидный, многотомный «Русский хронограф».

Чрезвычайно разнообразна историческая проза Николая Коняева в жанровом отношении. Особо следует упомянуть роман «Аввакумов костер», отмеченный в свое время В. Ганичевым на пленуме Союза писателей России среди лучших произведений, посвященных расколу в русском Православии. Пишет Н. Коняев исторические повести, рассказы, исследования. Например, посвященные династии Романовых. Весьма оригинальны его сатирические памфлеты «Гибель красных Моисеев» — о начале и сущности красного террора. Значительное место в творчестве Николая Михайловича занимает историко-литературное повествование. Прежде всего, следует сказать о книгах, посвященных Николаю Рубцову и Валентину Пикулю. Нельзя не назвать и жизнеописания святых, где свое, особое, представление о времени. И еще — им написаны и несколько исторических драм, многие из них уже были поставлены на сцене.

Колоссальный труд писателя получил высокую оценку. В «Литературной России» (2005, № 29) под рубрикой «Наш рейтинг» был опубликован список «50-ти ведущих прозаиков России, пишущих на исторические темы». В первом его столбце значился Коняев Николай Михайлович (Санкт-Петербург).

Я уже писала, что начинал историческую тему Николай Михайлович рассказами об открывателях Сибири. Все они — казаки Ермак и Семен Дежнев, соликамский крестьянин Артемий Бабинов, Ярофей Хабаров... — были людьми из народа, осознавшими свое призвание: послужить России. Позже, создавая дилогию о Романовых («Первые Романовы. Загадки и мифы династии», 2002; «Романовы. Расцвет и гибель династии», 2003) и «Русский хронограф» (2004-2006), Н. Коняев снова и снова извлекает из глубин легенд и преданий имена простолюдинов, стоявших у истоков исторических событий. Подробное описание жизни и характеров высшего круга, изобилующее деталями, почерпнутыми из писем, воспоминаний, исторических исследований, сменяется изложением событий, творимых простыми людьми, и опять с обилием подробностей, но уже извлеченных из легенд и сказаний. И такое воспроизведение исторической жизни в ее полноте — главнейшая ценность произведений Н. Коняева.

В решающие моменты истории ее движение определяет — в конечном счете — народ. Какая же тут мистика? Но не будем торопиться с выводами. Вспомним хотя бы сведения, которые писатель почерпнул о народных героях из сказаний и легенд. Тот огненный столб на могиле погибшего Ермака, исцеляющую силу земли с его могилы. Однако это — не главное, а только частные проявления.

Проследим за тем, как складывается историческая концепция в произведениях писателя. «Вчитываясь в строки указов Федора Иоанновича, — пишет Н. Коняев в книге «Первые Романовы», — нельзя не поразиться их уверенности в неисчерпаемости народных сил. А чем, собственно говоря, еще и может быть силен правитель, как не этой безграничной верой в неисчерпаемые силы своего народа?». Не принимая распространенных оценок в адрес этого последнего отпрыска «калитинской» династии («слабоумный», «юродивый»), писатель более верит летописи, где он назван «долгожданным».

Ощущая необходимость удобной дороги между Русью и Сибирью, царь Федор не создает специальных коллегий, не засылает воевод, он просто приказывает «сыскать охотников». Именно в год кончины этого царя была проложена нужная дорога. Эту дорогу называет писатель «дорогой Русской судьбы», дорогой, которая связала Святую Русь с пришедшей на смену Россией. И сколько было этих «охотников», которые прокладывали дороги, строили города, возделывали землю, защищали ее от супостатов.

И лишь в тех случаях, когда воля правителя таинственным образом насыщается народными устремлениями, он становится вождем, направляющим историю. Так случилось в 1812 году. «Происходило некое неподдающееся рационалистическому объяснению действо... Возникало то мистическое единство, которое и делает непобедимым народ и его государя». Нечто подобное случилось сто тридцать лет спустя во время Великой Отечественной войны («Романовы. Расцвет и гибель династии»).

В книге о Валентине Пикуле Н. Коняев назовет истинную Историю «народной историей». У народа действительно была своя дорога жизни — в отличие от тех тропинок, по которым пробирались стоящие у власти в борьбе за собственное благополучие и положение.

В исторические оценки писатель всегда включает нравственный критерий. «Чистое» и «нечистое» постоянно борются в истории. Определяют нравственную суть поступков их «мотивы и побуждения». Образ, воплощающий сатанинское начало, — «какан» («Аввакумов костер»), опустошающий человеческие души, убивающий веру, добрые побуждения, принципы. Здесь было где разгуляться мистическим страстям. Не раз случаются таинственные перевоплощения предпримчивого черта, сгорает и вновь появляется на столе опасная книга и т.д. И, конечно, в центре исторической концепции — представление об «ангеле Родины», о народном герое, который мистически охраняет ее в годы бедствий. В судьбе этих героев «с зловещей последовательностью» повторяются «нелепости и случайности в нашей истории...», приводящие их к гибели. «Может быть, — спрашивает писатель, — это и не нелепости, а закономерность?» («Легенда о Ермаке»).

«Слишком напряжены силы, потому что все приходится делать самому. Ведь, наверное, не Ермак должен был проверять, выставлены ли посты, как не Макаров должен был думать о протравливании рейда, но — увы...» В этом сдержанном «увы...» таится упрек человеческому множеству, от которого, в конечном счете, и зависит ход истории.

История полна странных, таинственных совпадений, заключающих в себе глубинный мистический смысл. Династия Романовых. Начало ее связано с Ипатьевским монастырем. Расстреляны последние Романовы в Ипатьевском доме. Первого царя из династии Романовых звали Михаил; последнего, в пользу которого отрекся Николай II, — тоже звали Михаил. И особенно потрясают совпадения цифровые. «В цифрах, означающих памятные даты нашей истории, скрыта мистическая, завораживающая сила. Напишешь одну, а рука, кажется, сама подставляет следом другую, третью... И словно бы расступается тьма времени. В глубине его обозначаются очертания событий, явными становятся мотивы и побуждения, которыми руководствовались наши предки, совершая свои деяния» («Легенда о Ермаке»). Коняев обнаруживает историческую связь между XVII веком, временем Смуты, и 1917 годом. Цифровые совпадения — это, я бы сказала, ключевые знаки глубинных исторических совпадений.

В подобных таинственных совпадениях, как в движении истории, так и в судьбе отдельного человека (предошущение Николая Рубцова о дне своей гибели — «Я умру в крещенские морозы»), Н. Коняев видит не случайность, а следствие некоего духовного единства жизни, исторического единства прошлого, настоящего и будущего. О таком единстве — совсем в духе философии Николая Булгакова, которую Николай Михайлович тогда едва ли хорошо знал — он пи-

сал еще в январе 1981 года в журнале «Север» в рецензии на книгу А. Никитина «Возвращение к Северу»: «Она едина, эта жизнь: и та, что была, и та, что будет... Понимание единства жизни — вот главное нравственное достижение героя книги».

Прошло четверть века, многое изменилось, и теперь писатель может распахнуть душу и выразить полно, раскованно свою убежденность в том, что многое таинственное, мистическое доступно разуму верующего сердца, — в конечном счете — потому, что за каждой тайной стоит единое Вечное, деяния и воля Всевышнего.

Еще несколько слов о мистике. Когда я погрузилась в эту проблему, меня постигло подобное ощущение. Нужно было проверить высказывание о «народной истории» в книге Н.Коняева о Валентине Пикуле, которую я только что читала. И вдруг... Оказалось — книга исчезла. Но пропасть ей было никак не возможно. Или ее и не было вовсе? Или она сгорела по воле какана?.. Не к ночи будь сказано!

Я только что читала очерк Николая Михайловича о В. Пикуле «Марш мертвых команд». Очевидно, основа очерка разрослась, превратилась в воображении (или во сне) в книгу? Я просмотрела очерк. Нет, я читала иной, обширный текст! Мистика! Не вдаваясь в развитие событий, скажу, в те дни я много читала разных книг. Из памяти вылетело, что прочитан был электронный вариант книги о В. Пикуле, посланный мне Н.Коняевым. Кто бы подумал лет сорок назад, что книгу можно переслать, не выходя из дома и не пользуясь услугами почтальона?

Кто знает, может быть, через десятки, или сотни, или тысячи лет воскреснут умершие, облекутся кости их плотью. Ведь предвидел пророк Иезекииль задолго до Рождества Христова воскресение из мертвых. Ведь изобразил Ф. Бруни видение этого воскресения на центральном плафоне одного из главных соборов России — Исаакиевского. Да, все может быть — ведь человек разумный создан по образу и подобию своего Творца. И мистика, наверное, тоже существует исторически, т.е. во времени.

Наша ИДЕОЛОГИЯ

Сергей ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ

СМЫСЛ ИСТОРИИ

Сергей Вячеславович Перевезенцев — доктор исторических наук, сопредседатель Союза писателей России, автор многочисленных книг и публикаций по истории России и Русской Православной Церкви, первый заместитель главного редактора «Романа-журнала XXI век». Живет в Москве.

Давно уже известно, давно сказано и доказано, что Россия имеет особую судьбу в истории человечества. И эта особенность определяется несколькими основными факторами. **Во-первых, геополитический фактор.** Россия находилась, да и находится до сих пор на границах двух великих цивилизаций, образно называемых Востоком и Западом. Но никогда русское общество не было ни только западным, ни только восточным. Конечно, Россия чутко воспринимала влияния и той и другой стороны. Недаром историки, изучающие прошлое нашей Родины, постоянно сравнивают Россию то с европейскими странами, то с восточными державами. И в обоих случаях находят какие-то общие черты. Однако Россия всегда имела собственную, отличную от других народов, историческую судьбу. И эта судьба, в свою очередь, значительно влияла на судьбы и западных и восточных соседей.

Это влияние сказывалось прежде всего в том, что на протяжении своей многовековой истории Россия служила одним из важнейших мостов между западной и восточной цивилизациями.

В России столкнулись две разные культуры, два разных миропонимания. Столкнулись и своеобразно переплелись на основе уже собственно русской культуры. И интересно, что Запад воспринимал Россию — как представительницу культуры Востока, а Восток — как представительницу культуры Запада. А это была своя, русская, культура, не западная и не восточная.

Помимо этого, Россия была не только мостом, но и барьером, разделяющим Восток и Запад и предохраняющим их от губительного столкновения друг с другом. Так, именно Россия поглотила великое нашествие Востока на Запад в виде монголо-татарских орд, а затем три столетия противостояла Турецкой империи. С другой стороны, Россия оказалась одним из барьеров на пути католической экспансии Запада на Восток и не дала развернуться крестовым походам по всему евразийскому континенту. В XIX в. Россия встала стеной перед армией Наполеона, а в XX столетии — перед фашистской агрессией.

Во-вторых, этнополитический фактор. Русский народ в современном своем виде формировался на протяжении нескольких столетий на базе славянских племен, занимавших в древности огромную территорию Восточной Европы. По своим обычаям, по своей хозяйственной жизни, по духовному складу славяне отличались и от соседних с ними племен Западной Европы, и от народов Востока.

Так, рано возникшая и просуществовавшая у славян до XX в. территориальная община (гораздо более долго по сравнению с Западом) определила восприимчивость славянских народов к внешнему влиянию. В то же время славяне, чисто внешне принимая «чужие» обычаи и порядки, внутренне сохраняли своеобразие и со временем перерабатывали все чужеземное на свой лад, делая славянским.

Наиболее простой пример связан с именем самого русского народа. Дело в том, что слово «русский» — вовсе не славянского происхождения. Это самоназвание нескольких народов, живших когда-то рядом со славянами. Позднее из этих народов сформировался княжеский род у славян — «род русский». Но «русский род», хотя и был правящим родом среди славян, в конце концов был теми же славянами ассимилирован. И оставив славянам свое имя, «русы» исчезли, растворились в историческом небытии.

А вообще, в процессе формирования русского народа приняло участие большое количество различных, в том числе и неславянских, этнических групп, но славянский компонент всегда оставался главенствующим, цементирующим само это соединение, вроде бы, несоединимого. Иначе говоря, будущий русский народ изначально рождался на полиэтнической основе. И все это свидетельствует о необычайной жизнеспособности славянских народов, сумевших «переварить», ассимилировать другие этносы.

В-третьих, религиозный фактор. Отличие России от Запада и от Востока выражалось и в том, что на Руси издревле, с X в., сложилась своеобразная форма христианства, впоследствии получившая наименование русского православия. Русское православие возникло не в один момент, а складывалось постепенно, вырабатывая свои принципы в соответствии с духовными потребностями русского народа. С течением времени, особенно со времени монголо-татарского нашествия, само православие стало связываться в народном сознании с идеей национальной независимости, ибо оно олицетворяло собой

борьбу с иноземными захватчиками, доказывало, что русский народ, сохранив свою религию, не канет в Лету истории, а сохранит себя и свою культуру. Ведь православный русский народ противостоял одновременно и единому католическому Западу, и единому мусульманскому Востоку.

Закрепившись в виде одной из основных форм русского национального самосознания, в дальнейшем православие уже само активно формировало своеобразные черты русской духовности, национального характера и, соответственно, русского понимания истории и философии, вплоть до сегодняшнего дня. Больше того, именно благодаря православию и возник тот русский народ, который создал великое Русское государство и освоил огромные пространства Евразии.

И тогда встает вопрос — а зачем явился в мир русский народ? Ради чего он освоил столь великие пространства Европы и Азии? Во имя каких целей он объединил в одном государстве разные народы? Вполне понятно, что более чем тысячелетняя история русского народа и России не могла быть бессмысленной, иначе теряется нить, теряется связь времен, прошлое отрывается от настоящего и будущего. В самом деле, если в истории нет смысла, то какое нам дело до свершений и подвигов предков? А если нет смысла в нашей собственной жизни, то какая нам забота о том, как там будут жить наши потомки. Мы кое-как прожили, авось и потомки как-нибудь проживут отведенные им пять — семь десятилетий.

А вот если в истории народа есть смысл, если у народа есть цель исторического развития — тогда все встает на свои места. Тогда сохраняется и действует связь времен. Тогда подвиги предков — это наши подвиги, а мы сами творим деяния для будущего, чтобы наши потомки, помня о нас и о более далеких пращурах, воспользовались тысячелетним опытом народа и продолжили общее тысячелетнее народное дело.

Для всякого русского человека в отдельности и для русского народа в целом очень важно видеть и эту связь времен, и этот смысл исторического действия. Ведь самый главный вопрос, который задает русская душа, выражается всего лишь одним словом — «зачем?». И если русский человек знает ответ на этот вопрос, тогда ему любое дело по плечу, ему ничего не страшно, он способен своротить горы.

Это следует обязательно помнить и понимать: русские — исторически очень активный народ. Миф о русской лени, который нам всячески навязывают, не имеет под собой никакого основания. Повторимся, русские — исторически очень активны. Более того, русский народ исторически очень результативный народ! Иначе говоря, русские очень быстро добиваются тех целей, которые ставят перед собой! Но так случается только в том случае, когда русским открыт смысл Поступка и ясна, духовно и душевно, сердцем и разумом принята цель исторического движения. Однако, как только смысл этого исторического движения теряется, как только цель исторического развития скрывается в

дымке непознанности, то и сам русский народ оказывается в разладе и распаде. Ибо незачем жить... Ибо нет смысла жизни...

Значит, и для отечественной истории, и для нашего настоящего самым глобальным вопросом оказывается вопрос о смысле бытия. И этот смысл нужно искать в глубинных, архетипических свойствах русского национального сознания, которое не может жить просто так, но только во имя четко сформулированных целей и ясно осознанного, сердцем и разумом принятого смысла бытия...

Но вот вопрос — как можно познать русский смысл бытия? Здесь нам может и должна помочь наука история. И тогда никак не обойтись без ответа на вопрос — а что такое история?

Вообще, понятие «**история**» имеет тройное значение. Во-первых, история — это процесс жизни человечества, народов, отдельных личностей. Во-вторых, история — это наука, которая изучает этот процесс. И, наконец, в-третьих, история — это учебная дисциплина, основывающаяся на научно-историческом знании.

Разница между наукой историей и историей как учебной дисциплиной очень велика. Помнится, когда я стал студентом первого курса исторического факультета, то был поражен — насколько мои школьные представления об истории расходились с реальностью исторической науки. До того времени мне казалось, что в истории все ясно и понятно — есть точные даты, есть определенные события, есть совершенно ясные оценки этих событий, и моя задача как историка состоит в том, чтобы как можно больше знать об этих событиях, оценках и датах. Но всего лишь несколько лекций, и... мое понимание истории перевернулось! Оказалось, что многие исторические даты, особенно в древней русской истории, нужно еще доказывать. А большинство исторических событий и их оценка — это предмет споров, иногда очень ожесточенных, в науке. Более того, сама историческая наука — это поле многообразных научных дискуссий, причем наличие единого мнения историков — большая редкость. Поэтому **наука история — это совокупность научных проблем, совокупность исторических взглядов, концепций, гипотез, теорий.**

Вот и получается, что наука история не занимается изучением и поиском только фактов. **Настоящая задача — поиск закономерностей развития человеческого общества.** А в основе исторического познания лежит понятие «проблема», иначе говоря, историку нужно уметь видеть противоречивость исторического бытия. И здесь важно понимать, что мир вообще крайне противоречив, а уж мир истории, наполненный противоборством людских мнений, интересов, устремлений, — тем более. И с одним знанием фактов, событий, дат в истории не разберешься, скорее, наоборот, окончательно запутаешься. Но даже знание исторических проблем ситуацию не спасает, ибо проблем много, а их разрешений еще больше!

И вот, чем больше погружаешься в изучение истории, тем больше укрепляешься в том мнении, что история как наука базируется

не только и не столько на знании (которое конечно же необходимо и составляет основу исторической науки), сколько **на понимании исторического процесса**. А это значит, что историк должен стремиться к осознанию **смысла как всего исторического процесса, так и отдельных исторических событий**. Поэтому история — это наука, **раскрывающая смысл исторического развития, а значит, наука о том, как устроить жизнь настоящую и будущую через знание прошлого**.

Но понимание смысла истории зависит не столько от знаний или научно-теоретических представлений самого ученого или любого человека, стремящегося к познанию истории, сколько от его **религиозно-философского мировоззрения**, а еще точнее — от его **веры**. Поэтому наука история теснейшим образом связана и с философией и с религией.

Если человек верит в то, что Бога нет, является последовательным материалистом, то и история представляется ему исключительно в виде деятельности людей. И если такой человек хочет увидеть смысл истории, то он осознает лишь некую плоскую объективно-материалистическую необходимость. Тогда в исторической науке начинает главенствовать экономика и социология. А движение истории предстает таким прямолинейным процессом, развивающимся от низшего к высшему — от низших форм экономики и общественного устройства к высшим. И всё. Одно время таковым высшим социально-экономическим строем у нас почитался коммунизм, теперь вот — некое постиндустриальное общество. Но перемена названия сути не меняет. Целью исторического развития в обоих случаях объявляется общество, в котором человек будет обладать максимумом материальных благ и жить на Земле с максимальным социальным и бытовым комфортом.

В том случае, когда историк ни во что не верит, объявляет себя агностиком (то бишь, на самом-то деле верит, но только в самого себя), то он отказывается и от признания каких-либо длительно действующих исторических закономерностей. Но тогда и сама история теряет всякий смысл, ибо оборачивается хаосом поступков и процессов, друг с другом никак не связанных. В лучшем случае такой историк может более или менее связно пересказать исторические факты, а вот найти и проследить связи между этими фактами — вряд ли, да и не считает это необходимым делать.

Но ведь человек — это существо не только экономическое или социальное, а еще и духовное. Но ведь человек не просто копошится в хаосе исторических событий, а живет ради какой-то цели и во имя какого-то смысла. И вот здесь и возникает эта непреложная связка — духовность и смысл. Человек всегда живет во имя чего-то, всегда добивается какой-то цели и в этом видит смысл своей жизни. И всякий народ тоже живет ради какой-то цели и во имя какого-то смысла.

Однако, эти целевые и смысловые установки человеческого бытия не появляются ниоткуда, из небытия. Более того, ни сам человек, ни даже целый народ не могут придумать себе смысл своего

бытия. Откуда же этот смысл берется? Ответ может быть только один — смысл бытия даруется Свыше, ибо он **вложен** в человеческую историю. **Вот это и объясняет людям религия, потому что чистая рационалистическая наука этого объяснить просто не может — это не ее задача.**

Вот и понятие «смысл истории» подразумевает, что у истории есть некая цель, к которой стремится человечество в ходе своего развития. А это значит и то, что этот смысл дарован Свыше, вложен в человека, в народ, во все человеческое общество Господом. И настоящая наука начинается тогда, когда она осознает свою неразрывную связь с религией.

Вот такой, казалось бы, парадокс. Казалось бы, наука не имеет ничего общего с верой, которая прежде всего утверждает истинность Божественного и Сверхъестественного. Ведь наука — это рациональное изучение действительности, т.е. познание с помощью человеческого разума так называемых естественных законов.

На самом деле, главное противоречие между наукой и верой лежит в иной плоскости — это противостояние двух форм религиозного сознания. Ведь наука — это тоже вера, т.е. форма религиозного сознания. Только это вера в человека, в его разум, в его способности. Иначе говоря, наука — это часть всеобщей религии человекобожия, созданной еще в эпоху Возрождения. Вообще, всякое знание, как результат научной деятельности, имеет в своей основе веру в истинность этого знания, веру в истинность рациональных доказательств. Именно поэтому, кстати, в науке существует столько различных, противоречащих друг другу теорий и концепций, а сама наука (т.е. рациональное знание) есть совокупность концепций. Но приверженность к той или иной концепции определяется верой в ее истинность.

Для человека, исповедующего традиционную религию, в частности, для православного человека, понятно: если Господь попустил возникновение науки, значит. Он вложил в это какой-то смысл. И если сегодня наука — это вполне реальная и актуальная сила, то наша задача состоит в том, чтобы вернуть науку в лоно истинной, традиционной религии, туда, откуда она, собственно говоря, и вышла. Поэтому, можно более образно сказать, что сейчас стоит задача воцерковления науки, как, кстати, и воцерковления образования.

Признание первенства религиозных истин не означает огульного отрицания науки. Следовательно, необходимо соединение науки и традиционной веры. Можно ли это сделать? Можно ли соединить *принцип критического восприятия* всего (а это главный научный принцип, недаром у К. Маркса и Ф. Энгельса одна из работ называлась «Святое семейство, или *критика критической критики*») с религиозным догматом, т.е. признанием того, что есть некие вещи, не подлежащие критике вообще? На самом деле можно. И основа, база такого соединения — *диалектика, диалектическое восприятие действительности*. Именно диалектика позволяет нам понять, что

традиционная вера и наука — это две противоположности, находящиеся в диалектическом единстве. Более того, *именно на уровне диалектики вера и совпадает с наукой.*

Человеческий разум уже давно понял теснейшую связь науки с верой, что нашло свое выражение в многочисленных научно-идеалистических философских теориях — в учениях Платона, Аристотеля, Плотина, Канта, Гегеля, Фихте... Кажется, ничего больше не надо придумывать, и так уже все в науке есть. Но в данном случае возникает одно большое заблуждение. Каждый из названных и неназванных здесь философов был плоть от плоти своего народа, своей истории, своей культуры, своей религии. Поэтому их философские системы представляют собой интеллектуальную аккумуляцию жизненного, религиозного, бытового, социального и т.д. опыта своих народов. Следовательно, вполне пригодные для понимания и осмысления исторического развития одного или группы народов, эти философские системы оказываются бессильными, когда их накладывают на совершенно иной исторический, религиозный, бытовой, социальный опыт. В России это понимали давно, недаром появилась поговорка — «со своим уставом в чужой монастырь не ходят».

Русская история многие века основывалась и до сих пор продолжает основываться на православии. Именно православие формулировало важнейшие смысловые и целевые установки бытия русского народа. А это означает, что когда мы начинаем изучать русскую историю, то без православного понимания, без православного отношения к самой жизни мы никогда в полной мере не поймем и жизнь наших предков, никогда не осознаем, во имя чего они жили, трудились, умирали...

Поэтому представляется, что важнейшая задача, которая стоит сегодня перед отечественной исторической наукой, — разработка православного понимания истории.

В развитие этой задачи можно предложить некоторые принципы православного понимания истории.

Первый принцип: история есть воплощение Божественного Промысла. Следовательно, история имеет смысл и цель своего развития, а также законы развития, определяемые Божественным Промыслом.

Второй принцип: закономерности исторического развития проявляются в ходе исторической деятельности людей. Историческая деятельность людей зависит от их сознания и воли. Но всякое сознание основано на вере, есть религиозное сознание, имеющее разные формы выражения. Следовательно, религиозное сознание является действенным катализатором исторического развития, оказывает реальное и непосредственное влияние на развитие конкретных исторических событий.

Третий принцип: историю необходимо понимать как реализацию в действительности Божественного Промысла, в виде сложного, диалектического процесса взаимодействия сознания и бытия, и

общественного сознания и общественного бытия. При этом необходимо видеть ведущую роль именно сознания, и прежде всего религиозного сознания в истории. Иначе говоря, деятельность человека определяется его сознанием. Поэтому необходимо осуществлять поиск смыслового содержания исторической деятельности людей, т.е. отвечать не только на вопросы «как?» и «почему?», но и на главный вопрос — **«зачем?»**. Исходя из ответов на вопрос — «зачем?», — мы и можем осмысливать закономерности развития как частные, так и общие.

Конечно же, перечисленные выше положения — это именно принципы, т.е. некие общие методологические подходы. И настоящее раскрытие этих принципов возможно только в ходе конкретных исторических исследований, при конкретном осмыслении исторических событий. Но тем не менее, как представляется, осознание этих принципов необходимо.

Как необходимо осознание и еще одного принципа. Он совсем не четвертый, как вроде бы получается по счету. Наверное, этот принцип следует назвать базисным:

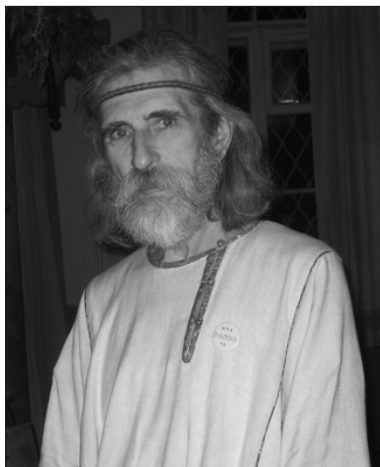
— **православие обеспечивает человеку вообще, и ученому в частности, мощнейшую нравственную основу, без которой наука превращается из орудия познания в орудие уничтожения.**

Здесь мы и подходим к решению проблемы: что важнее — догмат или критическое восприятие действительности, которое иногда называют прогрессом науки, который вроде бы не остановить. Так вот, православие, постулирующее нравственные и вероисповедные догматы, помогает ученому понять: **есть пределы знания, за которые он не имеет право ступать.** И только традиционная вера того или иного народа, а в нашем российском случае, именно православие, способна направить развитие науки в нужное человечеству русло и поставить преграды там, где **эти** преграды необходимы. А такие преграды — догматы — необходимы нам, людям, иначе мы можем уничтожить и собственное прошлое (как это не раз бывало, когда мы постоянно пересматриваем собственную историю), и собственное настоящее (клонирование, искусственный разум — конкретные тому примеры), и будущее.

Собственно говоря, познанием смысла истории занимается не просто наука история, а **историософия**. «Мудрость прошлого» — так можно перевести это понятие. Но в православном толковании «София» — это Премудрость Божия. Следовательно, и само понятие «историософия» означает нечто более глубокое: **историософия — это научная дисциплина, познающая Премудрость Божию в истории.**

ПАМЯТОСЛОВ

Владимир ПОВЕТКИН

УКРАСНЫЙ МИР БАЛАШОВА

*к 80-летию со дня
рождения
Д.М. Балашова*

Владимир Иванович Поветкин — художник, ученый, реставратор, музыкант. Автор более ста работ по народной культуре. Занесен в Книгу рекордов «Диво» как умелец, воссоздавший самые древние в мире гусли. Кавалер международного ордена с вятного Константина Великого. Директор Центра музыкальных древностей. **Живет в Великом Новгороде.**

Дмитрий свет Михайлович! Вы приходили в этот мир. Зачем? Обращая такой вопрос к Дмитрию Михайловичу Балашову, знаем: он на него ответил. Ответил горением всей своей жизни. На самом же деле мы вопрошаем себя: как понимали Балашова, что знали, а что только слышали о нем, о его поступках и устремлениях; как понимаем сейчас и что из его наследия может служить образцом?

Память о Балашове свежа, она не лишена противоречий, особенно, если снизойти к обыденной суете. И, понятно, должно пройти надлежащее время, когда, вчитываясь, вглядываясь в наследие Дмитрия Михайловича, мы вдруг словно заново услышим страстный его ответ — ответ как призыв:

«История — это, прежде всего, строительство жизни...»

Да! Балашов не всем угодил. Да! Он не безгрешен. Да! Не во всем ему хочется подражать. Однако вспомним и о том, что все это приложимо к каждому, кого великая всечеловеческая память выдвигает на лобное место почитания.

Убежден, что исследователи берут на себя подчас непоправимый грех, когда для широкого круга читателей смакуют некоторые факты из личной жизни, скажем, А.С. Пушкина или Ф.М. Достоевского. Читатель от подробностей такого рода не возвышается ни моралью своей, ни знанием, ни мудростью. Необходимо помнить, что опрокинутым у кого-то на кухне мусорным вед-

ром, размноженным средствами печати, радио, телевидения, можно загрязнить весь мир.

Как у многоодаренных личностей, в распоряжении Балашова имелаась широчайшая клавиатура ощущений, переживаний, познаний и, следовательно, соблазнов: с какими-то он был бессилён справиться, и потому искал им оправдание, а каких-то искренне не замечал и беспрепятственно устремлялся к тем свершениям, которые были по силам только ему. Итак, вот он, смысл: постичь идеалы Балашова, ибо идеалы его чисты.

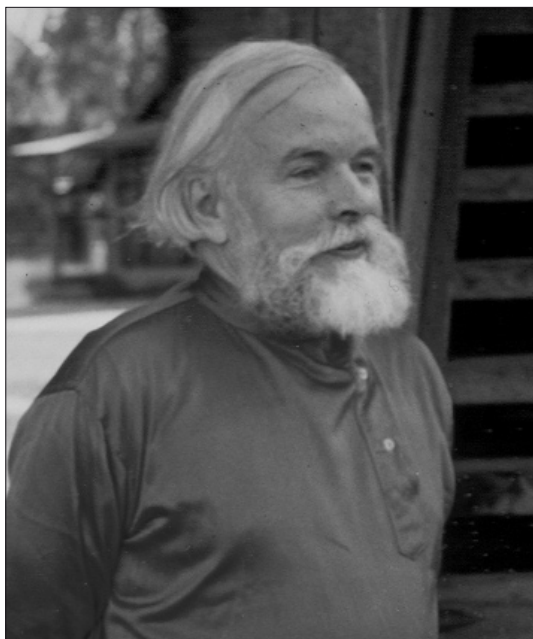
Да, история — это строительство жизни, а не серия мятежей. Так просто и ясно высказывался Дмитрий Михайлович в беседе с одним журналистом. И рассуждение его касалось только русской исторической литературы. Все так. Но вот еще что несомненно: строительство жизни — это и нормальное понятие Балашова о собственном предназначении в чудесном и одновременно беспокойном мире... Именно с таким ключевым понятием у Балашова оказались нераздельны и многократно усилены все его природные и приобретенные способности.

Балашов прославился как историк-романист. Многие его помнят как молниеносно отзывчивого публициста. В меньшей мере о нем знают как об исследователе народной культуры. Еще меньшее число людей догадывается о нем как о специалисте, знающем толк в стихосложении. Мало кто придавал серьезное значение его увлечению традиционными деревообрабатывающими ремеслами. И уж почти никто не готов увидеть в Балашове незаурядного художника.

А между тем все, чем бы он ни занимался, было в равной мере серьезно. Одно служило дополнением другому. Поэтому все, что здесь кратко и обобщенно перечислено, не должно разрушать цельного облика выдающейся личности. Он неповторимый писатель — потому что он блестящий оратор. Он настоящий историк — потому что он дотошный исследователь крестьянского быта и всего поэтического красноречия русского народа. Он поэт — потому что работал цветом как живописец и оживлял глину руками ваятеля. Он был художник — потому что всегда оставался очарован красотой женщины, красотой непоруганной природы. Он сын своей Родины — потому что он ее надежный духовный воевода. Он настоящий воин — потому что созидал мир.

Судьба повела Д.М. Балашова по необычному жизненному пути. Прочитавший всю мировую классику, благовоспитанный ленинградский интеллигент, — кстати, дед его за меценатство был удостоен титула почетного дворянина, — вдруг оказался в условиях физической и культурно искореняемой северной русской деревни. Он увидел обломки обрядовой свадебной, похоронной, календарной традиции. Он записывает песни, сказки, присловья. Записывает последних русских сказителей. Спешит запомнить и уразуметь все, что составляло понятие сельской цивилизации, той цивилизации, которая пришла

из глубин тысячелетий и которая верой и правдой служила основой русской государственности, национальному само достоинству и несла с собой самую близкую к природе красоту. И нормы человеческих отношений, и праздники, и одеяния, и ремесла — все здесь преисполнено здравого смысла и изысканнейшей красоты. Здесь жил и отчасти еще живет народ, о котором чванливые горожане поныне толкуют, как о народе музыкально безграмотном. Но ведь и селяне со своей стороны о горожанах, воспитанных на образцах западноевропейской концертной ученой музыки, могли бы сказать, как о крайне невежественных в области, например, классических народных песенных традиций. Но селяне из-за их извечной трудовой занятости, ибо они — кормильцы страны, а также из присущей им скромности молчат. Хотя кто-то же должен защитить истину! Как?

Дмитрий Михайлович Балашов

За истину можно вступить лишь через познание обычаев, нравов и вообще истории родного народа, через распутывание, иной раз, почти мертвых летописных узлов, через рассечение идеологических теней двадцатого столетия.

И Балашов уже вначале лукавых шестидесятих годов спасает от запланированного властями разрушения более ста храмов. «Я составил, — как позже он вспоминал, — письменное воззвание в защиту исторических памятников Карелии, под которым собрал подписи академиков, историков и писателей, и которое затем передал в Центральный Комитет партии. Я знал, что

кладу свою голову на плаху, знал, что руководители Карелии со мной расправятся, но верил, что мои действия вызовут большой шум, который спасет уникальные культурные ценности». Таким вот образом Балашов закладывал фундамент Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. И не его провинность, что Общество вскоре обюрократилось.

В те годы было бессмысленно мечтать, например, о том, чтобы Всесоюзная фирма грамзаписи «Мелодия» опубликовала голоса русских сказителей, пусть и последних. Но она это сделала, так как собиратель Д.М. Балашов, пробивая стену обывательского приспособленчества, смиренчества и чиновничьей трусливости, убедил в

необходимости такой публикации ни много, ни мало как министра культуры СССР Екатерину Алексеевну Фурцеву. На крупноформатных дисках, составляющих гордость золотой фонотеки России, записаны такие старины (былины), как «Дюк Степанович», «Илья Муромец и Сокольник», «Три поездки Ильи Муромца», «Добрыня и Алеша». Их сказывают нараспев Леонтий и Анна Чупровы, Еремей Чупров, Гаврила Вокуев и Василий Лагеев. Имена сказителей можно прочитать на дисках. Отсутствует лишь имя собирателя, но мы его знаем и будем благодарно помнить.

Издание трудов по народной культуре, в которых принимал участие ученый и гражданин Дмитрий Михайлович Балашов, как правило, было делом хлопотным. Вспоминаю его рассказы о несравненной книге «Русская свадьба». Ее крайне заволокиченная публикация состоялась, наконец-то, в 1985 году. Выход книги с оплатой в пятнадцать тысяч тогдашних рублей обеспечил сам Балашов. Однако издатели и тут, как говорится, нашлись: они направили основной тираж не в крупные магазины страны: зачем-де? В городах свадьбы и так славно играют под Мендельсона! А завалили книгой, например, склады в вологодских окраинах. Местным жителям, конечно, приятно прочитать о себе, но книжную гору им не выкупить.

В 1973 году Балашов по-настоящему берется за плотницкий топор. За Онежским озером в деревне Чеболакше при поддержке мастеровитых людей из семьи Михалкиных он рубит, украшая резным узорочьем, двухэтажный дом с подворьем, затем баню. Ведет хозяйство, обихаживает скотину — лошадь, бык, две телки, овцы, собака, кошка — всего, как он шутил, четырнадцать хвостов. От Матушки-земли получает урожай. Содержит семью — сам восьмой. И, наряду с трудами по народной культуре, создает повесть «Господин Великий Новгород», роман «Марфа-посадница», а затем плодотворно, хотя и всего-то в свободное от хозяйствования время, работает над знаменитой серией исторических романов «Государи Московские». Как однако же точно в беседе с писателем Владимиром Черкасовым один из жителей тех мест о Балашове отозвался: «Да, он свою жизнь хочет устроить по-историческому!»

В точности так же, по-историческому, с 1984 года он обустроивал и свой новгородский быт. В Козыневе, что неподалеку от Великого Новгорода, в краю, где обитало древнее племя словен, он возводит новый дом. Этот дом с кружевными оконными наличниками и балконом, подпираемым мощными резными колоннами, высоким своим челом смотрит на стихию слияния священного Ильмень-озера с небесами. И, пожалуй, не отыскать нынче среди новодельных жилых строений ни одного, которое столь же перекликалось с местными, исторически давно сложившимися принципами зодчества. И хотя еще слишком многое в доме дожидалось грубоватых прикосновений топора, рубанка, доло-

та или фигурного резца, именно отсюда все необъятное мироустройство виделось как на ладони. Именно здесь за прочитанными строками Первой Новгородской летописи так зримо восставало минувшее. Почему-то именно в этом обиталище со вскопанным тут же клочком земли, с запахами сена и парного молока почти въяве слышались и свист смертельно жалящей стрелы, и стоны, и моления, и победные кличи на полях древних сражений. Но и из этого же вроде бы и невеликого удаления от городской суеты острее, мучительнее переживались нынешние беды России, славянского мира и человечества вообще.

Неповторим Балашов — художник. В таком лице его почти никто при жизни не знал или совершенно не обращал серьезного внимания. Вдруг открылся Балашов как очень интересный ученик своего учителя Константина Александровича Кордобовского. И одновременно ученик своих родителей. Ученик своей мамы, от которой, как я сейчас глубже стал понимать, он очень много взял полезного и того, чего не дают иные академические учреждения. Поэтому его лицо как художника во многом необычно. Он не просто рисовал какие-то понравившиеся ему сюжеты, скульптуры, а он проникал вглубь, ставя подчас очень сложные перед собой задачи. Стоит посмотреть его рисунки, где он рисовал храм.

О фресках можно сказать, что его учитель Кордобовский был представлен на недавней выставке в музее подлинных фресок, и Балашов, как его ученик, его в чем-то превзошел. Его работы более похожи на то, что мы можем видеть в храмах. Похожи даже каким-то внутренним содержанием и по технике исполнения. Рисовать, не повторяя технику фресок, с натуры, как бы что видишь, рисовать мазками, как тогда выражались. Вот у Балашова мы не найдем таких мазков. Мы увидим созвучное, увиденному нами в храмах.

Он, оказывается, испробовал самые разные техники. Он проявил себя как интересный портретист. Его персонажи очень похожи или очень выразительны.

Иногда кажется, что Балашова по остроте публицистического языка не с кем сравнить. Взять хотя бы только заглавие одной из последних его статей — «Наших быют». Все сказано. Теперь можно лишь догадываться, сколь обжигающими душу были бы его слова о гибели наших родных моряков вместе с атомным подводным крейсером «Курск», как это непоправимое бедствие вплелось бы в несчастную канву исторических событий, о которых ведать и помнить мог, кажется, только Балашов. О! Как бы он восхитился открытием 13 июля 2000 года в Людине конце в слоях начала XI века восковой Новгородской Псалтыри — этой древнейшей в славянском мире книги! Но узнать о ней не пришлось: в те дни, украшая лик Матери-земли новым узорочным строением, он, видать, уже вступил в роковое сражение с заспанным предателем святых его побуждений.

Нынешние новгородские власти, нет, власти всего Российского государства, упускают редчайшую возможность — создание в доме на углу улиц Никольской и Славной №29/21 музея-квартиры Дмитрия Михайловича Балашова — писателя, историка, исследователя народной культуры, почетного гражданина Великого Новгорода.

Назовите имя ученого или деятеля культуры, смастерившего в своем жилище резные и расписные кровати, столы, скамьи, табуреты, сундуки, настенные шкафчики, многосекционные книжные шкафы, кухонные полки с подвесными разделочными досками, ковши-скобкари, солонки-стульчики, солонки-утицы и многое другое. Кто мог бы таким похвалиться? Балашов мог бы. Но он не выпячивался. Так заметим же мы его. Пусть и запоздало. Признаем его при всех его титулах еще и как зело мудрого художника. Уже в ученических рисунках, живописных и скульптурных работах он необыкновенно глубоко проникал в суть вещей; и уже в них он — историк. Вот почему он изображает не только, скажем, храмы, но и зарисовывает настенные изразцы, орнаменты оконных проемов, копирует наиболее впечатляющие фрески. Не случаен, например, его изучающий взгляд на благовестные колокола Псково-Печерского монастыря: это качающиеся, «очепные» колокола в отличие от неподвижных, «язычных».

Лет пять-шесть тому назад Дмитрий Михайлович получил послание от Надежды Александровны — вдовы его учителя, Константина Александровича Кордобовского, в студии которого в 1930-е, предвоенные годы он обучался рисованию. В конверте оказались детские рисунки Балашова. Один рисунок особенный: море с диковинными его обитателями, вокруг моря непроходимые леса, окаймленные хороводом взявшихся за руки человечков, а в небесах парят птицы. Что это? Ответ один: это видение одушевленного Мира словно бы с ковра-самолета. Поражает то, что в точности такой же надмирный взгляд, пусть в других творческих итогах, сохранялся и у семидесятилетнего Балашова. Все в нем едино: и дитяtko, и мудрец.

Этот детский рисунок, сбереженный верным учителем, послужил основой для плаката-приглашения на необыкновенную выставку — «Балашов-художник». В сопровождающем тексте говорится:

«Горница наша украшена в память о Димитрии свет Михайловиче Балашове. Пожалуйте к нам. И вы увидите мир его очами. А лета 2001-го, месяца ноября, 8-го дня». Выставка приурочена к Первым Всероссийским Балашовским чтениям. Она не случайно открыта в Новгородском Центре музыкальных древностей, ибо Балашов — один из его самых бескорыстных созидателей.

Вспоминаю, как посетил он Центр в 2000 году на Кирилла и Мефодия, то есть 24 мая. Более отягощённого печалью и поникшего всем существом я его не видывал. «Давайте купим пива», — произнёс он, и было ясно: хотя бы кто-то должен его выслушать. Он

горестно и тихо повествовал об утрате надежд, возлагавшихся на взлелеянного в любви и всепрощении Арсения — последнего из тех сынов, которые были рождены в Чеболакше. Именно он в какой-то отроческий его период казался способным продолжить заветные отчие дела. Так было. И я тому очевидец. Но все минуло, словно осень среди весны гнилой лист бросила. Опустились наши сосуды. Застольничали кратко, потому что даже в таком душевном беспокойствии в нем сработала-таки пружина деятеля жизни. «Спасибо. Мне стало легче», — и он заспешил в недостроенный терем возле Ильмена, где на каждый погожий час и на каждую темень прибавлялось тревог из-за некогда увенчанного превеликими чаяниями наследника. Удаляясь, он то и дело вскидывал голову на бревенчатую пристройку к нашему зданию, два ската кровли которой я совсем недавно скрепил охлупнем, или, как еще говорят, коньком. Вот этот-то конек, величаво плывущий по небесным дорогам, и задел в Балашове струны восхищения. «Молодец!» — послышалось от него. И к кому же такая награда больше относилась? Да надо полагать, ко всем летописным «плотницам сущим», и к каждому безымянному древоделу, и ко всякому деревенскому мастеру и прамастеру, которые в бесконечной цепи ремесленной преемственности острым лезвием топора вытесывали вот таких коньков и держали в извечной красоте Новгородскую и всю землю Русскую. Вновь и вновь оглядываясь и словно в чем-то уже примеряясь к своему терему, он прибавил шаг и скрылся за поворотом — для меня уже навсегда.

Балашов был в одних случаях до смешного беспомощным, беззащитным, в других, напротив, невероятно жизнестойким человеком. Вот ведь что произошло, например, в конце 1996 года, когда он, действительно понюхав порошу в Приднестровье, едва выбравшись оттуда, бледный, как перележавшее в сундуке полотно, не на шутку прошептал: «Помираю». В лучах ночника, донельзя осунувшийся, неподвижный, лежал он на своей высокой резной — ну прямо церемониальной! — деревянной кровати, словно на последнем часе. Мы все были повергнуты в паническую растерянность и за благо принимали хотя бы едва слышимые из зарослей его бороды обрывки фраз. Мы вызывали его на какие-либо признаки жизни вопросами типа: «Ну как там? Что там?». Борода невнятно шевелилась. А вместе с тем примечалось и другое: что-то иное не унималось в нем, и почему-то, сам нуждаясь в оздоровительном покое, он нас не гнал в три шеи. Но вдруг: «А вы послушали бы “Очерк о Приднестровье”?» Тут надо вспомнить одну его черту: прежде чем сдать в публикацию новую книгу, он старался услышать о ней мнение первых нескольких слушателей. «А это долго?» — осторожно спросил я его. «Часа на два» — шевельнулась седина. «Да это же самоу...!» — кто-то пытался ему возразить. Но он уже читал. Читал, распластанный навзничь, держа увесистую пачку

листов ровно напротив торчащего из подушки носа, словно это была и не рукопись вовсе, а лишь временно приподнятый над солением гнет. Прочитанные листы собирались отдельной стопочкой. За развернувшимся повествованием незаметно убегало время. Час прошел, на исходе другой, скоро полночь, и стопочка освобождавшихся от чтения листов все более распухала, превращаясь в кособокую, а потом и вовсе в разъезжающуюся в разные стороны гору. В размеренном выпархивании из рук чтеца этих свободных листов таилось нечто заволакивающее и усыпляющее. Потому, вероятно, и не заметил никто, в какой час наш подопечный приобрел иное положение. Он почти наполовину вылез из-под одеяла, подушек стало уже не одна, а две, обе они, придвинутые к спинке кровати, служили опорой под его лопатками, а голова, можно сказать, обрела самостоятельность в поворотах влево и вправо, в кончике носа зарозовело нечто от красного перчика. И если нам далеко не сразу бросились в глаза эти перемены, то уж он-то их совсем не замечал и оставался до конца чтения в представлении о себе как о поверженном приднестровце.

А между тем голос его крепчал и все убедительнее произносились интонации героев повествования, особенно генерала Лебеда, и все чаще от неожиданных властных восклицаний мы просыпались, глупо озираясь и проявляя тайный друг от друга интерес, кажется, лишь к одному: сколько еще там листиков осталось в цепких перстах вышедшего из-под нашего гуманного контроля хворого писателя? Листиков оставалось... еще целая пачечка. К утру Балашов раскрасневшийся, жестикулирующий в такт читаемым словам, иногда поджигающий под себя для удобства ноги, а то вдруг вскакивающий, словно для отражения удара, весь в испарине от творческого здорового напряжения, дочитывал последний лист рукописи. Мы же, оледеневшие от неподвижного образа нашей слушательской деятельности, будто выглядывающие из сугробов, отчаянно боролись с картинами сновидений и мечтали: вот бы для таких случаев научиться спать с открытыми всепонимающими глазами. Вспоминая этот урок восстания к жизни, восхищаюсь и преклоняюсь перед Балашовым.

Кто-то скажет: а вот он тогда-то был несдержан в выражениях. Да. Бывало. Но не являлись ли его резкие, иногда до крайности, слова ответом на другую несдержанность, ту, которая вежливо попирала истину?

Да, у него не во всем были удачи, не ко всему, как говорится, лежали руки. Никогда, например, я не понимал и не поощрял его настойчивости управлять автомобилем. «Нива» «ниве» рознь: на одной «ниве» он то и дело попадал в кювет. На другой — получал отменный урожай. Однажды он меня подвез. Так всю дорогу пришлось думать: а не спокойнее ли добираться на необъезженном брыкливом коне?

Да много чего можно найти в каждом из нас. Но не лучше ли знать о Балашове, как он в минуты отдохновения во время праздни-

ных застолий мог наизусть минут по сорок кряду, без запинки читать поэмы античных поэтов?

Кто-то осуждал его за ношение одежды традиционного народного покроя и видел в этом факте вызов всему обществу. Но не является ли вызовом всей нашей истории, всему сонму наших предков то, что мы, разучившись шить себе портки, почти все облачились в американские одежды? О традиционной народной рубахе Балашов кому-то ответил: «Может быть, у меня от Родины моей, кроме этой рубахи, ничего больше и не осталось. Никто ее с меня не снимет!» И действительно, не страшнейшее ли это горе, что за многие последние десятилетия на необъятной земле российской в русской рубахе похоронен всего лишь один человек — Дмитрий свет Михайлович Балашов!

Говорят еще, что его исторические романы потому убедительны и годятся к использованию вместо учебников, что он тщательно выискивал для них летописные сведения. Это верно, но лишь отчасти. Главной основой во всем его творчестве, в любых делах стало знание народной культуры.

Известно немало так называемых фольклористов (слово-то какое, как ругательство), людей отнюдь неглупых. Но чем от них отличен Балашов? Да тем, что он исследовал народный исторический быт не ради застольной, ни к чему не обязывающей науки, а во имя большого понятия Жизни. Он восхитился, влюбился и врос в свою настоящую Родину.

С РОЖДЕСТВОМ
ХРИСТОВЫМ!

ПОЭЗИЯ

Николай ДЕНИСОВ

Я СЛЫШУ ВНОВЬ КРЕСТЬЯНСКИЙ ЗОВ ЗЕМЛИ!

Николай Васильевич Денисов родился в 1943 году в селе Окунево Тюменской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор многих книг прозы и поэзии. Почетный гражданин Бердюжского района Тюменской области. Лауреат Всероссийской премии им. Мамина-Сибиряка, главный редактор газеты «Тюмень литературная». Председатель Тюменского регионального отделения Союза писателей России. **Живет в Тюмени.**

* * *

Вот и уносит печали
Реченька тихой волной.
Где-то в полях запропали
Годы, прожитые мной.

Выйду на голос гармошки —
Где он в закатном дыму?
Кажется, эта дорожка
К детству ведет моему?

Песни моей колыбели
Не позабыла заря.
Сам я в веселье апреля
Слышу печаль сентября.

Вижу над желтой половиной
Редкую сетку дождя.
Каждому доброму слову
Радуюсь, будто дитя.

МЕРТВЫЙ ХОД

Из детской дальней той печали
Мне ясно помнится одно:
Был жив еще Иосиф Сталин,
И было лозунгов полно.

Там где-то в гору шла Отчизна,
С призывом пламенным «Даешь!»,
А в нашем «Путь социализма» —
Колхозе скромном — был падеж.

К весне ни сена, ни обрата,
И холод лютый, как назло.
И пали первыми телята,
За ними овцы, и — пошло.

На мясо б, что ли, прикололи!
Нельзя... И, к радости ворон,
Всю ночь возил подошедших в поле,
Поклав на дровни, Филимон.

Хлебнув для удали портвейна,
Перед собой и властью чист,
С задачей справился партийный
Наш сельский шустрый активист.

Отвез и, ладно б, скрыл огрехи,
Зарыл в сугроб, похороня,
Но туши в дьявольской потехе
Воздвиг он во поле стоймя.

А поутру с зарей, с восходом
Мы враз узрели — боже мой:
Непостижимым мертвым ходом
Телята к ферме «шли», домой.

«Шел», тяжело вода боками
В тупом движении своем,
Косматый, с гнутыми рогами
Баран и ярочки при нем.

И как-то робко, виновато,
Все тычась ярочкам в бока,

«Резвились» малые ягнята,
Глотая льдинки молока.

В последний раз метель кружила,
Верша суметы на буграх.
А стадо будто вправду жило,
За ночь насытась в клеверах.

Так шло — копыто за копытом,
Шажок за медленным шажком:
За кои годы ходом сытым,
В молчанье хрупая снежком.

НЕИЗВЕСТНЫЙ

В гимнастерке
 застиранной, скромной,
Да и выправкою — не орел,
Он стучался к нам
 полночью темной,
Обогрелся и дальше побрел.

Детство, детство!
По белому свету
Сколько сирых прошло и калек!
Но запомнился сумрачный этот,
Неприметный ночной человек.

Может быть, на побывку
 спешил он,
Может, в полк возвращался назад?

У дороги проселочной стылой
Захоронен солдат, говорят.

И душа — то болит, то отпустит:
Столько было чудес на земле,
Что не верится
 собственной грусти,
Безымянным могилам во мгле.

Вот узнать бы
 в селеньях окрестных,
Старожилов бы надо спросить:
Не стучался ли к ним
 неизвестный,
Не просил ли кваском напоить?

СЛУЧАЙ

Старый конь провалился под лед,
Не бывал он в такой передраге.
Не поспей на подмогу народ —
Не вернуться бы с речки коняге.

А потом он дрожал у плетня —
Хорошо бы под теплую крышу! —
И под звонкие крики мальчишек
В крайний дом затолкали коня.

Сокрушаясь, хозяин нагреб
Полведерка овса из сусека:
— Это видано ль, граждане, чтоб...
Чтоб скотину — в жилье человека!

Грустно старый коняга заржал,
Ржанью выюги откликнулся тонко,
Может быть, он в тот миг вспоминал
Вольный луг и себя жеребенком...

ЗАПАХ ХЛЕБА

Потерялись дымки факторий,
Словно нити чужой судьбы.
Вдруг пахнуло в Чукотском море
Хлебом из вытяжной трубы.

Потянуло душком полынным,
Теплой пашней, где спит заря,
Позабытой почти, равнинной,
С паутинками сентября.

Столько каждый в деревне не был!
И, повысыпав из кают,
Мы слышали — будто в небе
Наши жаворонки поют.

Даже боцман, он житель местный,
Улыбнулся, хоть весь продрог.
А всего-то — в духовке тесной
Каравай подрумянил бок.

Вот такая случилась повесть:
Дрейфовали мы много дней,

И меня донимала совесть —
Сухарями кормлю парней.

Крепко вахты братва стояла,
Но за ужином всякий раз
Не без умысла повторяла:
— Хлебца б свеженького сейчас!

Что ж, рискнуть — небольшое горе!
Плыл мой камбуз в мучном дыму,
И запахло в Чукотском море —
Как поутру в родном доме.

ПОД ЮЖНЫМ КРЕСТОМ

В этих будто бы райских куцах,
Где кокосы висят окрест,
Добываю свой хлеб насущный
Под созвездием Южный Крест.

Южный Крест. И луна в полнеба,
И тропический дух парной.
Притерпелся и здесь. Но мне бы
Хоть на ночку да в край родной.

Там, конечно, под снегом крыши
И морозная ночь долга.
Вот и дочка из дома пишет:
«Нынче прямо до звезд снега».

Пятый месяц по жарким весям —
То ль хвалить, то ль хулить судьбу?
На своем испытал горбу,
Сколько Крест этот Южный весит.

* * *

В сиянье заснеженных крыш
Великая дремлет природа.
Быть может, пронзительней тишь
Была только в детские годы.

А сколько таится чудес
В лыжне, убегающей с хрустом!

И вечер, и пашня, и лес
Созвучны движениям чувства.

И то, что мы снова с теплом,
Спасибо избушке угрюмой,
Где можно, хоть поздним числом,
О собственной жизни подумать.

* * *

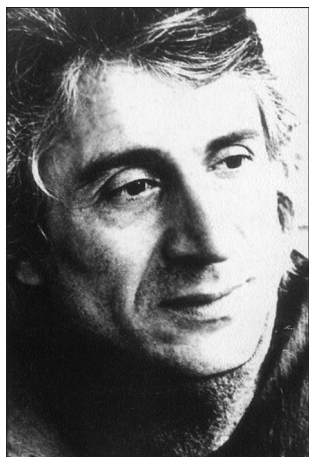
И вот вхожу в знакомую страну
Цветов и трав, и пашни незабытой.
И коршун держит в лапах тишину,
Кружа своей разбойною орбитой.

И злой комарик с криком «Помоги!»
Напрасно бьется в лапах паутины.
И по тропинкам ползают жуки,
Как тяжело груженные машины.

Я слышу вновь крестьянский зов земли!
Она парит к полуденному зною.
Над ней, как пули, носятся шмели,
В нектар цветов ныряя с головою.

А там, где с пашней слился оком,
Найду друзей по тракторному гулу.
Былинной Русью пахнет чернозем.
И вновь в себе я чувствую Микулу!

ПОЭЗИЯ

Владимир ЧОБАНЗАДЕ

СЛОВОЗВУК ПРЕДВЕЧНЫЙ, НЕЯЗЫЧНЫЙ ЗВУК

Владимир Чобанзаде родился 7 апреля 1947 года в Тбилиси. Окончил Высшие литературные курсы. Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

* * *

Ты — яблоко,
Я — шорох павших листьев.
Ты полон тяжести,
Я — дуновенья.
Мы оба — затаенные значенья
Неявленного образа и мысли.

* * *

В земле не истлеет зерно.
Оно прорастет, зеленея,
Крепясь, — там, где вечно темно,
Качаясь, — от света пьянея,

И в солнечной ласке лучей,
Свечою лучистой вставая
И искры вокруг рассыпая
Для долгих подземных ночей.

* * *

Я пилигрим, я странник строгий.
Тяжелый посох мой коряв.
Среди людей чужой, убогий,
Я прост и равен между трав.

И хлеб, смягченный влагой пресной,
Меня питает много лет,
От тьмы спасает вечный свет
И омывает дождь небесный.

* * *

Когда уносит вихрь времен
И трепетность и бездыханность,
И отлученный скудный свет
Безмолвных символов смиренья, —

Во храме, светлом от икон,
Меня волнует первозданность
И чувственного удивленья
В душе запечатленный след.

* * *

Нам остается так немного,
Когда желанья сочтены:
Четыре камня на дороге
На все четыре стороны.

И только напряженьем воли
Мы вспомним в четырех стенах:
И паром дышащее поле,
И свет незримый в облаках.

* * *

Мы свои надежды, как одежды скинем.
Сбросим омертвелый, бесполезный вес.
В скором озаренье яркозвездносинем
Нам предстанет щедрость неземных небес.

И заполнит душу светлым откровеньем
Словозвук предвечный, неязычный звук.
И неискушенным, детским изумленьем
Радую радость станет в полукруг.

* * *

Смолистым севером пахнуло издалика.
В густые сумерки распахнуто окно.
В зрачках моей души, как в бездне синеокой
Сиянье звездное растворено.

ЛАСТОЧКЕ

Ты явилась в сияющий день,
Значит небо тебя не разлюбит.
Как беспечно к воде прикасается клювик,
Как тревожна твоя узкокрылая тень.

Мы друг друга узнать бы могли,
Но тебе — подниматься к высотам,
Мне — следить за свободным полетом
И терпеть притяжение земли.

* * *

Мне хочется понять, что значат для вещей
Мой взгляд, прикосновение, дыханье,
Зависят ли они и от любви моей
И знают ли непониманье.

Мое отсутствие — печалит ли оно
И стол, и кресло, и цветы в кувшине,
И городской пейзаж на небольшой картине,
Где затерялся я давным давно.

В НОЧНОМ

Звезд не больше, чем искр в костре.
Языки костра все острей.
На полшага отступит ночь —
Вдвое время летит быстрей.

Скоротаешь ночь у костра
Да послушаешь храп коней —
И поймешь:
Ночная пора
Изменяет значенье дней.

Ты в огонь смотри и молчи,
Не спугни моего коня.
Белый конь,
Как луна в ночи,
Словно ночь
Среди бела дня.

Это конь
Не твоей мечты.
О своем ты навек забудь.

Как звезда летит с высоты,
Так и он выбирает путь.

Но все ниже,
Ниже огонь,
От росы трава тяжелей.
Не луна в ночи —

Белый конь,
Будто сотканный из лучей.

Надвигается пар с полей,
Словно утренний сон, легко.
Белый конь бежит по земле,
И луна над ним высоко.

* * *

К полудню от инея
Отойдут сады,
Горизонта линия,
Синие пруды.

Ворох листьев сброшенных,
Сонное тепло.

Воробьев взъерошенных
Мимо пронесло.

В тишине встревоженной
Долго будет плыть
Тонкой, размороженной
Паутины нить,

* * *

Прожито все и пережито,
И предстоит еще забыть
Из детства дом, плющом увитый,
В котором я остался жить.

* * *

Какая весна!
Все вокруг затопило
И некуда деться от талого льда,
От яркого дня,
От наносного ила,
От всей суеты, что проносит вода.

И долго звенят в дымном воздухе
струи,
И вечером, — только смягчается
свет, —
Из нескольких звезд собираются
сбруи
Созвездий
Над гривами рыжих комет.

* * *

Над главами оживших церквей,
Над смятеньем сплетенных ветвей,
Над шуршащей листвой золотой
Колокольный размеренный бой.

В перекрестье высоких лучей
Небо ближе и свет горячий.
И чем выше, тем лучше видна
И страданью и счастью цена.

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Борис ПОДОПРИГОРА

УВЕРЕННОСТЬ В АВТОМАТЕ КЛАШНИКОВА

Борис Александрович Подопригора родился в 1955 году в Ленинграде. Закончил Военный институт иностранных языков (китаист и специалист по Афганистану), а также факультет психологии СПбГУ.

Заслуженный военный специалист России. Награжден 2 орденами и 20 медалями. Занимал должность заместителя командующего федеральными силами на Северном Кавказе. В настоящее время — преподаватель СПбГУ — специалист по международным конфликтам.

Постоянный автор периодических изданий и художественных альманахов. Лауреат журналистского конкурса «Золотое перо-2006» в номинации «Личность в журналистике». **Живет в Санкт-Петербурге.**

ОБ АНТИПОДАХ ПАТРИОТИЗМА

Патриотизм — это сочетание Памяти, Долга, Достоинства и Культуры, внутривенная реализация национальной идеи. Образно говоря, это — «нежность к треснувшей кафелинке в метро «Маяковская», плюс уверенность в автомате Калашникова. Того, кто считает иначе переубедить бессмысленно. Вариации на тему патриотизма тоже не добавляют ему сакральности. Говорить следует об антиподах патриотизма — русофобии и космополитизме, вырастающих из диссидентской субкультуры в антигражданскую доминанту в сознании многих критиков власти.

Империя без империализма?

Русофобия появилась, когда в возникшем миропорядке без России стало не обойтись. Её дожившая до наших дней теза — Россия опасна и ненавидима до тех пор, пока не перестанет быть империей. Что на это скажешь? Хоть убей, не похожа Россия на империю в метропольно-колониальном понимании. Императоры правили. Но владений, как у Британии-Португалии, не было. И не потому ли так легко отдали Аляску, что она-то и не вписывалась в логику державного строительства? А когда нет естественной границы, скажите, с чего начинается тот же Северный Кавказ — с Ростова или станции Надтеречной? Проще говоря, с чего начинается Роди-

на? Иной культуральный посыл обречен на фальшстарт. Имперское же сознание проявляется больше в житейском преломлении. И не следствие ли оно неизбежного — по академику А. Панченко — «гнёта пространства»? Не самоутешение ли мерзнущего в степи ямщика, сегодня — не ямщика, а пассажира, в Новый год застрявшего в Новосибирске — на полпути между Петропавловской крепостью и Петропавловском-Камчатским? Самоутешения, повторим, скорее фольклорного, нежели переходящего в намерение прибить щит к воротам Царьграда или обмыть сапоги в Индийском океане.

Неисправимая русская «имперскость» — едва ли не главное препятствие в диалоге, по меньшей мере, с ближнем зарубежьем. Возьмем Балтию. Эта тема окажется в знаменателе любых дискуссий о ее вчерашней «оккупации» и сегодняшней свободе. Вывод неизменен: роль России состояла исключительно в порабощении малых народов. Используя аналогию с наполовину полным или пустым стаканом, спросим: не историческая ли привилегированность курляндских, польских, финских и прочих элит привела к формированию сегодняшней государственности наших соседей? Откуда на русско-имперской, а порой и на европейской аренах возникли Бенкендорфы, Паскевичи, Маннергеймы? Литва же, к слову сказать, даже за свои советских полвека получила под 20 процентов нынешней территории. Да и Польша в нынешних границах сформировалась, в том числе, за счет 600 тысяч потерь, понесенных Красной Армией в 1944-45 гг. Другие малые народы — фламандцы в Бельгии или баски с Испании — своей свободы добивались не менее истово, но с иным результатом.

Почему бы каждому из 15 постсоветских сообществ не признать собственные истоки в том имперском миропонимании, которое эволюционировало в национальные самосознания, а из него в обусловленные им суверенитеты? Да и формально — 58 из 73 лет во главе «советской империи» стояли выходцы из Грузии и Украины со своими пёстрыми, но нередко национально-подобранными командами. Справедливо ли считать сегодняшнюю Россию чуть ли не историческим антиподом новых окрестных демократий?

От ближнего круга обвинений чуть отстоит классика евроатлантического скепсиса: мол, в историческом вчера паиньками не был никто, но, вот, «Вовочка» неисправим и сегодня. Прежний образ России — медвежеподобный казак в краснорубашечной буденовке и кожаном плаще энкавэдэшника — дополнен нефтегазовой трубой, на которой он же и восседает. Мол, не признаю никаких энергетических хартий, потому как без шальных нефтедолларов империю не удержать. Нам так и говорят: а зачем удерживать? Не лучше ли ютиться в одной из «швейцарий», чем терпеть необустроенность российских просторов?

Да, чтобы контролировать огромные пространства, требуется куда большая, чем в «Европах», централизация, а то и сила. Есть ли этому альтернатива? Слом парадигмы державного строительства открывает перспективу коллизий-бунтов — «осмысленных и мило-

сердных». Россия не сможет сохранить себя, уподобившись шангреневой коже. То, что останется в зоне Октябрьской железной дороги, называться будет иначе: Россия может быть либо глобальной державой, либо глобальной угрозой. Верить в снисхождение к нам со стороны Запада, да и Китая столь же глупо, сколь усматривать во всем только козни Люцифера. Почему за далекие Фолклендские (Мальвинские) острова Британия стояла до победного конца? Не потому ли и Индия держится за проблемный Кашмир, и Дания за Фареры, что проходит время деколонизаций, отделений и прочих политико-филантропических уступок-кокетств? Ресурсов становится меньше, их завтрашняя номенклатура — все менее предсказуема. Даже коралловый риф завтра может стать причалом для танкера или вертолетной площадкой. Поэтому рачительный хозяин думает не о том, как избавиться от географических излишков, а как обратить себе на пользу и далекий остров в океане, и торчащую из воды скалу. Что же говорить о двух третях территории страны с обобщенными 80 процентами ее природных ресурсов?

«Как сладостно отчизну ненавидеть»

«Хорошо, когда бы нас тогда покорили эти самые французы... Совсем даже были бы другие порядки-с», — мечтал герой Достоевского с ароматной фамилией Смердяков. Смердяковщина отличается от русофобии домашним авторством катастрофических пророчеств. Сколько бы не говорили о демократии, как о заморских бусах для отечественной интеллигенции, верится, что и та и другая достойны большего уважения. А если так, то демократичность и интеллигентность без уважения к собственной биографии — суть те же бусы. Речь о том, что перспективы наметившегося движения к Достатку при Достоинстве не устраивают несколько тысяч «критиков», искушенных в публичности, преподносящих национально-разрушительную идею сноровистей, чем общество ищет просто национальную идею.

Сегодняшняя смердяковщина — это воинствующий космополитизм, приверженцы которого видят себя прежде всего гражданами мира. На словах — цивилизованного и противостоящего «азиатчине». На практике — сшитого по чужому плечу. Уточним — видимые миру успехи Америки — при любых (столь ли отдалённых?) последствиях той же иракской кампании стимулировали индивидуально-групповой поиск союзничества с сильнейшим. В том числе, за счет игнорирования интересов страны проживания «гражданина мира». Унаследованной с советских пор особенностью российских (парадокс!) космополитов является их часто профессиональное диссидентство, закрепленное ощущением победы в 1991 году.

Сегодняшние диссиденты, разумеется, не на одно лицо. И если иметь в виду осуществляемую ими правозащитную функцию, то в

гражданском обществе таковая безусловно необходима. Но сегодня критика властей перестала быть прерогативой группы так или иначе мотивированных лиц. Партии и пресса этим тоже занимаются — об обратной связи мы не говорим. На протяжении десятилетия главными объектами атаки отечественных космополитов в значительной степени являются политика федерального центра в отношении Чечни и армия. Наши прежние — на страницах «Дела» — обращения к тому и другому позволяют ограничиться двумя абзацами.

С конца 2001 года Чечня занимает устойчивое среднее место в ежемесячных сводках общероссийских ЧП, докладываемых руководством МВД. При этом около 10 раз (из условных 60 — по числу месяцев) республика являлся самым безопасным субъектом Российской Федерации. Это близко к рекорду. Правда и то, что кровь там иногда проливается. Возникает вопрос: за что? Нас учили, что права человека — тем более на жизнь — не могут быть категорией избирательной. Согласимся, что чеченский народ оказался главным заложником и жертвой отечественного лихолетья. Но при любом уточнении понесённых им утрат, напомним судьбу «40-60 тысяч бесследно исчезнувшего в мирные годы (1991-94 и 1996-99 гг.) русского населения бывшей Чечено-Ингушетии»¹. Не о мести идет речь — о том, чтобы не повторилось пройденное. Какую альтернативу «кавказизации» криминал-сепаратизма предлагают поборники ухода федералов? Или главный смысл деятельности неодиссидентов — содействие последующему развалу страны? Иные откровенно желают, чтобы Россия оставалась «в экономическом отношении слабой, а в военном — немощей»².

Вспомним Смердякова: «Я не только не желаю быть военным..., но напротив, уничтожить всех солдат-с». Может, кто-то путает признание с презрением? Параллельно со структурами военкоматов в стране существует разветвленная сеть консультационных центров, парализующих призыв в армию тех, кто по своим задаткам помог бы быстрее завершить ту же чеченскую эпопею. Не трата времени на поиск «гадящего нам турка» и прочих «чертей» — кроме как в собственной душе — общество в праве озаботиться не только чиновничьей коррупцией и «куршевелизмом» олигархов...

ПРЕДАННЫМ НАМИ ПРЕДАННЫМ НАМ

«Мы ответственны за тех, кого приучили». Этот афоризм Сент-Экзюпери получил жесткую политическую огранку почти сразу после гибели легендарного француза. «Самоса, конечно, сукин сын. Но он — наш сукин сын». Так президент Рузвельт оце-

¹ Кавказ в поисках мира. М., 2000. С. 185.

² А. Подрабинек. «Опасность сильной России», www.forum.msk.ru.

нил верность Америке никарагуанского диктатора. Совсем не в общецивилизационном поле и сегодня пребывают герой-разведчик и шпион-диверсант. В политике, даже вчерашней, как и в футболе, принято болеть за своих против чужих. Это тоже аксиома. Как и то, что смена режимов часто превращает вчерашних вождей в изгоев. Победителя — великодушного или мстительного, дальновидного или мелочного — защищает писанный под него закон. Но и тогда, когда закон — международный, сердце-то — не закладка между страниц с параграфами! А еще есть русская поговорка: друзья познаются в беде...

Пленные войны, окончившейся миром

На исходе второй мировой мы простили гитлеровского союзника Маннергейма. Это редкий пример снисходительности к вчерашнему противнику. Но финальным актом «холодной войны» явился не акт капитуляции одной из сторон, а перезвон фужеров двух примирившихся. Кто тогда думал о будущих «пленных» окончившейся миром войны, тем более, «захваченных» одной из сторон? Первый постконфронтационный процесс — над лидером бывшей ГДР — сочли разовой уступкой «другу Колю».

Хонеккер — к тому времени тяжело больной — был вскоре отпущен умирать у дочери в Чили. Дело в другом: перед судом предстал не «банановый» «сукин сын», а доселе рукопожатный руководитель страны-члена ООН. Формально его судили за погибших при бегстве через берлинскую стену. Фактически — за то, что он, воспитанный на коминтерновской субординации, оставался верным идеалам Октября-17-го и Мая-45-го, прямо скажем, переживших распад социалистической системы. Так был открыт ящик Пандоры. За немцем Хонеккером настала очередь болгарина Живкова...

Тогда же освободившиеся от тоталитаризма прибалты снарядили конвой за своими недавними визави, оставившими не спасенной ими стране капельку горького романтизма — красный флаг на последнем узике ушедшего в историю рижского ОМОНа... Кое-кого — не без помощи отечественной фемиды — препроводили в латышские и литовские застенки. Остальных развело время. Памятное лязгом вагонных засовов, потом затворов Приднестровья и Абхазии, Таджикистана и тогда еще не бывшей Югославии. В белградской Свято-Троице к одной исторической стенке оно приставило «Генераль Врангель» и «Храбро пали, браче-русима!» Это время напоминает оставленной для себя последней гранатой грозненского мента 94-го года — тоже бывшего рижского омовца, боями за будущую национальную идею и не перестраиваемую порядочность. Всех, нередко проклятых на малой родине, забытых на большой, не часто поминаемых на чужой. Тех, кто, возможно, уже не верил в «Союз нерушимый» и в то, что «это есть наш последний и решительный бой». Но вслед за

Врангелем и Деникиным приравнял верность Присяге собственному Достоинству.

А вошедшие во вкус побед уже без юридических формальностей вскоре вздернули афганца Наджибуллу. За верность шурави, от которых отеклась новая московская власть. Никто не обратил внимание на визит — еще в «предталибский» Кабул — тогдашнего министра иностранных дел Козырева. У российского гостя нашлись дела поважнее спасения последнего сколько-нибудь влиятельного лидера Афганистана. Кабульский же хозяин — мелкотравчатый моджахед Хекматияр — слыл поборником «нашей и вашей свободы», почти такой же, как и у «оппонировавших» ему талибов. До 11 сентября оставалось...

Тем временем национально-освободительная «пассионарность» бюрократически ошетибилась правом на свои внутренние дела. Попробуй, возрази! Тем более что судей и параграфы «уравновесили» приткими адвокатами и доверительным шепотком: ««посмотрите на возраст «преступников»: год-два — и все рассосется». Нам, не отошедшим от юридической коллизии октября 1993-го, сказать было нечего. Поморщившись, проглотили и тогда, и потом. О человеческом предательстве стыдливо молчали. Про гуманизм не вспомнили. О политических последствиях старались не думать.

Впрочем, сданные вожди и растоптанные флаги, все равно, оказались лишь вершиной пирамиды унижения... Эпизод 1998 года. Немецкий миротворческий контингент в Боснии. Оберлейтенант бундесвера нехотя откликается на зримое несоответствие его звания — седине: «Вообще-то я — полковник армии ГДР... закончил военно-медицинскую академию в Ленинграде... дали, вот, дослужить до пенсии... Повезло...» В этом «повезло» — столько же презрения к фартовому русскому, сколько и стеснения за свои жизненные обстоятельства. Такие, как и у его соотечественника Маркуса Вольфа, до конца дней метавшегося между прокурором и адвокатом, Германией и Россией. А ведь это — не просто руководитель одной из наиболее эффективных разведок XX века. Внедрив своего агента в ближний круг канцлера ФРГ Брандта, он для Москвы «подготовил» первое «историческое соглашение» с ФРГ. Гитлеровскому разведчику Гелену работа по специальности нашлась и после мая 45-го. Нашлась в ФРГ. Гэдээровский антифашист Вольф оказался врагом своей объединившейся немецкой родины. И еще — незванным гостем на распавшейся советской. Ни той, ни другой, повторим, никому не проигравших. Только ли у них предательство рифмуется с самой Россией, а не с незапятнанным слабоумием, а то и сытой подлостью ревнителей общечеловеческих ценностей? На всю оставшуюся люстрированную жизнь в «примиренной» Европе.

На «востоках» было еще жестче. Недавно в Одессе умер забытый всеми «родинами» «че гевара» афганской революции — легендарный

Ватанджар. До конца жизни он писал книгу о земляках-единомышленниках, преданных нам и нами. Сохранилась ли рукопись? Вошел ли в нее эпизод 1999 года, когда дорожное управление провинции Кундуз до последнего отстреливалось от наседавших талибов под откуда-то взявшимся флагом Киргизской ССР? От нас требуют покаяния за «пакт Молотова-Риббентропа». Погибшие под красным флагом афганцы уже ни о чем не попросят. Не до этого и прочим многонациональным друзьям СССР, ныне оказавшимся под разными флагами вторых родин. При любом отношении к своим прежним триколорам-серпам-молотам-плугам и -измам. В России таких минимум 150 тысяч. Некоторым вторая родина великодушно доверила свое подданство. И не более. Пять тысяч детей республиканской Испании удостоились большего пиетета.

Два генерала

Хуже тем, кто остался на первой родине. Недавно припомнили прошлое 84-летнему экс-лидеру Польши Ярузельскому. Припомнили с оскорбительным «оттягом». Год назад генералу вручили наградной крест за ссылку в Сибирь, где он стал солдатом антигитлеровской коалиции. Потом крест забрали. Его обвиняют в введении военного положения в 1981 году, а также в руководстве в 1970-м «преступной организацией вооруженного характера». То есть, армией социалистической Польши — участницы международно признанного Варшавского Договора. Генералу инкриминируют гибель 44 жертв антиправительственных выступлений в Гданьске и Гдыне.

В 63 папках, собранных антикоммунистической инквизицией в Польше — институтом национальной памяти, разумеется, найдется всякое. Главное — что искать? Например, ответ на вопрос: мог ли он не выполнить приказ? И если бы не выполнил, как на его месте поступил бы другой? Смог бы этот другой впоследствии избавить Польшу от судьбы Чехословакии 68-го — ввода советских войск? Фактически его уличают в том, что Польша миновала кровавую участь Венгрии 56-го? Такую как Чили 73-го.

Вот только генерал Пиночет умер не в тюрьме и даже ободренный своими прежними патронами в лице баронессы Тэтчер. Разве 44 — земля им пухом — поляка и 40 тысяч жертв пиночетовской диктатуры — это одно и то же? Как и замаячившее 10-летнее заключение генерала Ярузельского — в сравнении с 16 месяцами, проведенными Пиночетом под домашним арестом. Кстати судьбу Ярузельского могут разделить глава Польши-70-х Каня и тогдашний министр внутренних дел Кишак. Тоже за то, что, исходя из логики тогдашнего межблокового противостояния, предотвратили братоубийственную резню в ближнем тылу антиимпериалистического фронта. Резни же, по правде говоря, еще больше опасался брат старший, к тому времени уже достаточно обремененный афганским

опытом. Не из Москвы в Варшаву, а наоборот залетела слегка русифицированная нами рифма: «Паны и пани, идите до Кани. А то — придут Вани, и будет как в Афганистане». Кстати, генерал Ярузельский к 1989 году обеспечил конституционную и демократическую передачу власти своему антиподу Валенсе. Не потеряв при этом ни пяди земли, которую он присягал защищать. И уж, тем более, никуда потом не сбегал, как это, конечно же, по здоровью сделал «жесткий реформатор» Пиночет.

Может, «институты национальной памяти» вкупе с «музеями ненависти» преобразовать во всемирный орган исторического примирения? Приравняв национальное злорадство к ксенофобии?

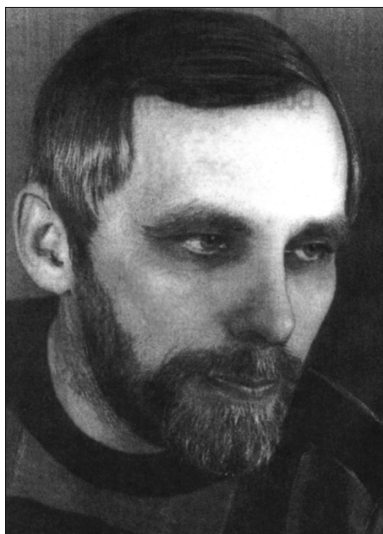
* * *

В другом контексте мы бы сухо пояснили: Ярузельский, как и Хонеккер, это — символы нашего общего прошлого — и победно-космического, и двусмысленно всякого. Своего такого — в Польше ли, Европе или Америке — ничуть не меньше. Просто когда одни упивались своим триумфом, другие им потакали. В этой же логике предложение Хиллари Клинтон учредить специальную награду за победу в «холодной войне». Чтобы не забывали, кто кого уязвил. Ибо униженный — всегда слабее.

Может, для самовоскрешения нам учредить орден Верности? На одноименной улице увековечив покаяние перед преданными нами? Преданными нам.

ПОЭЗИЯ

Виктор ПЕТРОВ

У СТЕПНОЙ ОКРУГИ НА ВИДУ

Виктор Сергеевич Петров — автор многих сборников стихотворений. Лауреат Всероссийской Шолоховской премии (1996) и премии журнала «Юность» (2001). Член Союза писателей России. Главный редактор журнала «Дон». Живет в Ростове-на-Дону.

* * *

Свистит пурга ли оголтелая,
сухой ли «астраханец» жжет,
две птицы — черная и белая —
стучат в оконный переплет.

И черно-белое биение
как будто бы зовет меня:
стучат надежда, огорчение —
и возвышая и кляня.

Рванусь на все четыре стороны,
пути не зная наперед,
взмахнут то соколы, то вороны —
в свой неожиданный черед.

* * *

(Из поэмы «Ночной солдат»)

...Вернусь к себе домой
В рассветной полумгле.
Солдат, товарищ мой,
Проходит по земле.

Идет, как часовой,
А с ним огонь, броня,
И отсвет фронтовой
Ложится на меня.

Идет солдат, идет
Во сне и наяву.

Мою он жизнь живет,
Его я жизнь живу.

ОЛАДУШКИ

Мимо станции Успенской —
От заката на восход —
В эшелонах длинных с песнями
Ехал сорок пятый год.

Ждали мамы на перроне —
Похоронкам вопреки:
В том ли, в этом ли вагоне
Их кровиночки-сынки.

У моей печальной бабушки
Узелок белел в руке,
Принесла она оладушки
В поминанье о сынке.

Он сказал: «С германцем сладим,
И на празднике моем
Испеки тогда оладьи.
Живы будем — не помрем».

Да погиб ее Василий
Смертью храбрых на войне,

Заслонив собой Россию,
Приходившись дядей мне.

И она, печаль осилив,
Раскрывала узелок,
Говорила: кто Василий,
Пусть берет, как мой сынок.

ПАРОМ

Егорычу седьмой десяток,
Болят усталые года,
Но держит рейсовый порядок —
Перевезет за Дон всегда.

Морщин пожизненная горечь,
Как отражение реки,
А руку подает Егорыч —
Мозолистый наждак руки.

Слепит в межоблачном проеме
Июля солнечная жесь.
Всему и всем на том пароме,
Как на ковчеге, место есть.

Волна тяжелая с размаха
Ударит под железный бок.
Белеет парусом рубаха,
Да парус тот не одинок.

Стоит Егорыч у штурвала,
Судьбу всеобщую верша...
Меня волна разволновала,
И слова требует душа!

Я с дедом встану. Глаз прищурит,
Оглядывая кипень вод,

И беломорину прикурит —
Знакомы с ним который год.

Вода бормочет, не стихая,
Плывет паром, и я плыву.
О жизни речь... Живу стихами,
И, может, потому живу.

Пускай удача, неудача,
Я должен свой вести паром,
До боли жились и до плача,
Теперь сбываться — не потом!

Не все сказать... Да и не надо,
Старик поймет меня и так...
И обогреет ясным взглядом,
И скажет: «Не горюй, казак!»

Паром, паром... Святое место! —
Стократно это повторю:
Как на духу, о жизни честно
Что думаю, то говорю.

Душа стихом не оскудела,
Но станет стыдно жить пером,
Я выберу мужское дело —
Уйду работать на паром.

ИЗ ДЕТСТВА

Меня укачивала мать
в дырявом цинковом корыте.
Я был горазд тогда кричать.
Она шептала: «Тише, Витя...»

Жила за тонкою стеной
соседка — вдовая солдатка:
без мужа, без детей, одной
в пустом дому и так несладко.

А утром, выйдя на крыльцо,
за шум прощенья мать просила.
Соседка, отводя лицо,
сквозь слезы маме говорила:

«Мне тяжело, что я одна.
Пускай кричит малец, раз хочет...»
Ее пугала тишина,
ее спасал я криком ночью.

ОСЕННИЙ ПУТЬ

Опять зарядили дожди,
И вымокла осень до нитки.
Наш тополь у низкой калитки
Скворечню укрыл на груди.

В забродских, больших сапогах
Уйду по раскисшей дороге.
Как холод неясной тревоги,
Почувствую дождь на щеках.

Найдется одна из причин
Осенним раздумьям предаться,
И стану с трудом выбирать
Туда, где движение машин.

С любою из них по пути,
Поэтому сяду в любую,
Чтоб только с шофером вплотную
Беседу о жизни вести.

Скажу, что другим бы не смог,
И станет поэтому легче:

Я правдой на правду отвечу
По кодексу русских дорог.

И станет яснее чуть-чуть
Все то, что тревожило сердце...
«Спасибо!..» И, хлопая дверцей,
Продолжу случившийся путь.

Пространствую я допоздна
Под ветром холодным и влажным,
Но это не так уж и важно,
Раз больше тоска не страшна.

Завижу родное окно,
Скорей бы домой возвратиться!..
И что-то сегодня решится,
И что-то уже решено.

Понятнее сам я себе,
Когда от себя удаляюсь,
Своею судьбой приближаюсь
К другой незнакомой судьбе.

* * *

Я тоже казак, раз в казачьем краю
Бессмертному ветру лицо подставляю...
Я ворот рвану! Землякам подпою —
Да так, будто сам я по Дону гуляю.

А дева, что плачет, не плачет пускай:
Цыганка не то про меня нагадала.
Мой конь застоялся. Мой конь, высекай
Гремучие речи подков разудало.

По жилам ударит хмельная струя,
В ладонях почувствую силу такую!..
И вымахнет гулкая воля моя
В протяжные степи, где я казакою...

Себе я придумал на славу коня
И много чего напридумал иного,
Но дева из песни полюбит меня —
Сто лет она плакала из-за такого.

* * *

Не выводят переулки к площади,
А к траве выводят и реке,
Где все реже и все реже лошади
Старомодно скачут вдалеке.
Городскою суетой ограбленный,
Я туда с тревогою уйду,
Вороша судьбу, как сено граблями,
У степной округи на виду
В час раздумья ухожу из города
На сквозной, обветренный простор.
Поднимая воротник от холода,

Затеваю сам с собою спор.
Степи для души — как
будто родина,
Без которой не живет она:
Предо мною — дали,
что не пройдены,
Надо мною — неба вышина.
Возвращусь с иной, нездешней верою,
И, когда обступит суета,
Я пойду на то, чтоб стали мерою
Для меня и даль и высота.

ПОЭЗИЯ

Вадим ТЕРЁХИН

НЕ ОСТУДИЛАСЬ КРОВЬ РОССИИ

Вадим Фёдорович Терёхин родился в 1963 году. Закончил Казанское высшее военное училище ракетных войск и Литературный институт им. А.М. Горького. Служил на космодроме Байконур, работал преподавателем, журналистом. Лауреат многочисленных литературных премий. Секретарь правления Союза писателей России, председатель Калужского отделения Союза писателей России. **Живет в Калуге.**

* * *

Осень — червленая медь
Листьев, чья воля тиха.
Хочется мир протереть, —
Но изнутри, — от греха.

Пусть совершит оборот,
Что накопилось во мне —
Осенью в землю сойдет
И прорастет по весне.

Пусть снова грянет зима.
Станет легко на душе.
Горем болеть от ума
Нужно не будет уже.

И мировая печаль
Сгинет всем безднам назло.
Я стану пуст, как хрусталь,
И одинок, как число.

И не в лавровом венце,
И не забытым судьбой
Я буду в первом лице
Честно стоять пред Тобой.

* * *

Скрипят заржавелые двери.
Им вторят старательно в лад
Машины, как лютые звери, —
Мяукают, воют, рычат.

Вот так незатейливо, мудро
На поздней осенней поре
Мое начинается утро
На провинциальном дворе.

Еще ты живешь еле-еле
Емелькой на теплой печи,
Но тащат тебя из постели
Дневного светила лучи.

Швыряют в копилку столетий,
Которые каждый твой час
Из всхлипов, молвы, междометий
Заносят в словарный запас.

Из настезь распахнутых ставень,
Из мутного света квартир
Ты каждой секундою равен
Всем звукам, терзающим мир.

По толкам, намекам, подсказкам
Тебе здесь оказана честь
Быть равным всем жизненным краскам
И выше, чем то, что ты есть.

Быть грешным подобием ради
Цветения горсточки слов,
И суммой Его благодати,
И праха, и лимфоузлов.

ХРАНИТЕЛИ ВРЕМЕНИ

Куда нас заведет прямая речь.
Все станет легче пуха, тоньше звука.
Но есть такая сложная наука
В себе приметы древности беречь.

Жизнь предлагает быть с ней заодно,
Смотреть особым зреньем, сбросив шоры.
И в прошлое иметь свое окно,
И с будущим вести переговоры.

Все в мире порастет разрыв-травой,
Осядет пеплом в охладевшем тигле.
Учение быть памятью живой
Мы собственной судьбой сполна постигли.

Мы после смерти снова оживем
И снова станем, пользуясь моментом,
У времени и лечащим врачом,
И пациентом.

* * *

Прыткость бывшая утеряна.
Мир не становится ярче.
Близится возраст Каренина.
Что тебе надобно, старче?

Я попрошу, чтоб без ропота,
В светлой и легкой печали
Горькое знание опыта
Наше они переняли.

Не на что больше надеяться.
Все, что могло, — совершилось.
Жизнь оказалась безделицей
И на ладонь уместилась.

Я наскребу еще пороха
В стареньких пороховницах.
Стоят советы недорого.
Слушают, знаю, с ехидцей.

Зелено, молодо, зелено,
Благоугодное Богу
Скоро объявит: «Вам велено,
Освободите дорогу».

Знаю, как мы, не поленятся
Умные наши детишки,
Скоро развалят поленницу
И наломают дровишек.

И прекращая истерику,
Я им скажу: «Извините,
Вновь открывать всем Америку,
Если хотите, идите».

Чтобы потом перед Господом,
Срезавшим вызревший колос,
Каяться собственным опытом
И отвечать во весь голос.

* * *

Берешь у всей страны взаймы,
Москва — притон для иноверцев.
Сыграй мне что-нибудь из тьмы,
России каменное сердце.

Пропой на радость голытьбе
О том, что требуется снова
Для оправдания тебе
Большое поле Куликово.

Твоим вассалом был и я.
Используя мое доверье,
Исполни песни бытия
Из своего высокомерья.

Ты будешь жить во всех правах
И пребывать в законной силе,
Покуда в каменных мешках
Не остудилась кровь России.

* * *

Не стенаю и не ненавижу
Этот дом, этот край, эту даль.
Оттого, что я музыку слышу,
Наполняет мне сердце печаль.

Все не так в ней, и все в ней инако.
В первозданной своей чистоте

Отделившись от нотного знака,
Тесно ей на бумажном листе.

Но от полного опустошенья
Нам спасенье дало ремесло —
Мерить музыкой несовпадения
С тем, что быть в этой жизни могло.

* * *

Обрати внимание, прохожий,
 не на помрачение в народе,
а на то, что вечен образ Божий
 в каждом первом встречном
 пешеходе.

Даже если он заочник ада,
 ученик его кругов и петель,
пожалеть обиженного надо,
 ибо в нем остался горний пепел.

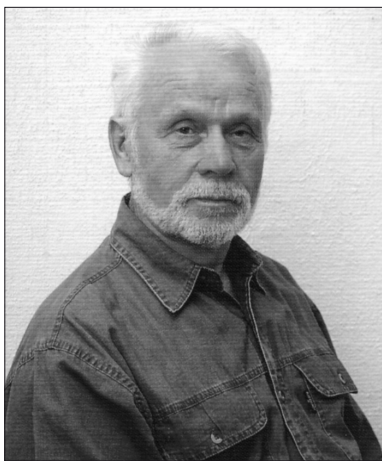
И в тебе, прохожий, вечен тоже
 свет, что неуклюже и нелепо
бьет тихонько из-под тонкой кожи
 и обратно просится на небо.

* * *

(из поэмы «Прощай двадцатый век»)

Блажен, кто, доверяясь красоте,
довольствуется пищей и ночлегом,
отпущенным по Божьей доброте,
кто на прямом пути к своей звезде
в своих страстях не разминулсЯ с веком,
был и остался просто человеком,
который жадно знания взалкал,
но день шестой всей жизнью оправдал.

Алексей ШВЕЧИКОВ

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Алексей Николаевич Швечиков религиовед, кандидат философских наук, доцент, руководитель «Собора православной интеллигенции». Им опубликовано более 60 научных работ по методологии, нравственности и религии. Живет в Санкт-Петербурге.

Проблем в жизни современного человечества накопилось много. Среди них есть основополагающие и второстепенные, но даже среди основополагающих главная — это духовно-нравственная проблема, включающая в себя религиозную, философскую, научную и этическую стороны жизни человека, а также искусство во всех формах его проявления. От результатов ее разрешения зависит будущее земной цивилизации, которого может и не быть.

Данная статья не ставит целью исследование взаимоотношений всего комплекса составляющих духовного поля человечества. Мы ограничиваемся лишь проблемой взаимоотношений религии и науки, считая эти взаимоотношения ключевыми для восстановления сущностных основ жизни человека.

I

В середине лета 2007 года в средствах массовой информации России появилось обращение к Президенту РФ В. В. Путину десяти российских академиков (Е. Александрова, Ж. Алферова, Г. Абелева, Л. Баркова, А. Воробьева, В. Гинцбурга, С. Инге-Вечтомова, Э. Круглякова, М. Садовского, А. Черепашука), в котором авторы выразили свою обеспокоенность «все возрастающей клерикализацией российского общества, активным проникновением церкви во все сферы общественной жизни».

Прямо скажем, что результата, на который, очевидно, рас-

считывали организаторы этого письма, не получилось. Обращение не произвело эффекта разорвавшейся бомбы и не вызвало ожесточенных дискуссий по поводу озабоченности этих академиков некой клерикализацией современного российского общества, фактов которой авторы Обращения не привели, а сконцентрировали свое внимание в основном на недопустимости проникновения религиозного образования в российскую светскую школу.

Мы вынуждены возвратиться к этому Обращению, потому что его тема и смысл непосредственно касаются темы нашей статьи, которая посвящается исследованию взаимоотношений науки и религии и необходимости их соработничества, а академики очень обеспокоены тем, что клерикализация подрывает веру в незыблемость и силу научного Знания. «...Мы не можем, — пишут они, — оставаться равнодушными, когда предпринимаются попытки подвергнуть сомнению научное Знание, вытравить из образования “материалистическое видение мира”, подменить знания, накопленные наукой, верой».

Если не вдаваться в частности, а попытаться дать общую оценку спорному документу, проникнуть на территорию его скрытого второго плана, то становится очевидным следующее: Во-первых, в нем содержится требование к государственной власти поставить под более жесткий контроль развитие религиозной ситуации в стране в целях ограничения усиливающегося религиозного влияния на общество, а точнее — активного проникновения религии (прежде всего, Православия) в различные сферы общественной жизни, и особенно в систему образования.

Во-вторых, документ выражает скрытую тревогу о том, что веками укореняемая вражда между наукой и религией может прекратиться и постепенно перейти во взаимопонимание и соработничество. Это будет означать естественную и неотвратимую смерть атеизма и скептицизма, на позициях которого продолжают стоять академики, обеспокоенные окончанием господства в обществе материалистического мировоззрения и так называемой «научной картины мира».

Вот почему либеральная часть общества и олицетворяющие ее авторы Обращения так отчаянно бьются за то, чтобы ни под каким предлогом и ни в какой форме православное образование или его элементы не проникли в систему светского образования.

В-третьих, по тексту Обращения видно, что главной силой, якобы навязывающей обществу «все возрастающую клерикализацию» является для его авторов Русская Православная Церковь. Как это ни прискорбно, но здесь позиции авторов Обращения и Збигнева Бжезинского с Мадлен Олбрайт совпадают (последние тоже считают сегодня РПЦ главным врагом свободы и демократии). Странно, что группа российских академиков не понимает или не хочет понимать того, что понял в отношении возрождающегося в России Православия современный американский геополитик Самюэль Хантингтон. В известном труде «Столкновение цивилизаций» он пишет: «В России

религиозное возрождение является результатом страстного желания обрести идентичность, которую может дать лишь Православная Церковь, единственная неразорванная связь с российской 1000-летней историей»¹.

Выходит, что «страстное желание» русского народа в возрождении исконных духовных традиций, вновь обретающего свою идентичность, которой его лишила богоборческая эпоха, идет вразрез с желаниями названных российских академиков. Жаль, что американский геополитик глубже проник и понял духовные чаяния русского народа, чем некоторые отечественные ученые.

II

Что же с нами произойдет, если мы и наш Президент поддадимся «обеспокоенности» авторов Обращения и начнем «принимать меры» по ограничению «опасной» (по их мнению) деятельности РПЦ и сдерживанию естественного и заметного духовного движения, роста количества православных граждан в современной России? Ответ лежит на поверхности. Перед нами недавний горький опыт Советского Союза, среди факторов трагической гибели которого — духовное и нравственное оскудение общества являются решающими.

Распад СССР еще раз обнажил безусловную истину, подтверждающую всей историей развития человечества — безрелигиозные народы и государства не жизнеспособны и обречены на распад и умирание. Спасти их от этого не могут ни высокоразвитая наука, ни «передовая» идеология, ни выдающиеся вожди. Бездуховность (а всякая духовность, лишенная религиозной составляющей, условна) как раковая опухоль разъедает организм человека, народа и государства изнутри, потому что распадаются смысловые основы бытия человека. Они сводятся лишь к внешней, материальной стороне жизни, но не допустимо забывать, что человек — существо, прежде всего, духовное.

Эту непреложную истину попыталась проигнорировать коммунистическая идеология, выстраивающая свою духовность на научной, атеистической основе. Ее пытается проигнорировать и современная западная цивилизация. Результат получается тот же. Она вошла в состояние кризиса и поставила себя на грань заката и самоуничтожения, что подтверждают современные западные философы, политики, ученые, писатели и т.д.

Известный политический деятель США, бывший советник президентов США Никсона и Рейгана, кандидат в президенты от Республиканской партии на выборах 1992 года — Патрик Дж. Бьюкенен, издавший в 2002 г. книгу с красноречивым названием «Смерть Запада» пишет в ней: «Запад умирает, народы Запада перестали вос-

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. 2003, с. 143

производить себя... Нынешний кризис грозит уничтожить западную цивилизацию. Сегодня в 17 европейских странах смертность значительно превышает рождаемость, гробы в них требуются куда чаще, чем колыбели... Новый гедонизм, как представляется, не дает объяснений, зачем продолжать жить»².

Попытка западной цивилизации создать райскую жизнь на земле и сделать человека удовлетворенным и счастливым, привела к материальному пресыщению, но опустошила души людей, сделала их нищими духовно, изуродовала их нравственные критерии. Один из самых знаменитых ученых-психологов современного Запада Станислав Гроф утверждает: «Долгое время мы находились в плену иллюзий и ложной надежды на то, что рост материальной обеспеченности сам по себе способен основополагающим образом изменить качество жизни, принося нам благополучие, удовлетворение и счастье... Но наблюдается повсеместная утрата смысла, ценностей и перспективы, отчуждение от природы и общая саморазрушительная тенденция.»³ Таковы плоды усилий западной цивилизации по критике и упразднению религии и возведению на духовный пьедестал науки, заменяющей религию. Наука с четко обозначенной антирелигиозной установкой стала сдерживать интерес людей к поиску Бога, к духовным вопросам, что и привело неизбежно к глубокому всеохватному нравственному кризису.

Наука не созидаящая, а разрушающая духовное поле, опасная наука. Научное мировоззрение, основанное на материалистической установке, «на индивидуализме и соревновательности, а не на синергии и сотрудничестве» порождает «преследование эгоистических целей с дарвинистским принципом: “выживает сильнейший”»⁴. Такая наука и такое мировоззрение стали, по мнению ряда западных ученых, главной причиной глобального кризиса западной цивилизации. Поэтому они ставят на повестку дня проблему смены научной парадигмы с материалистической на идеалистическую, более соответствующую реальности. Новая парадигма означает первичность не материи, а сознания. «...Сознание, — утверждает современный английский ученый П. Рассел, — единственное, в существовании чего мы можем быть полностью уверены. Необходима, — продолжает он далее, — принципиально новая модель реальности, в которой сознание является столь же фундаментальным аспектом реальности, как пространство, время и материя, а может быть — еще более фундаментальным»⁵.

Наши академики-материалисты могут скептически заметить, что эти идеалистические постулаты о первичности сознания и вторичнос-

² Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М. 2003, с. 22

³ Гроф С. Революция сознания: Трансатлантический диалог. М. 2004, с. 21-22

⁴ Гроф С. Там же, с. 53

⁵ Гроф С. Указ. соч., с. 58-59

ти материи мы слышали еще в советском вузовском курсе философии. В своем Обращении они обвиняют РПЦ в стремлении «вытравить» из системы образования «материалистическое видение мира». Но такое «вытравливание» материалистической парадигмы современной науки производит не РПЦ, а сама реальная жизнь.

Надо признать очевидное: современная наука, с ее претензиями на главную духовную опору человечества, обанкротилась. Она не укрепила человека, а растлила его, разоружила человека духовно и нравственно. Вместе с наукой обанкротилась и «научная картина мира». Их необходимо снять с пьедестала законодателей жизни. Однако это совсем не значит, что наука вообще подлежит упразднению. Речь может идти только о том, что наука должна сменить свои ориентиры, смирить свою гордыню и прекратить противостояние с религией, признать за религией право на «духовное окормление» научного знания.

III

Время и сама жизнь властно требуют преодоления раскола и вражды между религией и наукой. Целостность и единство духовного поля должны быть восстановлены, иначе человечество (прежде всего западная его часть, и вслед за ней и мы), лишившись исторической перспективы, обречет себя на духовное и нравственное одичание. Будем считать, что возникшее противостояние двух векторов человеческого сознания временно и преодолимо. Не во всем, но согласимся с нашим соотечественником, известным юристом, политологом и философом XIX века Б.Н. Чичериным, который в своем фундаментальном исследовании взаимоотношений науки и религии писал: «Разрыв между наукою и религией составляет принадлежность известных ступеней развития: он происходит иногда от недостаточности науки, иногда от несовершенства религии. Но окончательною целью развития представляется высшее объединение обеих областей, конечный синтез всего духовного мира»⁶.

В чем кроются причины противостояния науки и религии?

Объективные истоки противостояния религии и науки кроются в их сущностном различии, субъективные — в человеческих амбициях, интересах и убеждениях. Основной причиной, объективно разделяющей науку и религию, является разность миров, в которых они живут и действуют.

Мир науки — это мир имманентного. Она погружена в мир видимых вещей, мир физический, материальный. Он является объектом ее изучения и применения. Мир науки — это, прежде всего и, в конечном счете, мир физических явлений. Попытки монополизировать с помощью научного знания мир духовных явлений ни к чему хоро-

⁶ Чичерин Б.Н. Наука и религия. М. 1999, с. 23

шему не привели и ничего нового не добавили к тому, что уже было сказано в Священных Писаниях религий мира.

Духовные и нравственные задачи были возложены на науку Западной цивилизацией по причине того, что из нее хотели сделать новую религию.

Основоположники европейской науки, будучи верующими людьми, были убеждены, что наука есть наиболее короткий путь к познанию Бога. Они считали, «что Бога невозможно найти на том пути, на котором Его искало средневековье... Бог сокрыт, Его пути — не наши пути, Его мысли — не наши мысли. Но в точных естественных науках, где творения Бога физически осязались, были надежды напасть на след Его намерений относительно мира»⁷.

Благие намерения первых ученых скоро были забыты. Освободившаяся от церковного влияния, европейская научная мысль переводит идею познания Бога через естественные науки в идею создания новой, естественной религии, которая затем завершается требованием непосредственной замены религии наукой, а религиозной веры научным знанием. Охваченная гордыней и богоборчеством, европейская наука начинает открыто претендовать на роль духовного вождя человечества. В ряды богоборцев и ниспровергателей религии влилась и советская наука, так же считающая себя духовной основой культуры и жизни. В советской философской энциклопедии 60-х гг. прошлого столетия наука определялась как «важнейший элемент духовной культуры» и «высшая форма человеческих знаний», как «система понятий и законах внешнего мира и духовной деятельности людей».

В этих условиях естественно не могло быть и речи о союзе науки с религией. Здесь речь могла идти только о том, чтобы убрать религию с пути «общественного прогресса» и упразднить ее окончательно.

Для того, чтобы успешно продвигаться по пути восстановления истинной духовности, необходимо методологически правильно выстроить взаимоотношения между религией и наукой, отводя каждой из них то место, которое они объективно призваны занимать, определить ту роль, которую они должны играть в нравственной жизни человека, сформулировать цели, на которые они должны ориентироваться и задачи, которые они должны решать.

Надо убедить, прежде всего, научную общественность в том, что противостояние науки и религии противоестественно, что корневых противоречий между наукой и религией нет, что они едины и обречены на соработничество онтологически, что их расхождения касаются лишь гносеологической сферы. Именно об этом говорил один из наиболее значимых русских религиозных философов — С.Н. Булгаков. Он писал: «...достоинство науки и ее права не ограничиваются, а только утверждаются религиозным учением о человеке, а вместе с

⁷ Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. М. 2006. с. 535

устранением последнего подрывается и первое. Наука принципиально опирается на религию, а не противоречит ей, как это странным образом сложилось в современных представлениях»⁸.

Религия и наука не противостоят друг другу, а взаимодействие не ограничивает их самостоятельность и свободу. Каждая продолжает решать свои задачи: религия — мировоззренческо-смысловые, наука — познавательные-аналитические и информационные.

Необходимо исправлять те перекосы во взаимоотношениях и функциях религии и науки, которые образовались в западной и советской цивилизациях. При этом надо исходить из того, что в силу объективного несовпадения функциональных задач религии и науки, специфика их познавательной деятельности как в предмете, так и в методах познания, противоречия в их взаимоотношениях объективно возникали и будут возникать. Поэтому дело заключается не в том, чтобы искусственно стирать эти противоречия, а в том, чтобы их вовремя обнаружить и правильно разрешить.

Так, смысловые вопросы человеческой жизни наука (не только естественная, но и гуманитарная) не решает и ответы на них не дает или же эти ответы не убедительны. Глубинные тайны бытия сокрыты от науки. «Задача и значение науки, — писал С.Н. Булгаков в указанной статье, — вполне относительно и ограничены: она имеет дело с определенным (логически или философски) кругом проблем опытного (в Кантовском смысле) знания.... но остров знания по-прежнему окружен морем тайн и вечности»⁹.

Существует точка зрения, что свои выводы по отношению к науке должна сделать и религия и признать в науке не ниспровергателя религиозных истин, а соратника по их подтверждению и укреплению, а так же то, что научное знание есть иной, по сравнению с религиозным знанием, путь к истине. Оно более подвижно, быстрее реагирует на «злобу дня», материальные жизненные потребности человека. Религиозное знание не обладает такой подвижностью, ибо оно озабочено не сиюминутным, а вечным, но ведь и вечное складывается из сиюминутного. Поэтому, очевидно, религия должна, думая о вечном, не забывать и о сиюминутном, а наука не должна увязать только в сиюминутном, а постоянно помнить о вечном.

IV

Письмо академиков еще раз подтвердило особую актуальность проблемы взаимоотношений науки и религии и насущную необходимость ее позитивного решения. Если атеизм значительной части российской интеллигенции будет и дальше подпитываться научно-

⁸ *Булгаков С. Н. О противоречивости современного безрелигиозного мировоззрения // История религии. М. 1991, с. 222*

⁹ *См. Ельчанинов А., Эрн В., Флоренский П., Булгаков С. История религии. М. 1991, с. 223*

религиозным расколом, то будут сохраняться серьезные препятствия процессу духовного возрождения России. Благодаря тому, что антиправославным силам удастся пока не допустить союза и соработничества науки и религии, в системе образования продолжает формироваться антирелигиозное материалистическое мировоззрение, на которое легко ложится и впитывается продукция рыночных средств массовой информации. В результате формируется поколение людей рынка и рыночной идеологии, идеологии мамоны.

Рынок, деньги и «сладкая жизнь» полностью заполняют мировоззренческое пространство молодого поколения, не оставляя места ни Богу, ни вере в него. Научные же представления начинают носить сугубо утилитарный характер, поскольку и наука становится прежде всего одним из активных участников рынка, а образование превращается в рыночную «образовательную услугу».

Научное мировоззрение в сущности рынофицируется, а рынок, как известно, не исповедует ни духовных, ни нравственных ценностей, он их отвергает. Рынок не приемлет заповедь Иисуса Христа: «...Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4:4). «Богом» современного рынка стали деньги, его идеологией — достижение прибыли любой ценой. Торжество такой идеологии возможно только в условиях существенного ослабления религиозного влияния на человека и общество.

Не человек, а рынок становится целью экономики. Вместе с обесчеловечиванием экономики обесчеловечивается и политика как «концентрированное выражение экономики». Идеология рыночного фундаментализма в экономике породила идеологию геополитического реализма в политике, где мораль так же не принимается в расчет. Выпадая из-под благотворного влияния религии, наука лишает себя духовных и нравственных критериев и превращается в верного слугителя мамоне. Современный рынок становится непреодолимой стеной между религией и наукой.

Разборки этой стены потребуют огромных усилий как со стороны науки, так и со стороны религии при активной помощи всех общественных сил. Но сначала нам всем необходимо осознать глубину и масштабность этой проблемы. Мы должны понять, во-первых, то, что навязанный нам либеральный вариант рынка, есть путь национального самоубийства. Во-вторых, что такой рынок лишает нас возможности нормализации отношений между наукой и религией. В-третьих, мы должны осознать, что возрождение полноценной духовности невозможно без взаимопонимания и взаимопроникновения религии и науки.

Русская Православная Церковь выражает готовность к такому союзу с наукой. «...Ныне, — гласят “Основы социальной концепции Русской Православной Церкви”, — как никогда необходимо возвращение к утраченной связи научного знания с религиозными духовными и нравственными ценностями... Церковь и светская наука

призваны к сотрудничеству во имя спасения жизни и ее должного устройства. Их взаимодействие способствует созданию здорового творческого климата в духовно-интеллектуальной сфере, тем самым помогая созиданию оптимальных условий для развития научных исследований»¹⁰.

К сожалению, наше научное сообщество, большей частью, отвечает на эту готовность РПЦ к сотрудничеству или молчанием, или бескомпромиссным отрицанием его возможности, как это сделали академики, подписавшие Обращение к Президенту РФ, в котором отвергается даже мысль о сотрудничестве между религией и наукой.

Люди, выступающие с таких позиций вольно, или невольно становятся противниками не только РПЦ, но и противниками полноценного духовного возрождения России, а, стало быть, и ее могущества и величия, ее определенной Богом духовной миссии — стать Духовным Центром для всего человечества.

Признаем, однако, и тот факт, что залогом преодоления сопротивления богоборческих, антиправославных сил духовному движению в России, является необратимо растущее православное движение. Об этом свидетельствуют всевозможные исследования состояния религиозности в современном российском обществе. В России неуклонно растет количество православных граждан и так же неуклонно снижается количество атеистов. Если по данным фонда «Общественное мнение» в 1991 г. православными себя считали 34 % граждан России, то по данным ВЦИОМ в 2006 г. эта цифра почти удвоилась и стала составлять 63 %. Если по данным этих же центров исследования в 1991 г. неверующими считали себя 40 % населения России, то в 2006 году их осталось только 15 %.

Пока мы не располагаем данными о том, какие изменения произошли в мировоззрении представителей российской научной общественности, но и здесь происходят заметные сдвиги на позиции богословского мировоззрения. Об этом можно судить по многочисленным публикациям ученых в печати, опубликованным книгам, посвященным религиозной тематике, выступлениям на различных научных форумах, защищенным диссертациям и т.д. Все это дает основания считать, что научное сообщество совершает разворот от атеизма и материализма к признанию христианских ценностей и их значения в своей жизни и деятельности. Появляются многочисленные работы ученых различных отраслей науки, раскрывающие не только противоречивость, но и совпадение библейских и научных истин, что позволяет судить о реальной возможности возрождения союза религии и науки. Только так мы победим и возродим величие России.

¹⁰ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Гл. XIV, п. 1.

Наша ИДЕОЛОГИЯ

Владимир ВАРАВА

СВЯТОСТЬ СЛОВА

*Главные вопросы
русской философии*

Владимир Владимирович Варава — преподаватель философии и культурологии. Работает на философском факультете Воронежского Государственного университета и в Воронежской духовной семинарии, член редколлегии журнала «Подъем», доктор философских наук. **Живет в Воронеже.**

Каждый народ имеет свою и *только свою* философию, которая является главным добытчиком Мудрости. Если философия задушена, то больна вся нация. Прорваться к русской философии, к ее задачам, положенных ей Небом, к ее своеобразию, значит дать нам надежду на подлинное Бытие в мире. Создать РУССКУЮ НАЦИОНАЛЬНУЮ МЕТАФИЗИКУ на основе коренных идей, ценностей и смыслов, лежащих в глубине отечественной Традиции — вот над чем нужно трудиться сегодня «мозгу нации», просто всем думающим, страдающим и любящим Россию. Ибо самый сильный недуг, поразивший нас сегодня, — отсутствие метафизического смысла существования, при наличии которого человек есть человек, а при отсутствии коего — пустой звук.

Человек всегда в центре русской философии. В этом ее отличие и от западной рефлексии, и от восточного умозрения. Если на Западе философия занята преимущественно познавательными способностями и возможностями разума (здесь познание санкционирует само бытие: *cogito ergo sum*), то на Востоке человек поглощен безликим абсолютom и не представляет интереса для самого себя. Соловьевская антиномия «бесчеловечного Бога» Востока и «безбожного человека» Запада преодолевается в русской философии.

Отечественное любомудрие воспринимает человека во всей его бытийной полноте. Не только разум, не только душа, не только

тело, или какие-то иные усеченные антропологические образы влекут русскую философию, но та истина «твари», полная и горестная, которая открывается на недостигаемой глубине человеческого сердца. Тайна бытия — это тайна сердца: в нем время и вечность встречаются и разрывают его, делая существование невозможным и навечно трагичным. «Жуть быть человеком», — говорит православный святой сербский богослов XX века преподобный Иустин. Чтобы вместить в свою душу бесконечный трагизм живого существа и показать выход, единственно возможный светлый, истинный выход из этой бытийной жути, нужен был совершенно особый человек. И Россия такого человека произвела: это Достоевский, задавший навечно все пути национальных философских исканий. Из Достоевского вышло все значительное в области культуры в России. И он, поставив самые радикальные вопросы о Боге и человеке, перешагнул национальные границы русской культуры и вышел на *абсолютный человеческий уровень*. «Всечеловек» Достоевского не «общечеловек» Цивилизации. Достоевский сделал последние выводы из человеческого существования. И отныне все остальные культуры выстраиваются в иерархию по мере постижения «русских вопросов» Достоевского.

Человек, будучи средоточием духовно-интеллектуальных исканий русской мысли, предстает в качестве глубочайшей бытийной загадки и проблемы. Проблемность бытия сохраняется на всем историческом пространстве русской жизни, вне зависимости от всех внешних «достижений» цивилизации. Философски промысленный, человек открывается, прежде всего, как конечное существо. С этим связано глубокое чувство трагизма, которое имеет специфическую для России переработку. Если трагедия человеческого существования в западной философии рассматривается в рамках экзистенциальной традиции, то в отечественной по-иному переживают несчастье жизни.

Для Запада человек уже не трагедия; его бытие рассматривается как чистый абсурд случайного возникновения жизни во вселенной. Дарвинизм здесь победил окончательно; животный взгляд на человека возобладали и породил специфическую форму самоуничтожения через бесконечный гедонизм жизни.

В России к жизни и смерти относятся глубже и серьезнее. Русская культура породила уникальную философскую форму — МЕТАФИЗИКУ СМЕРТИ. Уникальна она потому, что проникнута исключительно сотериологическими мотивами, то есть идеями спасения и преображения человека. Задетое смертью бытие вызывает в России мощный поток философского словомыслия и словодействия. Смерть как чудовищный уничтожитель жизни, смысла, любви, бытия как такового, находит радикальный «*сотериологический капкан*» в русской традиции. Поэтому русская философия «оформилась как христианская философия» (А. Карташов), ибо духовное ядро христианского вероучения, его центр и смысл — искоренение смерти («смертью смерть поправ»). Практически все искания отечественных

любомудров восходят в конечном счете к главному — к преодолению смерти. И речь идет не только о символических и психологических формах; русская философская традиция предлагает реальное (то есть онтологическое и космологическое) преодоление. Такое восприятие смерти бесконечно разнится с тем отношением, которое обнаруживается в западной танатологии. Пожалуй танатология и есть новая религия Европы и Америки, религия сверхгуманизма, главная забота которой продержатъ смертное тело в здоровье и безопасности как можно дольше. Окончательно восторжествовала на Западе та форма жизни, которую О. Шпенглер в начале XX века называл «лягушачьей перспективой».

Стремление к восстановлению целостности порушенного смертью бытия, неистовая захваченность этой целью создает особую духовную атмосферу русской философии — МЕТАФИЗИКУ ВСЕ-ЕДИНСТВА. Только уязвленное смертью сердце и пораженный этим фактом ум становятся обоюдно восприимчивыми к «болезни бытия», зорче видят «надтреснутость мира». Отсюда этическая заостренность на добре и зле, поиске высшего смысла жизни, стремлении к подлинности бытия. Наличное природное-эмпирическое и гражданско-правовое состояние никогда не было высшей идеей для русского ума. Созерцание горнего мира абсолютной правды порождает эсхатологическую тревогу по отношению к жизни и взыскует преображения, духовно-нравственного и космического. Этим и занята русская мысль, с этим связаны ее и наивысшие достижения, и самые горькие поражения.

Возможность преображения смертного человеческого естества порождает, с одной стороны, исихастскую традицию «умного делания», с другой — космизм, который по мере секуляризации русской культуры превращается в технократический утопизм и социальный коммунизм.

Достоевский, вобрав в себя весь тематический космос русской культуры, заложил литературоцентрическую традицию выражения философских идей. Жалость к «падшей твари» и, одновременно, ее высокое достоинство как образа Самого Бога — вот тот антиномический контекст, в с которым рядопологаются онтология, этика и антропология. Это дает пафос свободы; в России можно свободно философствовать. Для этого необходима особая языковая свобода мышления, не привязывающая его к угрюмой и мертвящей дисциплине *мыслить схоластически* (то есть исключительно логически и терминологически). Живой дух слова и его живая плоть умирают в термине. А логика, как сугубо мозговой продукт, изобретает столь чудовищно абстрактный мир, что в нем нет ни смысла, ни жизни. Поэтому логика никак не может царить в философии. И нетрактатный тип философии точно выражает пафос русской мысли. Слово, взятое художественно, способно полнее проявить живые смыслы бытия. Понимаемое как Логос, оно обладает антиэнтропийными и смысложизненными характеристиками одновременно. Имяславие,

как фронтальное постижение Бытия через Слово, обозначает еще один важный сюжет русской философии — МЕТАФИЗИКУ СЛОВА.

Уже Ломоносов понимал глубокие философские возможности русского слова. В «Российской грамматике» он называл язык российский «повелителем многих языков» и указывал на то, что он «велик перед всеми в Европе». Ломоносов открыл нам глубоко филологическое свойство русской природы — чувствовать живую, интуитивно, до всякой «логики» (до «всеобщей грамотности»), благолепную суть Слова, благоговение перед которым порождает величайшую культуру. Он писал: «Красота, великолепие, сила и богатство российского языка явствуют довольно из книг, в прошлые века писанных, когда еще не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или могут быть».

Великие творцы русской культуры всегда глубочайше ощущали *святость слова*, прикосновение к коему, со страхом и трепетом, требует духовной чистоты и нравственной мудрости. Остальное, как известно, прилагается. Корни русского Богомыслия здесь; здесь же тайна русского Боговерия и Богоотрицания.

Мир странен до жути. Он совершенно не «естественен». Он — чудо и тайна; он то, что внушает благоговение и удивление, то что приводит к высшему в человеке — к боязни Бытия (в ветхозаветной традиции «страху и трепету» перед Богом). «Неотмирность мира» — чувство, делающее русскую жизнь религиозной от самых первооснов, религиозной по сути. Отсюда драматизм взаимоотношений *культуры и веры*, остающийся навсегда неразрешимым. Здесь человек больше чем человек. Он звучит не гордо и не подло; человек звучит страшно. Бог и дьявол, Добро и зло, Восток и Запад сошлись в смертной битве в душе русского человека,

И сама Россия, как «сакральное вместилище» духоносного смысла человеческого бытия, предстает в качестве едва ли не самой притягательной и завораживающей темой русской мысли. Гоголь, пожалуй, один из самых выразительнейших писателей наших, зачавший эту традицию — полагать выше всего Россию, видеть ее всегда, одну как высший интерес и заботу. В своей «Учебной книге словесности для русского юношества» Гоголь, назидая молодое поколение относительно того, что такое слово и как его художественно постичь, забирает высшие патриотические ноты. Россия для истинных людей (не только русских этнически) — великая загадка Бытия; всякий глубокий человек очарован Россией, ее страданием и болью, ее огромностью и красотой, ее печалью и величием.

Историософия — единственно адекватный способ постижения нелогичности и невозможности России. МЕТАФИЗИКА РОССИИ, поэтому — полнозвучный аккорд той философской симфонии, которая раскрывает национальное своеобразие отечественной культуры.

Учредители:
Андрей РЕБРОВ
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Юридический адрес:
196158, Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 81, кв. 70.

Контактные телефоны редакции:
8(911) 836-00-06
8(911) 225-69-93

Почтовый адрес редакции (для рукописей и писем):
196244 п/я № 8. Ефимовской В.В.

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://www.rodnaya-ladoga.ru>

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Редакция допускает авторскую орфографию материалов.

Цена свободная

Корректор Г.А. Ильина
Компьютерная верстка Т.Б. Макаровой

Подписано в печать 01.12.2007 г. Формат 70х100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 16,9.
Тираж 1000. Заказ .

Отпечатано в типографии ООО «СРП «Павел» ВОГ»
196620, СПб. — Павловск, ул. Коммунаров, 16.